„БОГАТСТВА С. С. С. Р."
под общей редакцией А. Ф. АРСКОГО
ВЫПУСК XI

И. Н. АРНОЛЬД

РЫБНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

[illegible]

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1926 ЛЕНИНГРАД

□ □ □ ТИПОГРАФИЯ □ □ □
„КРАСНОЙ ГАЗЕТЫ"
имени Володарского.
Ленинград, Фонтанка, 57

Государств. публичная
историческая
библиотека РСФСР
1394252/11

ГИЗ № 8300. Ленинградский Гублит № 11950. Тираж 5.000.

ГЛАВА I.

ОБЩЕЕ ОБОЗРЕНИЕ РЫБНОГО ПРОМЫСЛА С.С.С.Р.

Рыбный промысел в С.С.С.Р. является одной из крупных отраслей добывающей промышленности.

Из 560.000.000 пудов рыбы, промышляемой во всем мире, на долю довоенной России приходилось по статистическим данным за 1913 г. 73.219.000 пудов или 13,07%,[1] при чем сопоставление этой цифры с ежегодными уловами рыбы в других странах позволяет поставить довоенную Россию на второе место[2] по количеству улова и на третье место по стоимости улова (Япония, Соединенные Штаты, довоенная Россия). Сравнительное значение отдельных стран по размерам их ежегодного улова рыбы усматривается из следующей таблицы, составленной по данным за 1913 год:

	Пуды:
1 Великобритания	76.436.000
2. Довоенная Россия	73.219.000
3. Япония	около 60.000.000
4. Соединенные Штаты	50.439.000
5. Норвегия	39.950.000
6. Канада	25.399.000
7. Франция	21.650.000
8. Германия	11.218.000
9. Нидерланды	8.149.000
10. Швеция	4.752.000
11. Дания	3.850.000
12. Австрия	2.800 000
13. Бельгия	1.260 000

Относительное значение рыбного промысла в хозяйственной жизни страны более рельефно обнаруживается при сопоставлении цифр, изображающих процентное отношение стоимости улова к доходному бюджету государств.

	Руб.	% %
1. Япония	159.716.500	13,0
2. Соединенные Штаты	143.165.000	10,8
3. Довоенная Россия	140.080 000	4.0
4. Великобритания	139.583.000	8,0
5. Канада	64 780.500	15,5
6. Франция	62.391.000	3,4
7. Норвегия	42.460.000	60,0
8. Испания	22.200.000	5,0
9. Германия	21.059.000	1,2
10. Нидерланды	16.817.500	10,3
11. Португалия	11.840.000	8,0
12. Италия	9.333.000	0,8
13. Дания	9.168.000	9,0
14. Швеция	5.171.600	3,0
15. Австрия	4.092.000	0,3
16. Бельгия	2.361.000	0,8

[1] В. И. Мейснер. „Основы рыбного хозяйства". „Рыбное Хозяйство". Москва, 1922, т. I.
[2] Там же.

Из приведенных таблиц усматривается, что безусловно доминирующее значение рыбный промысел имеет в Норвегии, затем одинаково большое значение в Канаде, Японии, Соед. Штатах и Голландии; к ним приближаются Дания, Великобритания и Португалия; промежуточное положение занимают Испания, довоенная Россия, Франция и Швеция и, наконец, на последнем месте стоят Германия, Италия, Бельгия и Австрия, в которых рыбный промысел играет совершенно незначительную роль.

Чисто морское рыболовство развито у нас весьма слабо, и в этом заключается характерная особенность С.С.С.Р. по сравнению с другими странами. Для характеристики чисто морского рыболовства северно-европейских стран мы приведем следующие данные. Весь улов таксировался по данным за 1910 г.[1] в 2.535 милл. килогр., стоимостью в 494 милл. герм. марок (см. диагр. 1 стр. 4). Первое место принадлежало Англии (даже без Шотландии и Ирландии) и Норвегии; второе место (выше 100 милл. килогр.)— Франции, Германии, Голландии и Швеции и в хвосте шли Дания, довоенная Россия и Бельгия. 38 милл. килогр., приходящиеся на довоенную Россию (в пудах это составляет 2.375.000), относятся повидимому к продукции Балтийского моря, Мурмана и частично Дальнего Востока[2] — это, конечно, слишком мало для страны с такими морскими рыбными рессурсами: наш Мурман и Дальний Восток могут дать гораздо больше чисто морской рыбы (сельдь, треска, камбала и др.) и в этом отношении для нас особенно поучителен пример Германии, которая в короткое время довела свой морской улов до 166 милл. килогр. (10.375.000 пуд.) в 1910 году, а в 1912 г. уже до 194 милл. килогр. (12.125.000 п.).

Рыболовный флот Германии к 1912 г. состоял из 808 регистрированных, преимущественно крупных судов с командой в 7552 человека и 14.714 более крупных мелких судов с командой в 22.005 человек. В Великобритании число морских рыбаков было в три слишком раза больше — 102.906 человек. Парусные суда быстро стали сменяться паровыми траулерами, число которых в Немецком море, или, точнее, выходивших на рыболовство из гаваней Немецкого моря, доходило в 1910 г. уже до солидной цифры 1749, при чем 221 из них принадлежало Германии, а 1414 — англичанам. Район действия этих

[1] A. Brehm. „Fische". Leipzig. 1922.
[2] Принята во внимание лишь одна сельдь.

траулеров далеко не ограничивался одним Немецким морем, но промышляли они и у русских берегов (особенно англичане) и в районе остр. Исландии, являясь в большинстве случаев мощными судами с собственными рефрижераторами [1] и достаточным запасом угля на путь туда и обратно и на время тралирования в океане.

Чрезвычайно интересно отметить, что несмотря на такое интенсивное рыболовство в открытом море, Германия при собственной продукции морского рыболовства в 42 милл. зол. марок, ввозила еще на 118 милл. зол. марок рыбы из других стран (на 67 милл. сельдей и на 23 милл. тресковых пород), приблизительно подобную же картину, при чем на первом месте стоит опять Норвегия (4%), затем идут Канада (1%), Португалия, Испания (0,5%), Италия, Франция, Голландия (около 0,4%). В довоенной России рыбаки составляли лишь 0,25% всего населения (около ½ миллиона человек) и в этом отношении она стоит выше лишь по сравнению с такой типично-индустриальной страной, как Германия, где количество рыбаков выражалось совсем ничтожной цифрой в 0,03%.

Весьма показательны также цифры, показывающие, сколько пудов рыбы собственного улова приходится в каждой стране на душу населения. В этом

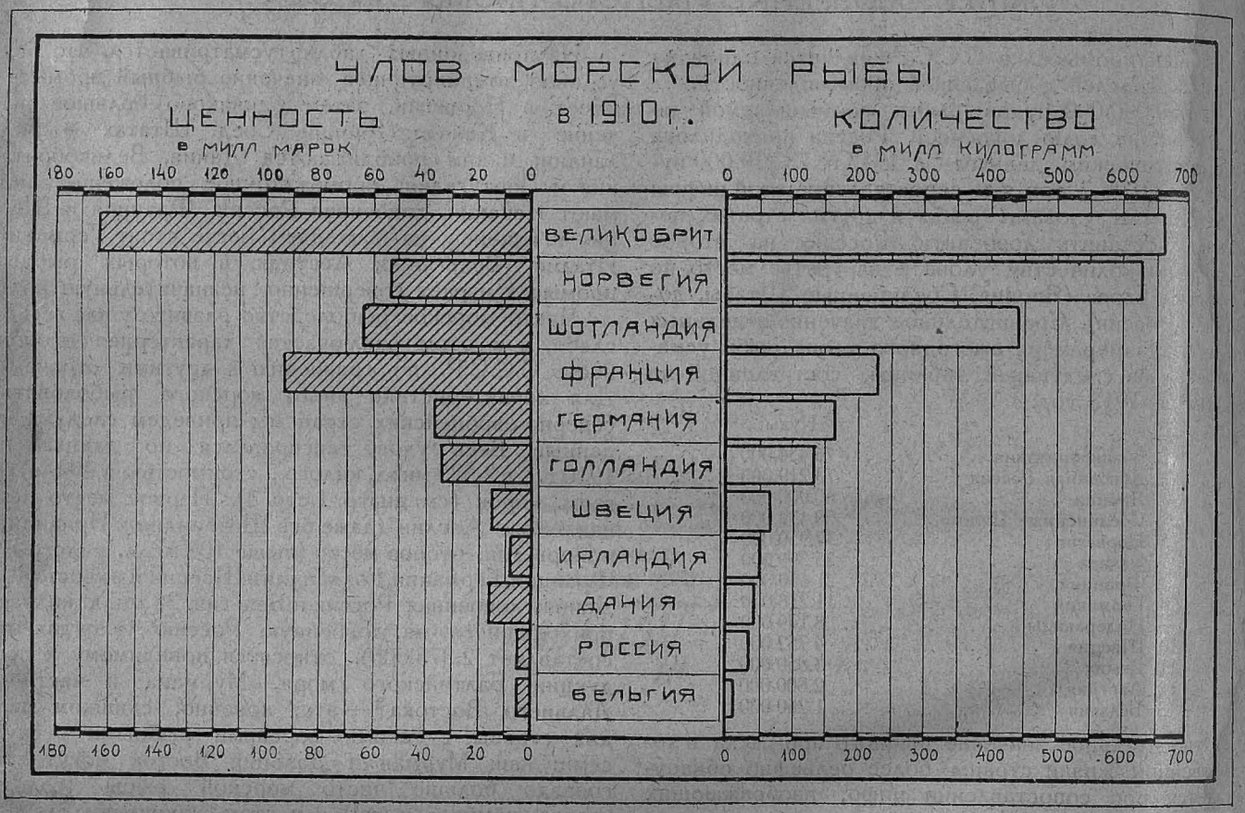


Диаграмма 1.

чтобы покрыть недостаток в рыбном довольствии страны. Таким образом собственный улов Германии составлял лишь 28% всей потребности в рыбе и это побуждало Германию к дальнейшему развитию морского рыболовства. Масштаб Германии с ее 221 траулером мы и должны иметь всегда перед собою, когда речь заходит об организации у нас на Мурмане и Дальнем Востоке действительно крупного тралового промысла.

Сопоставление числа рыбаков с количеством всего населения, характеризующее относительную распространенность рыбного промысла в стране и степень заинтересованности в нем населения, дает отношении все главнейшие государства могут быть разделены на две группы: одна с избытком улова, и другая—с недостатком. Первые — являются вывозящими (Норвегия)—670 фунтов на душу, Канада (141 ф.), Великобритания (67 ф.), Дания (56 ф.), Голландия (52 ф.). Вторая группа государств—с малым уловом на душу—вынуждена ввозить к себе рыбу из стран первой группы. Сюда относятся: Франция (22 ф.), дов. России (17 ф.), Испания (11,5 ф.), Германия (6 ф.), Австрия (4 ф.); Швеция (33 ф.) и Португалия (30 ф.), занимают промежуточное положение, вывозя от себя высокоценные жестяночные консервы (сардины), и ввозя дешевые сорта рыбы (треску) из Норвегии.

Приведенные выше цифры, характеризующие мировой рыбный промысел и определяющие место

[1] Холодильными машинами и камерами для замораживания рыбы.

й значение в нем довоенной России, хотя и показывают, что последняя абсолютно занимает одно из первых мест (около 15% мирового улова), однако, как по процентному отношению стоимости улова ко всему доходному бюджету, так и по количеству душевого потребления и по проценту рыбацкого населения квалифицируется невысоко и даже стоит ближе к странам второстепенным в этом смысле (В. Мейснер).

Обращаясь к рассмотрению вопроса о значении русского рыболовства внутри самой страны, мы находим, что на первый взгляд в общем итоге добывающей промышленности ему принадлежит весьма скромное место (диаграмма 2), а именно рыба составляет 1,6% по стоимости, в то время как стоимость хлебных продуктов составляла (по данным 1913 г.) почти 40%, а продуктов животноводства—20% от общей суммы в 10 миллиардов рублей, представлявшего приблизительную оценку всего добывавшегося в России сырья. Картина, однако, получается совсем иная при рассмотрении значения рыбных продуктов в питании населения и особенно в отношении состава пищи животного происхождения, дающей населению главное количество необходимых белков и жиров. По данным за 1913 год Россия потребляла 7 миллиардов пудов пищевых продуктов, при чем рыба составляла 3% всех пищевых продуктов и 14% всех продуктов животного происхождения (диагр. 3, стр. 6). И все же, несмотря на большие абсолютные цифры и на значительный % в общем количестве животной пищи, рыбы для нормального питания населения не хватало, и этот недостаток должен был пополняться ввозом рыбы из-за границы за счет наиболее дешевых рыбных продуктов (норвежская сельдь и треска, также сельдь шотландская, голландская и шведская). До войны в Россию ввозилось всего около 21 милл. пудов, т.-е. больше 1/4 собственного улова (диагр. 4, стр. 7), тогда как вывоз составлял ничтожный % общего улова и равнялся всего 1,5 миллиона пудов. Таким образом ввоз рыбы превышал в 14 раз вывоз, компонентами которого были главным образом соленая рыба частиковых пород и икра „красная“ (частиковых пород) и „черная“—„осетровая“, экспортировавшиеся из Каспийско-Волжского района на Балканский полуостров, в Германию и в Австро-Венгрию [1]. По стоимости ввоз рыбы в Россию превышал вывоз всего лишь приблизительно в 4 раза, что объясняется высокой стоимостью вывозившихся из России продуктов, главным образом черной икры (осетровых пород: белуги, севрюги и осетра). Средняя стоимость пуда ввозимых рыбных товаров равнялась 1 руб. 65 коп., а вывозимых—5 руб. 45 коп., т.-е. вывозившаяся рыба была в три с лишним раза дороже ввозившейся (за исключением некоторых гастрономических товаров). Если таксировать собственный улов рыбы в России круглой цифрой 75 милл. пуд., то, прибавляя сюда 21½ милл. импортируемой рыбы и вычитая 1½ милл. пудов экспортируемой, получим при расчислении на душу населения—около 22 фунт. на человека в год, при чем, конечно, эта средняя цифра не выражает истинной картины, ибо она сильно колебалась по разным районам, поднимаясь для довоенной Азиатской России с преобладающим нерусским населением (остяки, чукчи, орочоны и т. п.) до 76,9 ф. [2], а для бывших Средне-Азиатских областей выражаясь цифрой в 46 ф.

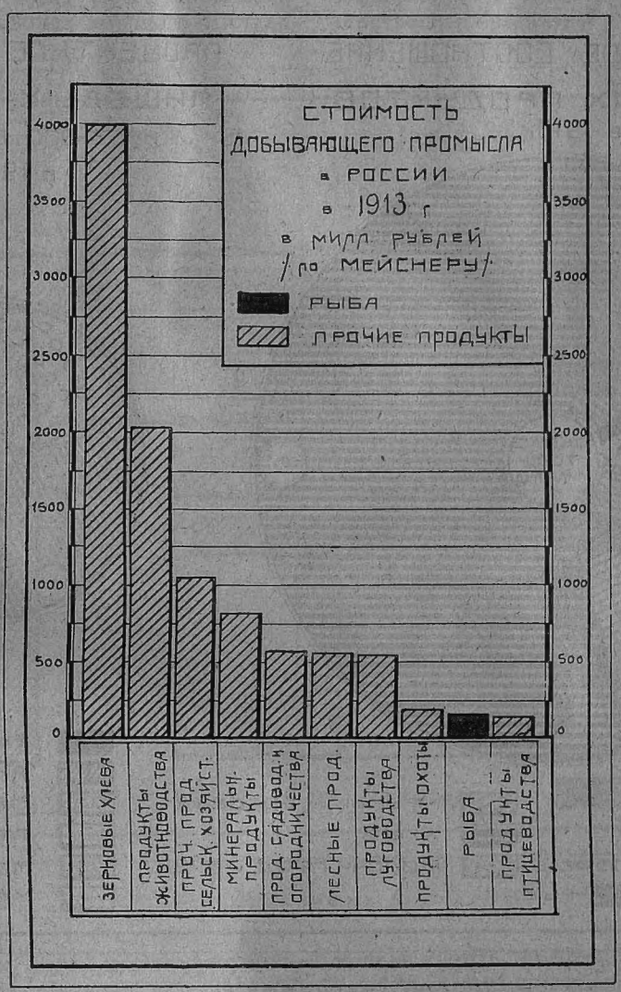


Диаграмма 2.

В довоенной Европейской России эта душевая норма была подвержена еще большим колебаниям, таксируясь для Архангельской губернии в 239 фунт., на Кавказе же и в Закавказье всего лишь в 1½ ф., в центральных губерниях (Тула, Калуга, Рязань)—4 ф.; в губерниях: Киевской, Черниговской, Полтавской и Харьковской—18,2 фунт. и в губерниях: Херсонской, Екатеринославской и Таврической, кроме Крыма—34 ф. Главными потребителями рыбы были города: Петербург — 70 фунтов, Москва—58,8 фунт. [3], деревня же за немногими исключениями потребляла ее в весьма незначительном количестве.

---

[1] Частиковая рыба — собственно рыба, промышляемая мелкоячейными орудиями: сюда относятся главным образом карповые породы, также сом, судак и вообще все рыбы, кроме осетровых и белорыбицы.

[2] Многие инородцы питаются почти исключительно одной рыбой и ею же кормят ездовых собак.

[3] В Лондоне—40 фунтов.

Народно-хозяйственное значение рыбного промысла было бы очерчено неполно, если бы мы не коснулись тех отраслей промышленности, которые имеют подсобное для рыболовства значение. На ряду с вышеупомянутыми 500 тысячами рыбаков-ловцов, в 1913 году насчитывалось до 200 тысяч рабочих и служащих (без семей), занятых в производстве орудий лова на сетевязальных фабриках (в Ревеле, Риге, Нижегородской губернии, Астрахани, Ростове н/Д), несколько десятков тысяч кустарей в Осташковском уезде Тверской губернии (сетевязание), в Нижегородской и Новгородской губерниях (кручение пряжи, сетевязание, изготовление рыболовных крючков и пр.). Далее отметим соляную промышленность, в которой рыболовство является одним из главных потребителей [1], бондарное производство, смолокурение, судостроение, щепной промысел, кожевенное производство (производство прозодежды). Число рабочих, занятых во всех перечисленных производствах, не поддается сколько-нибудь точному подсчету, но вряд ли его можно таксировать ниже миллиона [1], а стоимость всех производимых продуктов определяется несколькими десятками миллионов рублей.

Отметим, наконец, значение рыбной промышленности для всех видов транспорта: в 1913 г. было перевезено свыше 50 милл. рыбных грузов продовольственных и материальных для промыслов.

Если мы таким образом смогли более или менее полно осветить значение русской рыбопромышленности до войны, то гораздо труднее подойти к характеристике ее в военное и особенно революционное время. Оригинальность самого объекта рыбного промысла сказалась в том, что тогда как, напр.,

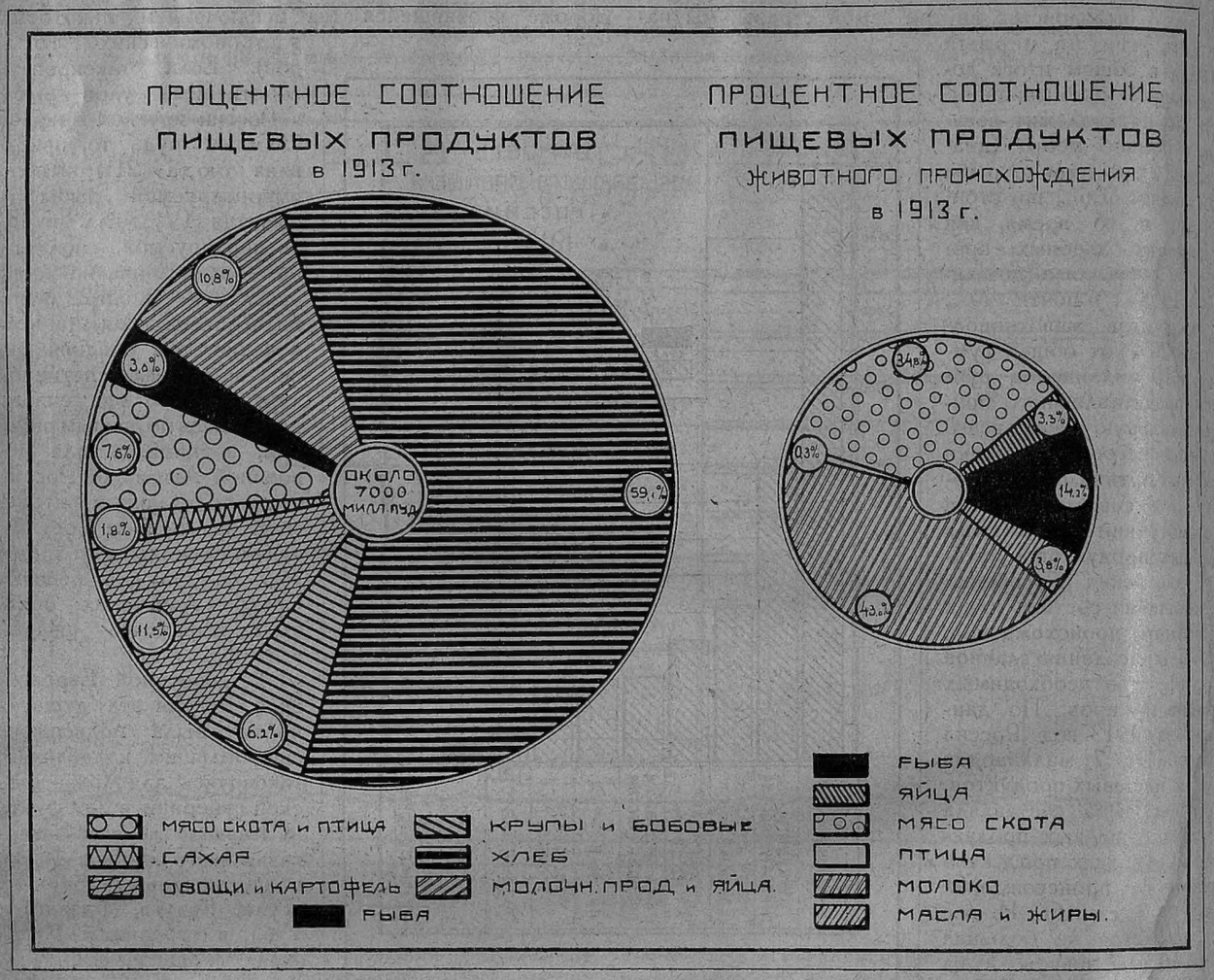


Диаграмма 3.

[1] Рыбная промышленность потребляла до 15.000.000 пудов соли.

[1] Мы находим цифру 400.000, приводимую В. И. Мейснером в его „Основах рыбного хозяйства“ (см. „Рыб. хоз.“ 1922 г., книга I), слишком низкою.

скотоводство очень резко сократилось, рыболовство сократилось только главным образом на крупнейших, капиталистически организованных, рыбных промыслах, составлявших или частную собственность, или сдававшихся казною в аренду (районы: Каспийско-Волжский, Азовско-Черноморский, Дальне-Восточный), но сохранился, а местами — на крупных озерах — даже получил некоторое развитие продовольственный лов рыбы, организованный заготовительными органами Народного Комиссарита Продовольствия, пока не износились рыболовные орудия; мелкий кустарный промысел для собственного продовольствия также развился. В районах крупного государственного значения вылов рыбы настолько уменьшился, что произошел местами даже естественный запуск, в результате коего, за небольшими исключениями [1], количество рыбы увеличилось в том смысле, что рыба успела оправиться от слишком интенсивного вылова. Это последнее обстоятельство рисует благоприятные перспективы возможной интенсификации нашего рыбного промысла в целях восполнения недостатка в белковом питании населения, который был вызван сокращением снабжения мясом. Перед правительственными организациями, ведающими в настоящее время рыбное дело, встала грандиозная задача не только восстановить и поднять рыбный промысел в водах крупного государственного значения, но и создать новые, наиболее рациональные и выгодные для государства, способы эксплоатации рыболовных угодий. Путем героических усилий Главрыбе, разделившейся в последнее время на два самостоятельные учреждения: Центральное Управление Рыболовства и Рыбоводства и Госрыбпром, удалось поставить на ноги дело государственной организации крупного рыбного промысла, и, если судить по Астраханскому району [1], то можно надеяться, что постепенно наш рыбный промысел, по крайне мере в крупнейших центрах рыболовства, восстановится до нормы довоенного времени (т.-е. 73 милл. с лишком пуд.), которую мы привели выше, базируясь на официальных данных 1913 года. На вопрос, можно ли поднять и развить улов еще выше, вопрос, на который некоторые оптимисты отвечают в положительном смысле, выражая свой прогноз даже в такой цифре, как 118 милл. [2], мы отвечаем

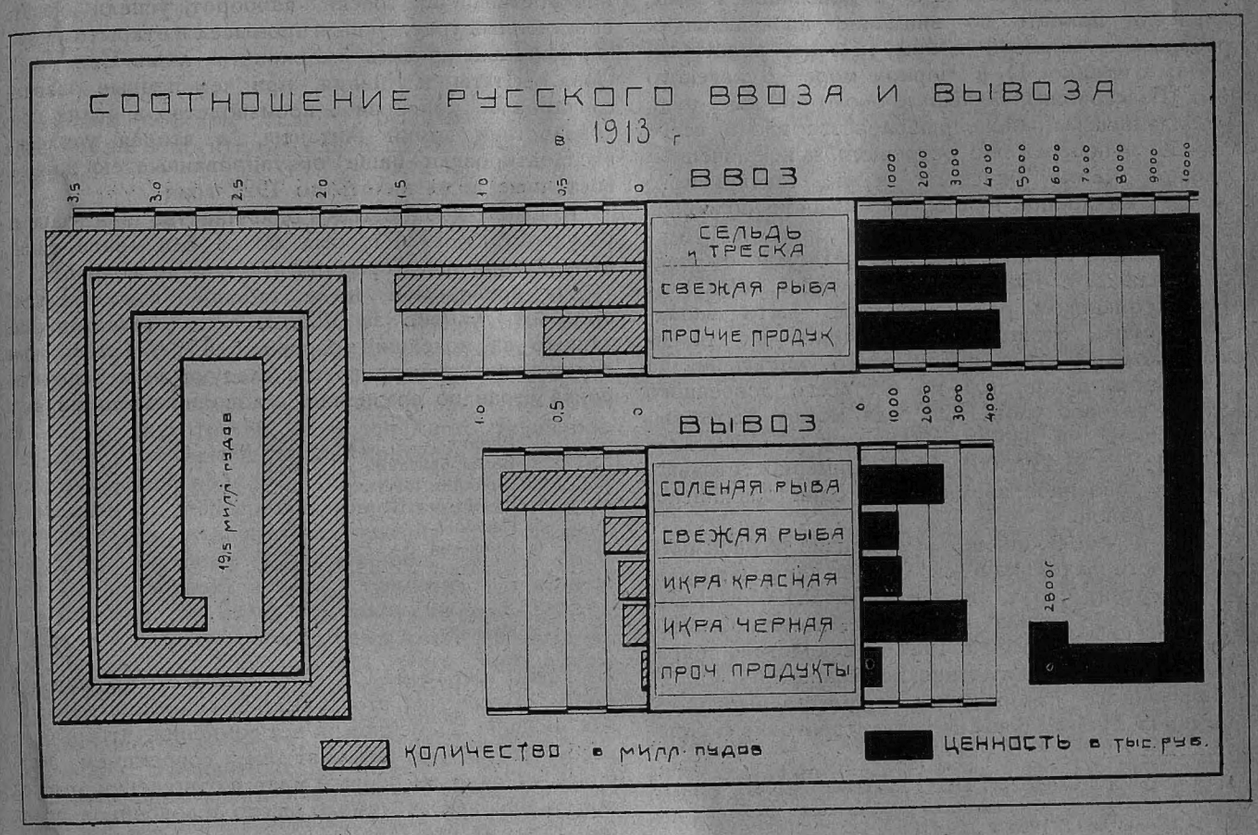


Диаграмма 4.

[1] Отрицательная сторона революционного периода сказалась местами в том, что ловцы, не сдерживаемые никаким надзором, устремились в 1917 г. на лов рыбы в таких местах, которые сохранялись раньше как заповедные; так, напр., были, хищнически разгромлены огромные запасы сома, сазана, леща и др. пород на ямах в предустьевом пространстве р. Волги.

[1] В 1922 г. на государственных промыслах в Каспийско-Волжском районе было поймано 9 милл. пуд. рыбы, а в 1923 г. эта цифра повысилась уже почти вдвое.

[2] В. Мейснер, „Основы рыбного хозяйства". „Рыб. Хоз.". Москва. 1923 г., кн. III и Киселевич — „Перспективы раз-

отрицательно, ибо ставим такое развитие всецело в зависимость от успехов технического оборудования промыслов и судостроения и колонизации наших приморских окраин, на что рассчитывать у нас пока не приходится.

Попытаемся, однако, при всей скудости и отрывистости статистических данных, определить, хотя бы в грубых пределах приближения, цифру годовой продукции нашего рыболовства в настоящее время.

Если принять, что в 1923 году во всех главных районах рыболовства дело восстановления государственного рыболовства шло таким же темпом, как и в Каспийско-Волжском районе, т.-е., что оно уже восстановлено примерно на 50% довоенной нормы; далее, если принять во внимание происшедшую, в результате мировой войны, потерю некоторых районов, а именно: 1) в Черном море—Дунайского района (Бессарабии), дававшего около 400 тыс. пуд., 2) в Балтийском районе рыболовства вдоль всего Балтийского побережья с островами, за исключением небольшой части Финского залива, таксируемого около $2^1/_2$ миллионов пудов, 3) западной половины Чудского озера, отошедшей к Эстонии, и губерний Виленской, Гродненской и Сувалкской, отошедших к Польше, с общим уловом около 1.340.000 п., и 4) в Мурманском районе—потерю части западного Мурмана, отошедшего к Финляндии, таксируемой около 100 тыс. пудов, итого уменьшения на 4,34 миллиона пудов, или на 6% всего довоенного улова, то годовой улов 1923 года может быть выражен цифрой [1] в 34.439. 500 пудов [(73.219.000—4.340.000) : 2 = 34.439.500]. Это примерно столько, сколько в довоенное время давал один Каспийско-Волжский район.

Война и революция вызвали кризис рыбной промышленности не только в С.С.С.Р. но также и в большинстве других стран, не исключая даже нейтральных. Наиболее резкий кризис рыбного промысла наблюдался в Норвегии в 1921 г. вследствие сокращения экспорта рыбы в латинские страны и в С.С.С.Р. и необычайного вздорожания предметов рыбацкого снаряжения. Низкие цены на рыбу, дороговизна рабочих рук и угольная забастовка вызвали в 1921/22 г. г. кризис рыбного промысла в Великобритании. Блокированная со всех сторон Германия потеряла во время войны все свои морские рыбные ловли и испытывала до 1920 г. страшную нужду в рыбе, лишь частично компенсируя недостаток ее ввозом из Швеции. Франция также нуждалась в рыбе, ибо должна была прекратить временно промысел трески у Ньюфаундлэнда и лишилась импорта ее из Норвегии. В Голландии наблюдался сильный недолов сельди в период 1920—1923 г. г., вызванный большим напором Гольфштрема. Испания и Португалия, будучи отрезаны от Норвегии, которая являлась для них поставщицей трески, наоборот, успели развить собственный траулеровый промысел в открытом море. Не испытали кризиса рыболовства лишь Сев.-Амер. Соед. Штаты и Япония, при чем первые развили грандиозное консервное производство в целях продовольствия армий Антанты, а вторая усиленно эксплоатировала наши оккупированные ею дальневосточные воды вплоть до 1922 года.

Кризис рыболовства в большинстве иностранных государств к 1924 г. был более или менее изжит и продукция некоторых из них сильно возросла.

Из приводимой ниже таблицы относительной стоимости уловов за 1920/21 г. г. (статистические данные за новейший период с 1922/24 г. г. пока отсутствуют) усматривается следующая перегруппировка стран по сравнению с довоенным временем [1].

1. Япония	540,6	милл.	руб.	— 1920 г.
2. Великобритания . .	284,5	„	„	— 1920 г.
3. Франция и Алжир .	216,7	„	„	— 1920 г.
4. С.-А. Соед. Штаты .	158,0	„	„	— 1921 г.
5. Испания	149,6	„	„	— 1920 г.
6. Норвегия	100,2	„	„	— 1919 г.
7. Канада	69,9	„	„	— 1921 г.
8. С. С .С. Р.	34,4	„	„	— 1923 г.
9. Дания	23,5	„	„	— 1920 г.
10. Италия	7,0	„	„	— 1916 г.

Таким образом С.С.С.Р. оказался на восьмом месте, но, конечно, это должно быть рассматриваемо, как явление временное, и нет сомнения, что рыбные рессурсы Союза позволят ему современем стать опять на одно из первых мест в отношении рыбной продукции, как это имело место в довоенное время (ср. табл. на стр. 3).

вития рыбопромышленности". Изд. Главрыбы, Москва, 1921 г. Его же „К вопросу о состоянии Астраханского рыбного промысла", „Рыбн. Хоз." 1923 г., кн. II.

[1] Цифру эту можно считать скорее преувеличенной, ибо на восстановление государственного рыболовства в Астраханском районе было обращено гораздо более внимания, чем в остальных районах.

[1] По данным английского статистического справочника The statesman's year-book за 1924 г.

ГЛАВА II.

ОБЪЕКТЫ РЫБНОГО ПРОМЫСЛА С.С.С.Р.

Каковы объекты нашего рыбного промысла и какова их относительная роль в экономике промысла?

1. Рыбы.

Общее количество видов рыб, населяющих наши пресные и морские воды, остается пока точно невыясненным, ибо некоторые районы еще недостаточно изучены, но, принимая во внимание поправки новейших авторов, можно принять, что в русских водах обитает свыше тысячи видов рыб [1], из которых более двух третей являются чисто морскими. Из всей этой массы видов предметом промысла являются лишь, примерно, 300, или 30%, тогда как остальные 70% непосредственно человеком пока не утилизируются, и лишь некоторые из них, являясь пищей промысловых рыб (атеринка, многие виды бычков, пуголовок и др.), приносят косвенную пользу; другие же являются конкурентами, а иногда и прямыми врагами промысловых рыб, пожирая их икру и мальков. Но и среди этого небольшого числа промысловых рыб многие не играют в промысле заметной роли, ловятся в небольшом количестве и потребляются на месте. Собственно же промысловых видов, добываемых в больших количествах и составляющих предмет крупного промысла и потребления широких народных масс, подчас далеко за пределами мест улова, можно насчитать около 40.

Для удобства обозрения мы расположим весь материал по главным рыболовным районам [2].

Северный район Европейской части С. С. С. Р.

На Мурмане и Белом море насчитывается около 90 видов рыб, из которых лишь около 40 составляют предмет промысла. Таковы: морской окунь, три вида зубаток, до десятка видов камбаловых, из которых назовем палтуса, морскую камбалу, „ерша", речную камбалу; до девяти видов тресковых, из которых укажем пикшу, треску и навагу; до 10 видов лососевых: семга, кумжа, голец, сиг проходной, беломорская ряпушка, корюшка и др., беломорская сельдь и полярная акула. Мойва на ряду с песчанкой, обе мелкие, но чрезвычайно важные породы, употребляются почти исключительно для наживки при лове трески. Из речных рыб этого района особенного внимания заслуживают налим и, наконец, двинская стерлядь, проникшая в Двину случайно в 20—30 годах XIX столетия и отлично здесь акклиматизировавшаяся. Важнейшими объектами промысла в этом районе являются тресковые, камбаловые, сельдь и семга.

Очень медленно развиваясь, ледовито-беломорский промысел в первой половине XIX века достиг продукции свыше $1^1/_2$ милл. пудов, но затем развитие его остановилось, и промысел стал постепенно падать на ряду с сокращением района рыболовства. Причинами падения промысла, помимо суровых климатических условий, были: слабая населенность края, отсутствие путей сообщения и крупного капитала и конкуренция соседней экономически и технически более сильной норвежской рыбопромышленности.

Снаряженные правительством научно-промысловые экспедиции не возродили нашего северного промысла, но результатами их исследований, обнаруживших в северных русских водах богатые запасы трески и других рыб, широко воспользовались иностранцы, особенно англичане, развившие здесь крупный траловый промысел.

В результате всех вышеуказанных причин продуктивность Ледовито-Беломорского района таксировалась к 1914 г. менее чем в 1 миллион пудов.

После длительного перерыва, вызванного войной и революцией (1914—18 г. г.), промысел в этом районе стал оживать, при чем траулеровый лов, сосредоточенный в государственных организациях, далеко опередил довоенную норму и с 32.150 пуд. в 1914 г.— поднялся в 1924 г. до солидной цифры 420.000. Другой вид промысла—ярусный лов—к тому же времени достиг довоенной нормы 500.000 пуд. В общем итоге продукция Ледовито-Беломорского района в 1924 году достигла примерно $1^1/_2$ милл. пуд [1].

---

[1] „Естеств. Произ. Силы России", т. VI, вып. 2. Рыбы. 1920 г.

[2] И. Д. Кузнецов. „Очерк русского рыбол." Д-т Земл. СПБ. 1902 г.

[1] И. Н. Арнольд. «Отчет по рыбол. в Хоз. обзор Сев Зап. Обл.» Ленинград, 1925. Его же. «Рыболовство на Мурмане, заинтересованность Англии и Скандинавских стран». Доклад в Инст. Экон. Исслед. Ленинград, 1924 г.

Северо-Западный район.

В Северо-Западном районе, в бассейне Балтийского моря, промысловыми рыбами являются как рыбы чисто морские, так и проходные [1] и озерные.

В первых двух группах есть представители, общие с ихтиофауной северного района, каковы, напр., треска [2] и камбала морская и речная; наибольшее промысловое значение имеют здесь салака (род сельди) и килька.

Проходные рыбы представлены здесь лососем, тайменью, корюшкой, сигом проходным, невской ряпушкой, угрем и миногой.

Из озерных рыб, кроме налима, характерны три вида ладожских сигов: сиг-лудога, сиголов и валаамка, лучший по своим вкусовым качествам чудской сиг, снеток, судак, ерш и окунь; многие виды широко распространенных карповых рыб: лещ, густера, жерех, плотва, карась.

Центр тяжести промысла здесь составляют: из морских рыб — салака и камбала, из проходных — лосось и корюшка; из озерных — снеток, ряпушка, лещ, судак, плотва, окунь и ерш.

Общая продуктивность Балтийского моря в довоенное время оценивалась некоторыми авторами [3] сильно преувеличенною цифрой в 7.900.000 пудов, при чем на долю салаки, или стремлинга приходилось до 7 миллионов пудов, а на долю кильки—400.000 пудов. Более правдоподобная цифра — 3 милл. Промысел салаки достиг предельного развития, в отношении же лосося и сига—находился в стадии упадка.

Общая производительность рек и озер Северо-Западного района, куда входят все наши крупнейшие озера, оценивалась в 5 милл. пудов, при чем на долю одного снетка приходилось до 2.000.000 пуд. Другой весьма значительный рыболовный район внутренней части С.С.С.Р.—верхние течения Волги, Дона, Днепра и др.—давал до 3 милл. пуд. рыбы.

Таким образом в общем итоге Северо-Западный район Европейской части С.С.С.Р. давал не менее 11 милл. пудов, не считая рыбы, шедшей на продовольствие местного населения.

Южный район.

Южный район заключает в себе два бассейна: Черное море с Азовским на западе и Каспийское на востоке. Общий с ними Аральский бассейн, по своей своеобразности, выделен особо, несмотря на сходство ихтиофауны. Для каждого из перечисленных бассейнов насчитывается следующее число видов: для Черного моря—130, Каспия—62 и Аральского—26.

Промысловое значение имеют в Черном море: хамса, или анчоус, камбала-глосса, камбала (тюрбо), барбулька, или султанка, скумбрия, паламида, 4 вида кефалей. Из скатов:—морской кот и морская лисица стали промышляться в значительном количестве в самое последнее время; морские бычки до 9 видов (идут в сушку и на приготовление жестяночных консервов); четыре вида сельдей: пузанок, донской оселедец, азовский оселедец и тюлька. Из карповых, назовем: тарань и рыбца.

Наиболее важны в промысловом отношении: хамса, скумбрия, кефаль, скаты, бычки и сельди.

Из проходных рыб, свойственных Черному морю и Каспию, отметим как наиболее важных: осетровых—белугу, осетра, севрюгу и шипа.

Далее отметим следующие виды: плотва, называемая на Каспийском море воблой, а на Черном и Азовском морях таранью, судак, сазан (Каспий), лещ (Каспий), или чебак (Азовское м.), густера, или таловирка (Азовское м.), жерех (Касп.), или белизна (Черн. м.), шемая, чехонь, берш, сом.

Из рыб, исключительно свойственных Каспийско-Волжскому бассейну, упомянем следующие виды: каспийская минога, кутум, каспийский рыбец, шесть видов сельдей: пузанок, рядовая сельдь, черноспинка, долгинская, 2 вида каспийских килек, или сардинок.

Из лососевых рыб—белорыбица и каспийский лосось (кизлярская лососина).

Главное промысловое значение в Каспийском бассейне имеют: вобла, сазан, лещ, судак и сельди, как предмет потребления широких масс населения, и осетровые, как дающие наиболее ценный валютный товар для экспорта (черная икра).

Рыбные богатства Черноморско-Азовского бассейна были известны в глубокой древности. Особенно благоприятные условия для размножения рыбы представляет мелкое, опресненное мощными реками, Азовское море.

В начале 90-х годов продуктивность Азовского моря равнялась 5,4 милл. пуд., но затем обезрыбление пошло быстрыми шагами, и в 1913 г. уловы сократились до 2,2 милл. пудов, из которых 0,9 милл. пудов приходилось на хамсу (анчоус), тогда как улов красной (осетровой) рыбы, составлявшей ранее главную основу промысла, сократился до 40.000 пудов.

Промысел менее продуктивного Черного моря обнаруживал несомненное падение: с 2,8 милл. в 90-х годах до 800.000 пудов к 1913 году. Таким образом общая производительность Черноморско-Азовского бассейна с 8,2 милл. упала до 3 милл. пудов.

Главные причины оскудения рыбных запасов заключались с одной стороны в нерациональном, хищническом лове, с другой—в гидротехнических работах (шлюзование Донца и Дона, осушение дельты Кубани), нарушивших условия, необходимые для размножения и питания рыб. В настоящее время в Азовском бассейне рыбный промысел даже превысил норму довоенного времени, но цены на рыбу очень низки и рыбаки терпят убытки.

Каспийский бассейн давал в 1912—15 годы до 1.500.000 пудов осетровых, до 12.500.000 пудов частиковых рыб и до 16.400.000 пуд. сельдей, причем для осетровых, судака и шемаи отмечается значительное сокращение уловов, для имеющих же наибольшее промысловое значение—воблы, леща, сазана и сельди—не обнаружилось заметной тенденции к понижению.

---

[1] Т.-е. периодически поднимающиеся для икрометания в реки.
[2] Очень мелкая сравнительно с северной.
[3] В. Кевдин. „Совр. Рыбол. России". Москва. 1915.

В конечном итоге производительность Каспия выражалась:

в 50-х	годах	10.050.000 пуд.
„ 90-х	„	19.955.000 „
„ 1912–15	„	30.400.000 „

т.-е. за последние 60—70 лет она сильно возросла, и Каспийское море, стоя далеко впереди других русских бассейнов, долго сохранит свое первенствующее значение в рыбном хозяйстве страны [1].

Северный район Азиатской части С.С.С.Р.

Ихтиофауна рек этого района имеет значительное сходство с таковою рек севера европейской части С.С.С.Р., хотя здесь встречается ряд своеобразных сиговых пород.

Из специально сибирских сигов, которые встречаются, впрочем, и в р. Печоре, назовем: муксуна, омуля, чира, сырка и некоторые мелкие виды сигов, известные под названием „сосвинской сельди“ и „телецкой сельди“. Характерны местные осетровые: сибирский осетр и стерлядь. Обычны здесь такие виды широкого распространения, как окунь, щука, налим, карась и линь.

Суровый пустынный Северно-Сибирский район, несмотря на наличие громадных рек, представляет трудные условия для развития промысла.

Уловы Обь-Иртышского района достигали 680.000 пудов, главным образом сиговых и в меньшей степени осетровых и карповых. Производительность Енисейского района была меньше и таксировалась в 400.000 пудов. Байкальское рыболовство, несмотря на значительное оскудение запасов главного объекта промысла—омуля, все же давало до 650.000 пудов.

Барабинские солоноватые озера давали свыше 400.000 пудов чебака и окуня.

В итоге весь сибирский промысел, включая бассейн Лены, выбрасывал на рынок не меньше 2½ милл. пудов рыбы, не считая рыбных продуктов, потребляемых сибирскими инородцами.

Туркестанский район.

Ихтиофауна Аральского моря заключает в себе следующие виды, общие с Каспийским бассейном: шип, шемая, сазан, лещ, жерех, чехонь, плотва, сом, щука, судак, окунь. Но здесь встречаются и свои особые формы: аральский усач, дающий недурной балык, и туркестанский язь; особенно характерные для рек Аральского бассейна три вида лопатоносов, или скафиринхов, хотя и употребляются в пищу, но промысловое значение их незначительно. В горных частях притоков Арала и в бассейнах озер Алакуля и Балхаша водятся еще две рыбы, имеющие небольшое местное продовольственное значение: это 4 вида маринок и 2 вида османов. Икра маринки вызывает легкое отравление у непривычных к ней потребителей.

Импульсом к развитию аральского рыболовства послужило проведение в 1905 году Ташкентской ж. д. Уловы рыбы с 376.000 пудов быстро возросли и к 1912 году таксировались уже в 2.700.000—3.000.000 пудов.

Главнейшими промысловыми рыбами являются здесь сазан и лещ. Рыболовство в последние годы перед войной было в цветущем состоянии и продолжало развиваться, при чем только по отношению к одной рыбе шипу стал наблюдаться перелов.

Дальне-Восточный район.

Северо-Восток. За малым развитием здесь морского рыболовства предметом промысла служат главным образом проходные виды лососевых пород, настолько здесь изобильных, что при подъеме в реки косяки рыбы, случается, сплошь забивают все русло и затрудняют движение лодок.

Из многочисленных местных видов рыб промышляются пока следующие морские виды: треска, вахня тихоокеанский палтус, разные виды камбал, сельдь, терпуг, морской окунь, огуречник (вид корюшки) и в самое последнее время тунец [1].

Но главное богатство района составляют проходные лососевые породы: горбуша, кета, чавыча, кижуч, нерка, или красная, мальма, кумжа.

В юго-восточной части этого района к морским видам, общим с предыдущим подрайоном, присоединяются: дальневосточная навага, или вахня, и тихоокеанская сельдь, идентичная с беломорской сельдью.

К речным видам (Амурский бассейн) относятся кроме перечисленных выше нер. и, горбуши и кеты—калуга (заменяющая здесь белугу), амурский осетр и некоторые китайские формы карповых, как, напр., толпыга, или толстолобик, желтощек, затем змееголов и амурская щука. Здесь же встречаются, наконец, такие общераспространенные виды, как сазан и налим. Центр тяжести промыслового рыболовства пока составляют лососевые, главным образом кета и горбуша, но в ближайшем будущем почетное место должны занять также и представители чисто морской ихтиофауны—треска, вахня, камбала, тихо-океанская сельдь и тунец.

Дальневосточный район, охватывающий побережье Японского и Охотского морей, Камчатки и Анадырского края и бассейн богатейшего рыбой Амура и др. рек, представляет область самого молодого русского промысла. После русско-японской войны (1904 г.) промысел стал быстро развиваться, и через 10 лет улов с 1 милл. пудов возрос до 9 милл. пудов, заняв таким образом второе место среди русских рыболовных районов, хотя, впрочем, необходимо иметь в виду, что более половины улова добывалось японскими рыбопромышленниками и экспортировалось в Японию.

Главную основу промысла здесь составляли проходные рыбы—кета и горбуша (около 8 мил. пуд.), второстепенное значение имели осетровые и карповые.

---

[1] „Наша рыбопромышленность и ее нужды“. Гос. Издат. 1921 г.

[1] Тунец идет на приготовление известного консерва „тон в масле“, приготовляемого главным образом для американского рынка.

Из морских объектов на первом месте стояла сельдь, затем навага, треска, макрель, камбалы, крабы, трепанги и морская капуста, но все же общая продукция чисто морского промысла не превышала 1 милл. пудов.

Колоссальные запасы тресковых и камбаловых рыб в Охотском море и в океанских водах, могущие соперничать с северно-атлантическими богатствами, рисуют широкие перспективы для дальнейшего развития рыболовства в этом районе, мало пригодном для земледелия.

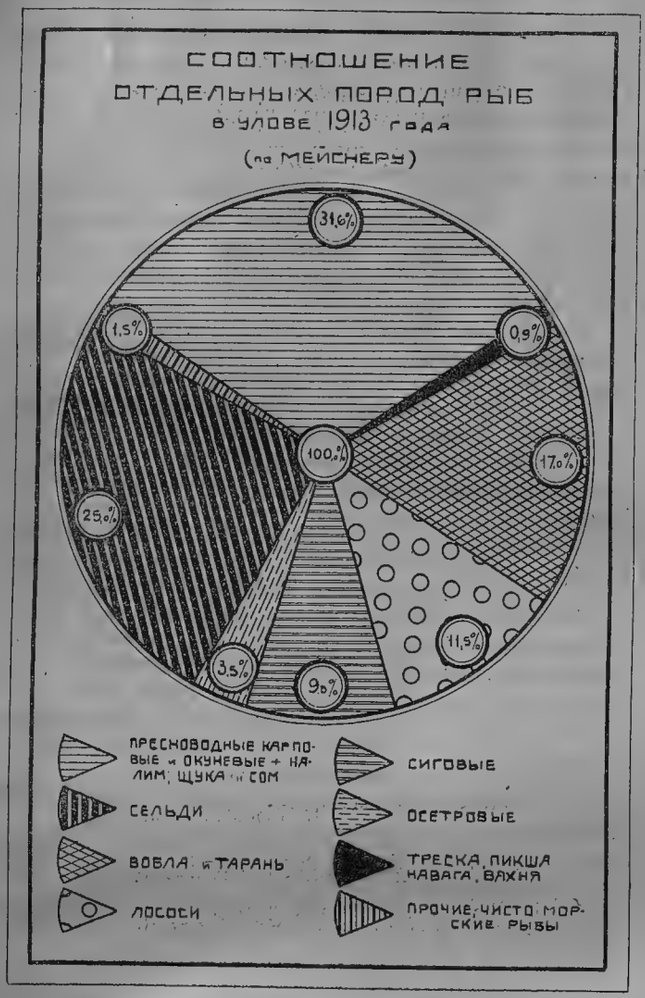


Диаграмма 5.

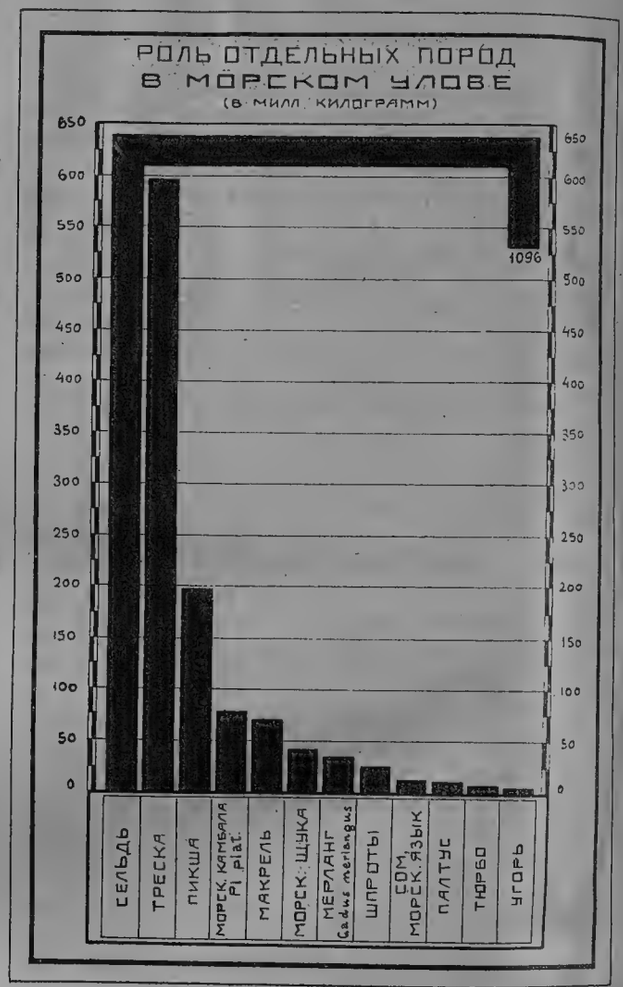


Диаграмма 6.

Таков в общем довольно обширный и пестрый список русских промысловых рыб.

Чтобы дать более наглядное представление о промысловом значении отдельных видов, приведем цифры, характеризующие роль отдельных пород в общем улове: первое место принадлежит частиковым породам — карповым, окуневым, налиму, щуке и сому (31, 6%), второе место приходится на долю сельдей (25%), третье место принадлежит вобле и тарани, четвертое — лососям, главным образом дальневосточным кете, горбуше и т. д., на пятом месте стоят сиги, ряпушка, снеток; всеми этими породами, вместе взятыми, почти исчерпывается весь улов (94%), в остальной же части улова доминируют осетровые, а на долю чисто морских рыб, как треска, пикша, навага, вахня и др., приходится всего лишь 2,4% всего улова. Мы видим, таким образом, что треска и пикша, играющие столь крупную роль в мировом улове, у нас играют ничтожную роль (всего 0,9%), и главное наше богатство составляют рыбы пресноводные, солоноватоводные и проходные, т.-е. только периодически спускающиеся в море (В. Мейснер, диагр. 5 и 6). Для более детальной характеристики соотношений между отдельными породами рыб в отдельных районах Европейской части С.С.С.Р. мы можем воспользоваться не потерявшей своего значения старой, но весьма остроумно скомпанованной схемой О. А. Гримма [1]. Принимая общий годовой улов Европейской части С.С.С.Р. в 68.000.000 пудов, упомянутый автор распределил его на 4 четверти двумя

[1] И. Д. Кузнецов, „Очерк. Русск. Рыболов." СПБ. 1902, стр. 85.

перпендикулярными друг другу линиями, проходящими по 55° параллели и 40° восточной долготы от Гринвича[1]. В каждой из этих четвертей наглядно представлена роль морских, озерных и речных пород, равно как и количественные соотношения между различными породами.

40° в. д.

	Пуд.		Пуд.
Лососевые рыбы . .	140 500	Лососевые рыбы .	40 000
Сельдевые	1.540.000	Всякие другие . .	50.000
Тресковые	670.000		
Камбаловидные . . .	155.000		
Осетровые	5.100		
Всякие другие . . .	625.000		
	3.135.600		90.000
Озерные рыбы:		Озерные рыбы:	
Лососевые (снетки) . .	2.160.000	Лососевые	360.000
Всякие другие	14.767.677	Всякие другие . .	1.659.000
	16.927.677		2.019.000
Речные рыбы . .	1.500.000	Речные рыбы . .	1.500.000
Всего . .	21.563.277	Всего	3.609.000
55° с. ш.			*55° с. ш.*
	Пуд.		Пуд.
Сельдевые рыбы . .	802.000	Сельдевые рыбы .	7.500.000
Осетровые	412 550	Осетровые	1.675.500
		Лососевые	82.760
Всякие другие:		Всякие другие . .	21 395.875
Морские	1.624.000		30.654.135
Речные	5.879.050		
	8.217.600		
Озерные рыбы . . .	227.000		
Речные рыбы	1 500 000	Речные рыбы . .	1.500.000
Всего . .	9.944 600	Всего . .	32.154.135

40° в. д.

Мы потому не считаем этой схемы устаревшей, что, если прибавить к 68 милл. цифру улова Азиатской части С.С.С.Р. в 2.200.000 пудов, вычисленную И. Д. Кузнецовым для того же периода, то получим общую цифру 70.200.000 пудов — весьма близкую к вычисленной В. И. Мейснером для 1913 года — 73.219.000 пудов. Увеличение произошло главным образом за счет новых районов Дальнего Востока и Аральского моря.

Но кроме рыб, составляющих предмет самого важного водного промысла С.С.С.Р., в водах его добывается немало и других животных как позвоночных, так и беспозвоночных, а также и морских водорослей.

[1] Четверти эти почти совпадают с принятой нами выше схемой районирования И. Д. Кузнецова, за исключением Мурмана и Белого моря.

2. Позвоночные животные.

Белый медведь, или ошкуй, промышляется ради шкур в Ледовитом океане у берегов Европейской части С.С.С.Р. и на крайнем северо-востоке. Общая добыча определяется в 600 штук. Камчатский, или морской бобр (морская выдра), доставляющий ценнейший мех (800—1.000 руб. зол. за штуку), промышляется на Командорских островах в Тихом океане и на Камчатке. Промысел давал в 1900 году 180 шкур, но стал быстро падать, и правительство прилагало особые старания к сохранению этого исчезающего промыслового животного.

Обширное семейство ластоногих доставляет наибольшее количество промысловых зверей; сюда относятся морской котик, морж, сивуч и разнообразные тюлени. Морской котик промышляется на Командорских островах, где он составлял некогда главное богатство этого района, доставляя первоклассный мех. В 1900 году добывалось до 13.177 шкурок котика. Промысел страдал от браконьерства в море, сократившегося по заключении с Англией и Северной Америкой международной конвенции, установившей 30-мильную запретную зону вокруг котиковых островов и особую крейсерскую охрану. Морж промышляется ради мяса, шкуры, клыков и ворвани на пловучих льдах в Баренцовом море до Новой Земли и Колгуева и далее вдоль сибирских берегов вплоть до крайнего северо-востока, где встречается другая его форма,—тихоокеанскнй морж, имеющий огромное значение в жизни инородцев, промышляющих его в количестве свыше 5.000 штук (Чукотский уезд в 1912 году) на сумму около $1^1/_2$ миллиона зол. руб. Морж требует также охраны, ибо его запасы используются слишком интенсивно. Сивуч, или морской лев обитает в Беринговом и Охотском морях, образуя лежбища на Командорских островах и на Камчатке. Это крупный (12—37 пудов) зверь, дающий прочную кожу для подошв и обтягивания байдарок. Животное вымирает и требует контроля над промыслом.

Тюлени, промышляемые в русских морях, разделяются на две группы: кочующих и оседлых. К первым относятся: гренландский тюлень, или „кожа“, каспийский тюлень, тевяк; оседлыми или, точнее, несовершающими правильных миграций, являются нерпа и морской заяц, или лахтак. Наиболее важными объектами промысла являются „кожа“, нерпа, каспийский тюлень, тевяк и морской заяц. Промысел производится у берегов Мурмана, в Белом, Балтийском и - особенно крупный—в Каспийском море; небольшое количество тюленей промышляется также на Ладожском и Байкальском озерах. Северный тюлений промысел по старым данным (1900 г.) таксировался примерно в 55.000 штук на сумму 108.909 руб. Каспийское же море давало до 100.000 штук и наконец Байкальское озеро до 4.000 штук. Тюлени промышляются главным образом ради сала, из которого вытапливается ворвань, шкуры идут для ранцев, частью для выделки меха

(особенно с новорожденных так называемых „белков") и сафьяна.

Китообразные эксплоатировались в довоенной России в весьма незначительном количестве, что стоит отчасти в связи с отсутствием у нас настоящего морского промысла и неправильной организацией первых китоловных предприятий, возникавших в Баренцовом море в период 1803—1888 г.г. Не повезло русскому китоловству и в водах Восточного океана, где в 1861—1885 г.г. оперировал единственный китобой Линдгольм, а в позднейший период 1887—90 г.г.—лейтенант Дыдымов, наладивший было высоко-доходный промысел, но трагически погибший в море вместе со своим судном „Геннадий Невельской" и, наконец, в 1894—1904 г.г. Кейзерлинг организовал образцовую китобойную факторию с пловучим заводом для полной утилизации китовых туш нередких в этих водах гренландского кита, японского кита, серого калифорнийского кита и длиннорукого, или горбатого кита: за 10 лет добыча этого предприятия составила 1.000 китов, но во время Японской войны все суда были реквизированы японцами и дело, сулившее громадные выгоды, было ликвидировано.

В Баренцовом море и особенно в дальневосточных морях имеется и доселе еще очень значительный запас китов, привлекающий внимание пока только одних иностранцев (норвежцев, американцев и японцев) и открывающий благоприятные перспективы для русского китобойного дела. Киты дают не только ворвань и китовый ус, но и массу удобрительного тука, а некоторые части туловища экспортировались из России в Китай, как пищевой продукт. Кроме того небольшое количество китов (6—14), промышляемых в пределах Чукотского уезда кустарным способом гарпунами с лодок, имеет громадное значение для туземцев, которые надолго запасаются их мясом и салом (до 3—4.000 пудов с 1 кита), утилизируют ребра и челюсти для приготовления полозьев для нарт и продают американским торговцам китовый ус по цене 9 руб. за пуд.

Из второго подотряда китообразных — зубастых китов—наибольшее значение имеют русские дельфины. На Севере промышляется ради ворвани крупная (до 60 пуд.) белуха, распространенная во всей восточной половине Мурманского моря, в Белом море, отчасти вдоль Мурманского побережья и в Тихом океане до Татарского пролива; промысел катастрофически упал—с 236 штук в 1902 г. до 15 штук в 1910[1].

Наибольшее промысловое значение имеют черноморские дельфины: тыртак, или дельфин, морская свинья и незарнак.

Массовый подход самого многочисленного в Черном море тыртака к кавказским берегам бывает в октябре—ноябре; промышляется он на всем побережье от Керченского пролива до турецкой границы почти исключительно турками из Ризе и Трапезунда и лишь у Анапы и Новороссийска русскими рыбаками. Жир вытапливается примитивным способом в котлах прямо на огне, вследствие чего продукт получается подгорелый, темного цвета, и низко расценивается на рынке, хотя при вытопке паром мог бы получаться первоклассный продукт.

Общее производство дельфиновой ворвани не превышает 10—20 тысяч пудов, но при более широкой постановке дела этот промысел мог бы давать продуктов во много раз больше[1]. Заслуживает большого внимания попытка организации крупного дельфинового промысла с моторной шхуны в 1916—18 г.г.; однако, это предприятие замерло в самом начале по случайным обстоятельствам.

3. Беспозвоночные животные

Из большого числа беспозвоночных животных, населяющих наши воды, утилизируются лишь немногие.

В пресных и солоноватых водах водится несколько видов речного рака: рак благородный, распространенный в Северо-Западной области С.С.С.Р.

Рак длиннопалый, или „портной" водится в каспийско-волжском и других южных бассейнах, откуда распространяется и к северо-западу. Длиннопалый рак считается менее вкусным и расценивается дешевле благородного. Толстопалый рак—в малосоленых частях херсонско-азовского бассейна и Каспия. Этот вид составлял предмет довольно крупного промысла. Особые виды рака водятся также в бассейне реки Амура и в водах Туркестана.

Крестьяне в громадном большинстве случаев не едят раков, почему и не промышляют их (Костромская и ряд других северных губерний). В губерниях же—Смоленской, Минской, Витебской, Могилевской, Виленской существовал довольно крупный рачий промысел, при чем раки скупались особыми агентами крупной Берлинской фирмы Миха, организовавшей особое рачье депо на ст. Свенцяны, б. Виленской губ., где раки сортировались, упаковывались в особые плоские плетенки и экспортировались в Германию и Францию. Дальнейшему развитию этого промысла, дававшего порядочный заработок населению и снабжавшего заодно и крупные русские города живыми раками, помешало сильное распространение рачьей чумы, которая была занесена к нам из Восточной Пруссии вместе с ловушками, которые раздавались населению комиссионерами. В виду прекращения рачьей чумы и появления вновь раков в опустошенных водоемах, возможны — возобновление рачьего промысла в С.С.С.Р., а может быть и экспорт раков за границу.

Из других речных промыслов интересным является жемчужный, основанный на лове моллюска—пресноводной жемчужницы, некогда весьма широко распространенной в реках С.С.С.Р., но ныне уцелевшей лишь в небольших речках, принадлежащих к бассейну Ледовитого океана и Белого моря, в губерниях Архангельской, и в балтийском бассейне, в бывш. губ. Олонецкой. Жемчужница встречается и в северно-сибирских реках, но и здесь, за исключением Камчатки, промыслом ее не занимаются. Промысел этот находится в сильном упадке, как

[1] Е. Суворов. „Естественные производительные силы России". Т. VI. Петроград. 1919 г.

[1] „Естественные Производительные силы России". Т. VI. Петроград. 1920 г.

вследствие хищнических приемов добычи жемчуга, так и фабрикации огромной массы обращающегося в торговле искусственного жемчуга из чешуи уклеи и других мелких карповых рыб.

Речная губка, или „бадяга" в сушеном виде скупается дрогистами для медицинских целей. Сбор губок производится в целом ряде губерний — Киевской, Полтавской, Харьковской, Костромской, Новгородской. Сушеная губка, называемая „надошником", употребляется в деревнях в качестве румян, при чем кремневые иголочки, содержащиеся в губке, раздражают кожу и вызывают прилив крови.

В морских водах С.С.С.Р. на Мурмане, Белом в Черном морях и в водах Тихого океана находятся огромные запасы съедобной ракушки, или мидии, и других моллюсков; но эти богатства почти у нас не эксплоатируются, за исключением мидии Черного моря. Устрицы промышляются в Черном море, где в довоенное время имелся устричный парк в Севастопольской бухте. Центром устричного промысла была Гудаутская бухта.

В крупных городах были устроены устричные склады, при чем даже в самом далеком от Черного моря Петербурге устрицы продавались по весьма доступной цене, начиная от 25 коп. за десяток и были отличным и доступным средством для поднятия питания детей и выздоравливающих больных.

Из ракообразных промышляются в Черном море креветка, в Тихом океане — крабы[1], а на Мурмане громадным распространением пользуется глубоководная креветка, к сожалению, пока вовсе еще не используемая, между тем как по Мурманской жел. дороге можно было бы легко организовать перевозку креветок, мидий и свежей замороженной рыбы в холодильных (изотермических) вагонах в Ленинград, Москву и другие крупные центры.

В Тихом океане вылавливается значительное количество трепангов, голотурий, составляющих весьма ценный предмет вывоза в Китай (18 руб. зол. и дороже за 1 пуд на месте на границе). Наибольшее количество трепангов промышляется в заливе Петра Великого и Посьета вокруг островов: Русского, Аскольдова, Рейнеке, Попова, Рикорда и др. Лов производится при помощи водолазных аппаратов. Арендная плата за трепанголовные участки дает около 30.000 руб. зол.

4. Морские водоросли.

Из мира водных растений эксплоатируются некоторые водоросли, как, например, морская капуста, растущая в изобилии в Японском море и в Татарском проливе. В довоенное время этого продукта вывозилось до 200 тысяч пудов ежегодно в Китай, где морская капуста является любимой приправой к пище у всех классов населения.

Во время войны 1914—17 г.г. была сделана впервые в России попытка добывания иода из морских водорослей на Белом море. Для этой цели был устроен небольшой химический завод в Архангельске, куда доставлялись водоросли сначала из Вайда-губы, на Рыбачьем полуострове, а затем с острова Жижгина. Хотя производительность этого завода была невелика (всего было добыто несколько пудов), но почин этот имеет громадное значение, и необходимо принять все меры для поддержания этой чрезвычайно важной отрасли нашей нарождающейся химической промышленности.

---

[1] Крабы составляют весьма выгодный предмет промысла. Ящик в 48 фунт. краб. консервов продается по 55 руб. зол. Бюл. Главр. 1923 г. № 5).

ГЛАВА III.

ОРУДИЯ И СПОСОБЫ ЛОВА.

При большом разнообразии объектов рыбного промысла и самые орудия, и способы лова носят на себе отпечаток большой разнохарактерности, применительно к образу жизни той или иной породы и к местным естественно-историческим условиям. Особенно разнообразны и подчас затейливы орудия и способы, применяемые инородцами Северо-Востока Европейской части С.С.С.Р. Признавая за ними исключительно этнографический интерес, мы ограничимся беглым очерком лишь таких орудий и способов, которые применяются, главным образом, русскими рыбаками, промышляющими рыбу почти повсюду в местах обильного лова.

Все орудия можно разбить на 4 группы: 1) удочки, 2) колющие ручные орудия, 3) сетные орудия и 4) ловушки (вентеря, мережи и т. п.).

1. Орудия типа удочки.

Удочки всевозможных типов, начиная с одиночных, однокрючковых и кончая сложными системами переметов и ярусов („крючковая снасть"), по своей доступности пользуются наибольшим распространением не только, как любительское, спортсмэнское, но местами и как чрезвычайно продуктивное промысловое орудие. По разливам Волги местами на простую удочку налавливают зараз до 6 пудов и более сазана (карп), а на Неве на удочку „пульку" не только промышляют, но и истребляют невского лосося. Крючки для удочек, начиная с самых мелких и кончая крупными для ловли осетровых пород и акул, в массе выписываются из-за границы, при чем рыбаками особенно ценятся крючки мягкой закалки („английская снасть"). Приманками для удочек служат дождевые черви, всевозможные насекомые и их личинки, на Урале бокоплавы („мормыши"), мелкие рыбешки, куски шкуры тюленя и даже такие, казалось бы, совершенно неподходящие предметы, как куски белой клеенки (виксатина)[1]. Короткие удочки с наживками прикрепляются к общей длинной веревке, „хребтине", и образуют так называемые переметы, подпуски и ярусы (ярусный лов трески на Мурмане). Особый тип промысловых удочек представляют так называемые поддевные удочки, которыми рыбу ловят без всякой приманки или с искусственной рыбкой (всевозможные блесны, ложечки и т. п.),—так ловят навагу на Белом море, сига и окуня на озерах Северо-Западной области и во многих других районах. Сюда может быть отнесена и каспийская „крючковая снасть", в которой длинные ряды крючков, почти прямоугольной формы, чрезвычайно остро отточенных, привязываются безо всякой приманки на коротких поводках к общей толстой веревке: рыба ловится в этом случае автоматически, цепляясь телом за крючки во время прохода ее в промежутки между часто расставленными удочными поводками. Целый ряд орудий этого типа имеет серьезное промысловое значение и будет сохранять таковое, несмотря ни на какие усовершенствования, ибо при наличии известных местных условий (каменистое или каряжистое дно и т. п.) это единственно возможный тип рыболовных орудий.

[1] Лов на эту приманку оказался настолько истребительным для молоди белуги и осетра на Каспие, что орудие — „английскую снасть", или „каладу" — пришлось включить в число вредных и запрещенных.

2. Колющие ручные орудия.

Второй тип — ручные колющие орудия, как-то: багры, остроги и т. д.,—имел ограниченное промысловое значение: „багрение" осетровых пород, применявшееся в 50-х годах на знаменитых Куринских промыслах, сохранялось, как ненормальный пережиток старины, только на р. Урале[1]. Революция положила этому конец, и знаменитый „учуг" (сплошная забойка на чугунных сваях) на р. Урале, возле которого багрили рыбу, сделался достоянием истории.

[1] В силу особых привилегий уральским казакам.

3. Сетные орудия.

Главнейшую группу орудий представляют сетные орудия, разделяющиеся в свою очередь на несколько типов. К ручным сетным орудиям относятся: круги, подъемные сетки, саки, наметки, накидные сетки и т. п. — все эти орудия — кустарного типа.

Ставные сети устанавливаются неподвижно, на разной глубине, и бывают одно-, двух- и трехстенные, при чем в первого рода сетях рыба запутывается (объячеивается), протискиваясь сквозь ячеи, а в других она, упершись головою в мелкоячейную стену, увлекает с собою часть ее через крупную ячею вто-

рой стены в виде кармана, из которого выпутывается рыбаком. Величина таких сетей бывает весьма различна, равно как и размеры их ячей, колеблющихся между 27-ю сантиметрами у так называемых белужьих аханов и 13-ю миллиметрами у килечных сетей.

Ставными сетями ловят судака, севрюгу, воблу, каспийскую сельдь, сигов, леща, окуня, ряпушку и т. д. По морским берегам, где бывают приливы и отливы, ставные сети расставляют при низкой воде по обсохшему дну; при новом отливе сети осматривают („перебирают") и собирают поймавшуюся в них рыбу („переметы" для ловли лосося по берегам Белого моря). Ставные сети имеют серьезное промысловое значение, например, при ловле воблы или сельди в Каспийском море; равным образом велико их значение и при кустарном рыболовстве в целях собственного продовольствия повсеместно в С.С.С.Р.

Крупный недостаток сетной пряжи (пеньковой) и невозможность выписки готовой хлопчатобумажной сетной дели из Финляндии, Дании и Германии, что широко практиковалось в довоенное время, повели в настоящее время к сильному (до 60%) сокращению числа ставных сетей повсеместно в Республике и притти в этом отношении на помощь обнищавшему рыбацкому населению является первоочередной задачей как всех правительственных органов, ведающих рыбное дело в Республике, так равно и рыбацких объединений.

Первым шагом в этом направлении могло бы быть временное сложение всякой пошлины с сетной хлопчато-бумажной пряжи и сетной дели в „куклах".

Плавные сети, отличаясь от ставных только лишь своей подвижностью, влекутся обычно в воде не силою течения, а с двух, параллельно плывущих, лодок. Таковы, напр., уральские ярыги, или поездухи, а также „поезды", или „булгаки" на Волге, применяемые для лова рыбы с ям, где из-за неровностей дна нельзя взять рыбу никакою другою снастью. Плавные сети на Каспии были признаны вредными и были запрещены, ибо в них вылавливалась масса маломерной неполовозрелой молоди осетровых пород.

Во время революции на некоторых крупных озерах Северо-Западной области, напр., на Ильмене, приобрел большое распространение лов так назыв. „двойками" — род легкой плавной сети, влекомый с двух парусных лодок. Этот лов дает много мелкого судака. В виду отдаленности мест лова двойками, судак доставляется на рынок часто в испорченном виде, что заставляет признать этот промысел нерациональным.

Наиболее продуктивным и важным промысловым орудием является невод в разных его видоизменениях, начиная с маленького бредня и „одинка" и кончая грандиозными, длиною в версту и больше, морскими неводами. Различные составные части невода (мотня, приводы и крылья) делаются из сетной дели с ячеями различной величины и притом из нитки разной толщины. На северо-западных озерах применяются иногда невода с весьма мелкой ячеей для ловли мелкого окуня, снетка и др. мелкой рыбы. Ершей ловят „мутниками", представляющими обычного типа невода, но с привязываемыми к их подборам [1] пучками соломы, обрывками старых сетей, мочалы и т. п.: волочась по дну и взмучивая воду, эти приспособления вспугивают рыбу и увеличивают продуктивность орудия. Подобные же приспособления применяются рыбаками на Балтийском море для лова камбалы, при чем совершенно непроизводительно вылавливается огромное количество молоди.

Тяга и притонение крупных неводов представляет большой труд, и комплекты рабочих при них доходят до 22-х и более; поэтому в последнее время, при большом недостатке и дороговизне рабочих рук, при организации государственного промысла в Астраханском районе была сделана попытка применения механической тяги посредством особой лебедки, приводимой в действие нефтяным двигателем в 8 лошадиных сил. Попытка оказалась весьма удачной, и лебедка должна сыграть большую роль в деле механизации рыбного промысла.

Вообще за последнее время в государственном рыбном промысле С.С.С.Р. замечается заметный сдвиг в смысле устремления к применению наиболее мощных продуктивных орудий для вылова частиковых пород рыб. Так, например, после долгого запрещения стали на Каспие опять применять „распорные" невода, или „распоры", которыми ловят с двух судов, при чем при вытягивании невода обе лодки удерживаются в определенном друг от друга расстоянии при помощи особых шестов или „распоров". Распорами ловят не наугад, а обметывают ими косяки рыбы, предварительно нащупанные, при помощи особого „щупа". Опустив „щуп" на глубину, определяют по толчкам рыбы о „щуп", который держит в руке опытный наводчик, есть ли в данном месте рыба, много ли ее и какой преимущественно породы и т. д. Этими „распорами" в свое время была выловлена вся стерлядь на ямах в предустьевом пространстве Волги, почему они и были запрещены, но в настоящее время применение их для вылова идущей густыми косяками „частиковой" рыбы не вызывает возражений, поскольку интенсивность лова не превышает известного предела [2].

Применение другого широко распространенного в Северной Америке мощного орудия—кошелькового невода, которым обметываются в открытом море большие косяки рыб, держащихся на поверхности (сельдей, килек, сардинок, скумбрии), за малым развитием чисто морского рыболовства, почти не нашло себе пока места в С.С.С.Р.

Так, в 1890 году была сделана одна неудачная попытка применения кошелькового невода к лову мойвы на Мурмане. С 1923 г. Севзапгосрыбтрестом производятся настойчивые опыты применения этого интересного орудия к лову сельди на Белом море.

Огромное значение для развития рыболовства в открытом море имеет трал, представляющий из себя род придонного воронкообразного невода, который держится в раскрытом состоянии благодаря тому, что к обоим концам его прикреплены особым образом две тяжелые четырехугольные распорные

[1] Так называются верхняя и нижняя веревки, между которыми растянуто полотно сети; к подборам прикрепляются—к верхней поплавки, а к нижней—грузила.

[2] На Черном море так называемые алломаны также представляют особый тип распорного невода.

доски; при тяге судна, обычно парохода („траулера") эти доски расходятся и растягивают сетной мешок, делаемый из прочной бумажной пряжи и имеющий иногда огромные размеры. Тралами ловят преимущественно камбалу и треску и вообще придонную рыбу, с весьма эффективными результатами, но нередко, вследствие истребления водорослей, мелкой фауны и рыбной молоди, это орудие является вредным. В России трал пробовали применять на Черном море для лова осетровых с большим успехом, но в виду слишком большого количества осетровой молоди, которое вылавливалось этим орудием, и его громадной продуктивности, запасы осетровых стали быстро иссякать, и трал был запрещен. Попытки применения трала на Балтийском море [1] не удались главным образом из-за каменистости грунта. Широкое применение траловый лов нашел на Севере в Баренцовом море, вдоль Мурманского побережья и в Канинско-Колгуевском районе, но, к сожалению, богатейшие русские рыболовные банки [2], как, напр., Канинские, преимущественно пока использовались иностранными траулерами—английскими, немецкими, голландскими и даже бельгийскими. Лов крупной морской камбалы и др. на Канинских банках незадолго до войны 1914 г. производился настолько интенсивно, что камбаловые запасы были в сильной степени исчерпаны, и англичане стали тралировать в других районах. Хотя несколько русских предприятий („Копытов", „Спаде" и др.) настойчиво стремились развить траловый лов на Мурмане, но промысел плохо прививался, отчасти вследствие его неналаженности. Холодильное дело развивалось также туго и не могло способствовать развитию тралового промысла, который имеет в данном районе много шансов для своего развития.

После войны 1914 года в водах Республики оказалась небольшая флотилия траулеров (12), отчасти переделанных для производства рыбного промысла из разных других судов. Дело это развивается пока медленно [3], вследствие отчасти неудовлетворительности организации, отчасти недостатка рабочих рук и недостаточной их квалификации, почему встает на первую очередь трудный вопрос о колонизации Мурмана. По данным С. Аверинцева, ловцов по всему побережью Ледовитого океана от границы с Финляндией до Печоры насчитывается около 20.000 человек, что дает на версту берега всего только около 7 ловцов. Уже одно это указывает, сколько надо употребить усилий для колонизации берегов Баренцова моря, если поставить задачу использовать как следует его рыбные запасы [4]. В 1925 г. число наших траулеров на Мурмане возросло до 17, и промысел стал быстро развиваться (620.258 пудов).

[1] В 1900-х годах ревельской рыбопромышленной фирмой „Братья Малаховы".

[2] Отмели.

[3] В 1922 году нашими тралами было добыто всего рыбы 222.497 пудов, тогда как, напр., одни английские траулеры в 1912 г. выловили 30.175 пудов, а все иностранные траулеры вместе—до 1 милл. пуд. (С. Аверинцев. „Рыбные и звериные промыслы нашего Севера", в „Рыбном Хозяйстве" Москва, 1923, кн. IV).

[4] С. Аверинцев „Рыбные и звериные промыслы нашего Севера" „Рыб. Хоз." 1923 г., кн. IV.

4. Орудия-ловушки.

Последний тип орудий — ловушки, или вентеря — является чрезвычайно распространенным повсеместно в водах Республики и на ряду с мелкими, чисто кустарными плетеными или сетяными вершами, неретами, наротками, „мордами" „вандами", „бураками" и т. п., мы встречаем такие мощные орудия, как ладожские вентеря, достигающие $3^1/_2$ саж. высоты и 12 саж. длины. О мощности вентерей, или мереж (от финского слова mörre) можно судить по тому, что уловы посредством них снетка и ряпушки на Чудском, Псковском и озерах Карелии достигают подчас до 60—90 пуд. за один раз. Вентеря редко выставляются отдельно, по-одиночке, обыкновенно же их располагают рядами или в шахматном порядке, соединяя крыльями таким образом, чтобы рыба, с какой бы стороны она ни шла, натыкалась на сетяную перегородку и попадала в ловушку. Таким путем на северо-западных озерах устраиваются сложные снаряды, известные под названием „дворов", заборов или тайников и т. д. Сюда же относятся такие ловушки, как „сежи", с приспособлением для захлопывания входа в ловушку, черноморские „скипасти", или „дальяни" и огромные „каравии" для лова скумбрии и кефали. Эти громадные орудия, стоимостью до 1000 руб. зол. и более, представляют из себя прямоугольный сетяной двор, укрепленный на сваях, якорях и канатах, входная сторона в который может опускаться и подтягиваться с целью прегражденія выхода рыбе, зашедшей в ловушку.

За последнее время на Черном море часть этих орудий, как, напр., дорого стоящие „каравии", стали заменяться более легкими — „скипастями". Необходимо отметить еще так называемые стоячие японские невода, заимствованные русскими у японцев и применяемые там для ловли лососевых рыб.

Большая продуктивность стоячих неводов заставила обратить на них внимание и в других районах нашего государственного промысла, и на Всесоюзной С.-Х. выставке 1923 года в Москве можно было видеть ряд моделей этих орудий, применяемых теперь с большим успехом в Черноморско-Азовском районе. Не останавливаясь здесь подробно на описании многочисленных типов ловушек из дерева (каковы, напр., ванды, морды, бураки), мы упомянем еще об орудиях типа „забойки", устраиваемых из прутьев, кольев и даже тонких свай, а иногда и из сетей, укрепленных на кольях. Рыбу, скучивающуюся у таких „забоек", „заборов", „заколов", „язов", „заездок" и т. п., вылавливают баграми или же посредством ловушек, вставляемых в „окна" (отверстия) забоек или, наконец, посредством длинных сетных мешков (рукавов).

Забойки на больших реках уничтожены давно (четыре учуга в главнейших протоках дельты реки Волги сохранялись до конца 60-х годов XIX столетия), устройство же забойки у „Божьего промысла" в низовьях реки Куры с металлическими решетками было запрещено лишь правилами 1880 года.

Уральский учуг, как мы отметили раньше, уничтожен во время революции.

В виду коренного изменения современной конъюнктуры рыбного промысла, государственные орга-

низации снова вернулись к устройству „забоек“ в низовьях р. Волги [1], правда, не в виде сплошной „забойки“, как это было прежде, а лишь в виде подсобного приспособления к „заездке“, широко применяемой для ловли кеты на Дальнем Востоке. Современная астраханская „забойка“—не сплошная, а оставляет широкий проход для рыбы. Таким образом, отбрасывая обычный одиозный смысл „забойки“, мы можем рассматривать ее как одно из приспособлений к механизации государственного промысла.

В огромном числе случаев приготовление пеньковой пряжи, плетение сетной „дели“ и изготовление самих орудий производилось и производится кустарным способом—самими „рыболовами“.

Крупные рыболовные районы обслуживались кустарями и кустарными артелями определенных уездов. Так, напр., крючки и сети для Каспийско-Волжского района изготовлялись кустарями Нижегородской губернии и в Рязанской губ. Северо-Западный район снабжался сетями кустарного производства Осташковского уезда Тверской губернии.

В течение последних двух десятилетий перед войной 1914 года, благодаря энергии комиссионеров заграничных фирм, в районах крупного рыболовства стали быстро распространяться сети фабричного производства. Всемирно известная голштинская фабрика в Ицего имела даже своего постоянного представителя в Одессе, благодаря чему сети этой фабрики получили значительное распространение на морях Черном, Азовском, Каспийском и даже на Оби и Енисее, хотя сильным тормозом являлась высокая пошлина на бумажные изделия и нитку.

Были у нас и свои сетевязальные фабрики, впервые появившиеся около 1902 г. в прибалтийских губерниях. Выделялась по качеству своих изделий (особенно килечных сетей) фабрика Леесмана в Ревеле, оборудованная американскими сетевязальными машинами. Оборот этой фабрики достигал 100.000 руб. в год. Позднее появились сетевязальные фабрики в Нижегородском районе (Решетихинская фабрика в с. Решетихе, Гурьева, Склянина и братьев Карповых, имевшая 39 сетевязальных машин), обслуживавшая главным образом астраханские промыслы. В самом Астраханском районе работало также несколько фабрик (фабрика Белугина—17 сетевязальных машин).

Снасти, т.-е. веревки и крючки самоловные, изготовлялись Горбатовским фабричным районом.

Все сетевязальные и снастные фабрики довоенного времени были переданы в 1922 г. в ведение Главрыбы для государственно-хозяйственной их эксплоатации и быстрым темпом восстанавливают свое производство. Достаточно сказать, что число занятых в снастном производстве Горбатовского района рабочих и служащих на 20 декабря 1922 г. достигало 1.097 человек. Из общего числа 22 исправных сетевязальных машин в Астраханском районе в том же году работало уже 12.

[1] И. Н. Арнольд. „Рыболовство и рыбоводство на Всесоюзной С.-Х. выставке“. „Известия Института Опытной Агрономии“. 1924 г. Вып. V.

ГЛАВА IV.

РЫБНЫЕ ПРОДУКТЫ И ИХ ПРИГОТОВЛЕНИЕ.

1. Живая и свежая рыба.

Рыбные товары Союза С.С.Р. в большинстве случаев первоклассны. Об этом свидетельствуют все бывшие рыбопромышленные выставки не только в Петербурге (в 1889, 1902 г.г.), но и все международные (Берген 1898 г., Бордо 1906 г.). Эта же самая квалификация была признана и на Всесоюзной С.-Х. Выставке в Москве в 1923 г., где экспертиза констатировала факт поднятия стандарта главнейших русских товаров до уровня довоенного времени. В отношении выбора и разнообразия самого сырья С.С.С.Р, конечно, занимает первое место во всем мире: напомним хотя бы огромное изобилие первоклассных ценнейших рыбных пород — каковы лососевые, сиговые и осетровые. Наши: северная семга, гатчинская форель, сибирский муксун, чудской сиг, балыки из белорыбицы и нельмы, осетрина и балыки из всех осетровых, стерлядь, осетровая икра, донской судак, кубанский рыбец, керченская сельдь, скумбрия, кефаль и ее икра, каспийская шемая и др.— не знают конкурентов во всем мире и некоторые из них составляли и составляют и в настоящее время предмет вывоза за границу (главным образом, черная икра осетровых). Все, что давала для гастрономии по части рыбных товаров Западная Европа и Америка, вместе взятые, конечно, бледнеет перед русским ассортиментом этого рода товаров. Чтобы не быть голословным, приведем для справки следующий список: Франция давала сардины, тюрбо, соль, анчоуса, лангуст, омаров и креветок; Бельгия и Голландия — голландскую сельдь и устриц, Германия— только одну рейнскую лососину [1], Великобритания— шотландскую сельдь и пильчера [2], Сев. Америка — лососину в собственном соку и очень неудачную „осетровую“ икру [3] — вот и все. Мы уверены, что при умелой организации С.С.С.Р. мог бы выбрасывать на иностранный рынок гораздо большее количество своих первоклассных гастрономических товаров; но мы вернемся еще к этому вопросу ниже, а пока бегло рассмотрим наши главные рыбные продукты.

Свежую рыбу в С.С.С.Р. потребляют в довольно большом количестве, но в подавляющем числе случаев, как мы уже отмечали выше, это рыба пресноводная местного кустарного улова. Океанской рыбы наш рынок почти не знает, если не считать беломорской наваги и сельди. Свежая треска и пикша, сайда, морская камбала, зубатка, палтус, морской окунь, а по опытам С. Аверинцева в 1918 г. и полярная акула — вот те виды рыб, появления которых мы должны ожидать на рынках больших центров в ближайшем периоде развития нашего тралового промысла и в то же время холодильного транспорта. Свежая рыба поступает на рынки в живом или снулом состоянии. Живая рыба доставляется в „прорезях“. На Волге таким путем в довоенное время транспортировали красную рыбу, судака и реже сазана. По Мариинской системе так доставлялись в Петербург, а отсюда и в другие крупные центры — свирские лососи, сиги, форель и стерлядь [1]. Вагоны-цистерны для перевозки рыбы имелись лишь на немногих железных дорогах. Довольно удачный новый тип подобного вагона был, между прочим, экспонирован на Всесоюзной С.-Х. выставке в Москве 1923 г., и нам остается только пожелать, чтобы этот пример не остался единичным: пора шевелиться и извлекать из промысла все лучшее, что он может дать. Необходимо только, чтобы железные дороги присматривались к требованиям рынка и работали в контакте со специалистами рыбного дела, ибо новейшая специальная литература указывает на поразительные достижения в области транспорта живой рыбы при газировании воды посредством кислорода [2].

2. Мороженая рыба.

Снулая рыба перевозится обычно в мороженом виде или „парною“ во льду. Торговец с успехом использовал холодный климат С.С.С.Р, и зимою мороженые рыбные товары двигались вдоль и поперек страны. В лавках Ленинграда можно, уже начиная

---

[1] Рейнская лососина считалась выше семги и продавалась в Петербурге до 4 руб. фунт.

[2] Консервы из сельди в масле.

[3] Экспертиза на Международной рыбопромышленной выставке в Бергене 1898 г. признала возмутительным факт упаковки американской икры в жестянки с русским государственным гербом, по качеству же и виду сравнила ее с ваксой.

[1] Этого вида транспорт стал уже оживать, и осенью 1923 г. была доставлена в Ленинград первая крупная партия живых Северо-Двинских стерлядей.

[2] Это вопрос прямой экономики, ибо при таком способе в одном и том же количестве воды можно перевозить почти втрое большее количество рыбы, чем при обычном способе перевозки.

с 1923 г., найти свежую беломорскую навагу, сельдь, камбалу и салаку; раньше здешний рынок видел и сибирскую нельму, муксуна, осетровых и судака Каспийско-Волжского и Азовско-Донского бассейнов и целый ряд карповых рыб с Дальнего Востока. Если на южные рынки Астрахани и Одессы доходила в довоенное время в мороженом виде северная навага [1], то и обратно с юга, с низовьев Дона и Волги, ранней весной по холодку с большим успехом, в особых, сбитых из досок, коробах, или „каламашках" пересылали товаром большой скорости переложенных льдом судака и щуку в Харьков, Москву, Варшаву и даже Берлин и Вену; и это при дорогом фрахте, ибо приходилось дорого платить за лед, который составлял $^1/_2$ груза. Более крупная красная рыба пересылалась несколько иным способом замороженная, а именно—в смеси толченого льда с солью; она промерзала настолько, что, упакованная в солому, выдерживала перевозку в течение 4—5 дней. Этот простейший способ искусственного замораживания рыбы практиковался в районе Азовского моря еще в 60-х годах прошлого века [2]. Впоследствии, в начале девятисотых годов в этот способ были введены некоторые усовершенствования: рыбу стали замораживать в сухом холодном воздухе в особых морозниках по образцу северо-американских, в которых по стенам располагались особые камеры с охладительной смесью изо льда с солью. Такие морозники были устроены в г. Уральске и в Очакове. Применение холодильных машин для этой цели впервые началось на Мурмане, где еще в конце 70-х годов инициатором этого дела был И. И. Зебек, но дело не привилось, как и многие новые полезные начинания в этом суровом и угрюмом крае. Наконец, лишь в 1888 году в Астраханском крае были устроены Г. О. Супуком два машинных холодильника, один на барже, другой на суше. Настоящий, европейского типа, мощный холодильник был устроен в 1898 году в г. Петровске, на берегу Каспия, братьями Воробьевыми, при чем устройство его обошлось около 18.000 рублей. Таким образом был сделан крупный шаг вперед в развитии холодильного дела в России, но, как и многое другое, окончательного развития оно не получило, ибо дело затормозилось из-за отсутствия на южных дорогах достаточного числа изотермических вагонов. В результате наблюдалась крупная несообразность: Петербургский рынок не видел петровской замороженной рыбы, кроме разве небольших партий осетровых, но зато на нем красовались серебристые лососи, доставлявшиеся с Тихоокеанского побережья Сев. Америки на пароходах-рефрижераторах.

Незадолго до войны 1914 года, русская фирма Грушецкий и К° завела также пароход-рефрижератор, совершавший прямые рейсы между Камчаткой и Петербургом и привозивший крупные партии малосольной кеты и горбуши, превосходную соленую треску и часть свежих тихоокеанских лососевых. Перевозка пароходом обходилась дешевле, чем по сибирской магистрали, но приходилось применять охлаждение даже соленых грузов, ибо при кругосветном плавании они не выдерживали пути под тропиками. Как мы видим, многое в деле транспорта свежей рыбы было уже испытано и освящено долголетней практикой; основных вех было поставлено немало, и нам, при современной организации промысла, много чему можно поучиться у бывшей практики.

3. Соленая, вяленая и копченая рыба.

Если свежая рыба с мест ее наибольшего вылова (в районах Каспия, Азовско-Черноморского и др.) поступает на потребительский рынок сравнительно в небольшом количестве, то зато тем большее количество ее поступает уже в приготовленном виде, т.-е. в сушеном, вяленом, соленом, копченом, маринованом и, наконец, в виде жестяночных консервов.

Мы сделаем беглый очерк этих товаров.

Сушка рыбы производится, или прямо на солнце, или в особых сушильных печах. Сушатся в печах сотни тысяч пудов мелкой рыбы — снетков, окуньков („остречонок"), ершей и уклеи—на севере и бычков — на юге; неоднократно обсуждались проекты сушить и молоть в муку черноморскую хамсу, недостаточно пока утилизируемую. Когда-то на Мурмане сушили на солнце и ветру треску, готовя из нее норвежскую марку — „штокфиша".

Соленые и вяленые рыбные товары достигли высокого качества и известны далеко за пределами С.С.С.Р. Немногие сорта рыбы солятся целиком, или „колодкой", таковы, например, астраханская и донская сельдь, вобла, тарань, шемая, хамса, каспийская килька и черноморская тюлька. Рыбу, покрупнее, перед посолом разделывают на разные лады, сообразно марке требуемого товара, т.-е. разрезают и пластуют, вынимая часть или все внутренности, иногда позвоночник (у трески). Для лучшего проникновения соли на теле рыбы делают насечки, а крупных осетров и белуг рассекают на поперечные ломти. Для экспорта существуют особые приемы разделки рыбы, как-то: румынская („пан" и „эпрак"), молдавская и т. п. Некоторые рыбы солятся в рассоле, другие пересыпаются сухою солью. Для посола сельди (особенно жирной бешенки) и некоторых других рыб русские солильщики выработали замечательный способ предварительного охлаждения, при чем рыбу, укладываемую в чанах слоями, пересыпают смесью льда с солью; при таком посоле рыба сначала сильно замораживается, а затем медленно оттаивает, просаливаясь постепенно рассолом: в результате получается превосходный продукт, тогда как на памяти старожилов сельдь выходила всегда „с загаром" и, чтобы спасти ее от разложения, ее досаливали, набивая в рот сухую соль особыми палочками. Все же сельдь выходила неважной

[1] И. Д. Кузнецов. „Очерк русского рыболовства". СПБ. 1902. Стр. 42.

[2] Отметим одно замечательное достижение старой практики: особенно высоко ценилась рыба, замороженная тотчас после улова в живом виде: такая рыба, мороженая „на пере", отличается оттопыренными плавниками и красивым серебристым видом. Причина ценности такой рыбы, по нашему мнению, заключается не только в нарядном виде товара, а и в качествах замороженного таким образом мяса: рыба покрывалась ледяной оболочкой, „рубашкой", а новейшая техника замораживания рыбы в холодильниках после долгих испытаний остановилась именно на таком же самом способе, т.-е. в ледяной оболочке (так наз. глазурование рыбы).

торговой марки. Способ посола с охлаждением в свое время (1890-е годы) произвел настоящий переворот в деле посола, и на рынке стали появляться такие первоклассные и оригинальные продукты, как, например, балычки из астраханской сельди, продававшиеся в Петербурге и других центрах по 60 коп. за штуку, тогда как раньше это был совсем дешевый товар.

Большой популярностью пользуется замечательный деликатес среди соленых товаров — керченская сельдь, появившаяся уже, после долгого перерыва, опять в продаже.

Русская рыбопромышленность предъявляла большие требования и к количеству и к качеству соли [1]. Астраханский район был обеспечен солью прекрасного качества, но местами, как, например, на Мурмане, в Сибири и на Амуре, соляной вопрос был „больным местом" промысла, и цена соли поднималась здесь порою до 1 р. 50 коп. за пуд. На Мурман в свое время разрешался беспошлинный ввоз соли без ограничения ее количества, а в портах Белого моря пошлина взималась в размере 10 коп. с пуда, тогда как в других районах пошлина была 20 коп.

Если Мурманский край мало извлек из этой льготы практической пользы, то во всяком случае сохранили все свое показательное значение опыты одного из бывш. руководителей Мурманской научно-промысловой экспедиции, Л. Л. Брейтфуса, с посолом мурманской трески по голландскому способу с применением первоклассной португальской сэтюбальской соли, давшие превосходный продукт по сравнению с так называемым „архангельским протухляем", т.-е. треской, посоленной дешевой и скверной пермской солью. Нечего, конечно, говорить о том, насколько важно учесть этот опыт современным организаторам промысла на Мурмане и Белом море.

Часть соленых товаров идет прямо на рынок, но огромное их количество подвергается вялению, т.-е. сушке на воздухе (таковы имеющие громадное значение в питании широких масс населения—вобла, тарань, лещ, судак и др.).

Копченые товары представляют, так сказать, особый подотдел соленых товаров, с повышенной гастрономической маркой, и выручают подчас рыбаков, рыболовные угодья которых расположены слишком далеко, чтобы можно было ежедневно реализовать свой улов. Техника копчения несложна, и рыба закапчивается даже не всегда в особых коптильных печах, а просто в дыму тлеющей хвои и опилок или стружек, разложенных кучами на земляном полу сбитых из досок небольших коптильных камер, с плотно затворяющимися дверьми и с небольшими отдушинами для притока воздуха. Рынок наш знает копченую скумбрию, шемаю и рыбца, подледную воблу, жереха [2], селедку, сигов невских, озерных и сибирских муксунов, стремлинга (салаку) и архангельскую копчушку, камбалу, угря, ряпушку, корюшку и др. Гвоздем ленинградского рынка являются озерные сиги, отличающиеся необычайно нежным и сочным мясом и вывозящиеся далеко за пределы Ленинградской губернии; не меньшей популярностью пользуются также копченые ряпушка и корюшка, а также балтийская салака (стремлинг). На примере копченой корюшки можно, между прочим, поучиться, как следует организовать коптильное дело в тех случаях, когда, как это часто случается, свежего товара на рынке появляется большой избыток, и цена сильно падает. Один ленинградский торговец в довоенное время придумал очень остроумную комбинацию, отдав в холодильник на хранение большую партию свежей корюшки, которая в тот год промышлялась в столь большом количестве, что в мае буквально завалила весь рынок; цена упала до 5 коп. за фунт, а оптом—и того ниже: и рыбакам, и скупщикам приходилось совсем туго. В сезон корюшного лова весной на рынке копченой корюшки бывает много, а затем она быстро исчезает с рынка, и вот осенью, когда корюшки никто не ожидал,—упомянутый торговец стал выпускать постепенно на рынок копченую корюшку по дорогой цене: нечего и говорить, что товар брался нарасхват, и торговец хорошо заработал, несмотря на большие расходы по хранению свежей корюшки в холодильнике. Этот пример рельефно подчеркивает, какую многообразную роль может играть холодильное дело в рыбном промысле. Коптильное дело стало у нас заметно оживать лишь с 1923 года.

4. Жестяночные консервы.

Консервное дело возникло в С.С.С.Р. сравнительно недавно. Началось оно с легкой руки скромного труженика И. И. Романа в 1877 г. и по прошествии двух десятков лет сильно развилось и окрепло, втягивая в свою орбиту все новые и новые объекты. Консервное производство было сосредоточено, главным образом, на Черноморском побережье (Одесса, Балаклава, Феодосия) и на Балтийском море (Ревель, Рига) и к 1902 году количество консервных заводов исчислялось до 40, с годовым оборотом до 200.000 [1]). На Черном море быстро установились свои излюбленные марки консервов, находившие широкий сбыт не только в Европейской, но и в Азиатской части СССР, при чем особенно привились консервы в томате и консервы-маринады, как-то: скумбрия, кефаль, бычки, осетрина, белуга. На Балтийском море доминировали ревельские кильки и шпроты в масле. Производство килек приняло обширные размеры и некогда славная марка „ревельских килек" сильно понизилась, благодаря тому, что за недостатком настоящей нежной и жирной кильки стали примешивать к ней в неумеренном количестве сравнительно грубую на вкус и тощую так называемую „сипку", т. е. молодь салаки. Кроме того, килечные фабриканты, в целях более широкого распространения своего товара на юге и

[1] Потреблялось ежегодно до 15.000 000 пуд. соли. И. Д. Кузнецов. „Очерк русск. рыболов". СПБ. 1902 г.

[2] Копченый жерех с успехом сбывается недобросовестными торговцами за сига.

[1]) По позднейшим данным, в одной Одессе работало 25 консервных фабрик с общей выработкой до 75.000.000 коробок рыбных и овощных консервов в год. В производстве было занято свыше 300 рабочих, не считая администрации. В Одессе же были и крупнейшие в России жестяночные фабрики Жако, Вальтух и др. (Бюлл. Главр. 1922 г. № 6—7).

в Туркестане, стали прибавлять к килькам слишком большие дозы консервирующих средств, главным образом, салициловой кислоты, чем окончательно вывели из строя ревельские кильки, как гастрономический товар, служивший когда-то предметом вывоза (правда, ограниченного) за границу (гл. обр., в Германию). Очень мало был распространен у нас тип консервов в собственном соку и только лишь ко времени Международной рыбопромышленной выставки в 1902 г. в Петербурге появились впервые прекрасные консервы этого рода—камчатская лососина на манер американской, выпущенная огромной консервной фабрикой Камчатско-торгово-промышленного Общества (устройство фабрики обошлось около $1^1/_2$ милл. р.), построенной на Камчатке, на берегу Авачинской губы, недалеко от Петропавловска. Хотя эти консервы приготовлялись из неважной по своим вкусовым качествам кеты (суховатой сравнительно с европейской лососиной), но, тем не менее, они сразу же приобрели прочную репутацию и, будучи весьма доступными по цене (35 коп. фунтовая коробка)—стали быстро распространяться в самых широких слоях населения. Когда в период войны 1914 года наступил недостаток в белковых продуктах, эти консервы, запас коих оказался значительным, еще долго поддерживали питание городского обывателя. Указанная фабрика, по имеющимся у меня сведениям, отправляла часть своих консервов также и в Америку [1]. Датский подданный Фансмит пробовал развить консервное дело на Мурмане, в Териберке. Его пробные жестяночные консервы „треска в собственном соку" подверглись в Российском Обществе Рыболовства экспертизе и были признаны превосходными. Консерв сохранил весь приятный аромат, напоминающий запах омаров, и сочность свежей трески и по тогдашней конъюнктуре, в начале девятисотых годов, за отсутствием железной дороги, имел некоторые шансы на распространение, но Фансмит сам был бедняком, не сумел привлечь в свое предприятие капитал, и дело не пошло. По теперешней конъюнктуре, как ни прекрасны консервы из трески, особенно пикши, приходится изменить взгляд и признать, что с Мурмана надо стараться возить не дорогие жестяночные консервы из трески, а свежую мороженую треску в изотермических вагонах, о чем мы уже говорили выше. Другое дело—консерв из тресковой печени, опыты с которым так успешно провела Северная научно-промысловая экспедиция в лице своего сотрудника С. Я. Миттельмана в 1920 году. Как показала экспертиза этого замечательного консерва в отделе прикладной ихтиологии Института Опытной Агрономии в Ленинграде, консерв этот отличается нежнейшим вкусом, а жир, выступающий из печени и заполняющий всю коробку, вовсе лишен того неприятного привкуса, какой имеет обычный медицинский тресковый жир. Подобный консерв имеет смысл производить в большом количестве и распространять его, как хороший медицинский препарат, не только внутри страны, но и за границей в качестве валютного товара, ибо не может быть сомнения в том, что он при умелой организации, в конце концов, должен вытеснить даже самую высокую марку норвежского золотисто-прозрачного трескового жира марки „Cold clared tran", не лишенного отвратительного привкуса.

Значительным успехом пользовались сибирские консервы фирмы Плотникова в Тобольской губ. (нельма, муксун), при чем особенной популярностью пользовалась „налимья печенка"—в сущности, прямой предшественник консерва „тресковая печень" (обе рыбы принадлежат к одному и тому же семейству тресковых). Консервы Плотникова отличались относительной дешевизной и нашли довольно широкий круг потребителей.

Продукция Плотниковской фабрики определялась от 500 до 800 тыс. жестянок и являла собой яркий пример того, насколько можно повысить ценность рыбных продуктов путем превращения их в консервы: так, например, налим в соленом виде стоил 80—1 р. 20 к. за пуд, тогда как налим в консервах продавался за 24 руб., а „печень"—за 40 руб. пуд. С 1924 года фабрику бывш. Плотникова Обь-иртышский Областной Государственный Рыбный Промысел (Облгосрыбпром) собирался пустить в ход.

Итак, консервное дело в довоенное время для целей собственного потребления было развито более чем удовлетворительно, но в смысле экспорта не сделано было ни одного крупного шага, и в этом мы видим большую ошибку организаторов рыбного промысла и экспортеров. К этому вопросу мы еще вернемся ниже. Что же касается современного положения консервного дела в Республике, то исчерпывающий материал по этому вопросу нам дала Всесоюзная С.-Х. Выставка в Москве 1923 года, которая явилась смотром производительных сил Союза. Московский консервтрест представил на экспертизу ряд консервов из красной рыбы (белуга и осетрина в томате) и из судака, приготовленного по новому способу. Суть этого способа заключается в том, что рыбу, до заключения ее в жестянку, не поджаривают в постном масле, а подпекают в сухом жару в особой печи. По вкусу эти новые консервы, приготовленные на принадлежащем тресту Астраханском консервном заводе, оказались первоклассными. Значительно слабее оказались консервы Крымской консервной фабрики—скумбрия, кефаль, бычки и осетрина в томате. Были на выставке также и кильки из черноморской хамсы, бойко спрашиваемые в настоящее время рынком за отсутствием настоящих ревельских килек. Экспертиза признала их весьма неудовлетворительными в виду слишком большого пересола и деревянистости. Этот консерв может быть вполне приравнен по качеству к проникающим в настоящее время к нам из Эстонии „ревельским килькам", в которых килек вовсе нет, а в каждую жестянку затиснуто по несколько штук крупной салаки, что является грубой фальсификацией.

На очереди у нас стоит не только приготовление настоящего хорошего „анчоуса" из черноморской хамсы, но и утилизация каспийской кильки и черноморской тюльки. Засоленная в бочку под ревельскую кильку со всеми полагающимися пряностями, она была также экспонирована на Московской С.-Х. Выставке, но одобрения не получила: очевидно, в этом

[1] Продукция наших консервных фабрик на Дальнем Востоке определялась в 1914 году в 136.500 ящиков. (Бюлл. Главр. 1923 г. № 13).

интересном и выгодном деле нужны еще дальнейшие опыты.

Дальневосточный район производит в настоящее время пока лишь два совершенно новых консерва: крабов на манер омаров и „жемчужную раковину с морской капустой“ для японского рынка. Консервная фабрика находится в заливе „Америка“ около Владивостока. Представительство фабрики принадлежит Т-ву „И. И. Федечкин и К°“ во Владивостоке. Нельзя не приветствовать этого почина, тем более, что консервы приготовляются частично для экспорта за границу. В 1924 г. на Дальнем Востоке приступлено к изготовлению консерва из тунца. Вот немногие пока начинания в области консервного дела, становящегося у нас постепенно на ноги.

Необходимо заметить, что для развития консервного дела у нас конъюнктура складывается сейчас довольно благоприятно, ибо стоимость сырья (рыбы) в консервном производстве составляет, примерно, 20% стоимости всего консерва, против 40% в довоенное время, но беда в том, что у нас нет необходимой для консервов жести, ни английской, ни своей, и приходится довольствоваться случайными ее партиями разной толщины и качества, а это страшно тормозит производство; кроме того, у нас нет копалового лака, которым покрывают жестянки [1].

В деле выбора новых объектов для консервного производства и мест для постройки консервных заводов необходимо быть осторожным и устанавливать контакт с научнопромысловыми исследовательскими организациями, ибо без достаточного научного освещения этого вопроса будут неминуемые провалы.

В последнем отношении поучительна судьба одного предприятия на Белом море в 1921 г., исходившего из задания изготовлять ежедневно до 1.000 пудов консервов „северные шпроты“, но не давшего себе труда предварительно, как следует, изучить вопрос о том, какая из беломорских рас сельдей и в каком месте окажется наиболее подходящей для целей постройки консервного завода (для которого, кстати сказать, было приобретено уже и соответствующее оборудование в виде американских машин). Машины перетаскивались с места на место в поисках наилучшего пункта, и предприятие в конце концов прогорело, между тем как научно-промысловая экспедиция Отдела Прикладной Ихтиологии Инст. Опытн. Агроном. показала, что только в Онежской губе водится наиболее подходящая для консервного производства мелкая, жирная и нежная селедочка. Это все необходимо учесть, чтобы дальше не итти ощупью.

Нам известно предложение одной старинной ревельской фирмы ввозить к нам полуфабрикат соленой кильки в бочках с тем, чтобы ее перерабатывать уже в пределах нашей Республики в „ревельские кильки“. „Ничто не ново под луной“, ибо это есть простое подражание немцам, которые в довоенное время ввозили к нам дешевую кильку (брислинга) из Немецкого моря и южной части Балтийского во льду с примесью салициловой кислоты [2], что сильно портило консерв „ревельские кильки“. Но вряд ли это правильный путь для развития нашего консервного производства, ибо смешно для консервов покупать сырье за границей, при обилии собственного сырья, еще неиспользованного (хамса, каспийская килька, черноморская тюлька).

5. Икра, балыки и другие продукты.

Обратимся к другому роду своеобразных консервов, без жестянок, издавна составлявших гордость русского рыбного рынка. Мы имеем в виду разнообразные балыки и тешки, икру, вязигу. Для приготовления балыков спинку ценных пород—осетра, белуги и севрюги, белорыбицы, лосося и др.—подвергают после легкого засола особого рода вялению, на открытом воздухе под навесом. Лучшие балыки считаются мартовские. Район приготовления балыков: Каспий, Черное и Азовское моря. Во время процесса созревания из балыков выпотевает значительное количество жира, и момент спелости определяется по появлению легкого налета плесени на поверхности балыка. Некоторые виды балыков иногда слегка подкапчиваются (белорыбица).

Мясо балыков чрезвычайно нежное и сочное у белорыбицы, посуше у осетровых, своеобразно ароматичное — ставит эти продукты в число первоклассных. Нам непонятно, почему балыки не пользуются спросом за границей. Вероятно, это — лишь недоразумение и результат недостатка организации нашей внешней торговли.

Другой русский первоклассный продукт—икра—пользуется мировой известностью и составляет уже издавна один из главных предметов нашего вывоза за границу, главным образом в Германию и Австро-Венгрию (потреблявшие 65% [1] всего нашего вывоза, выражавшегося в десятках тысяч пудов)—ежегодно в количестве около 37.000 пудов по данным за последнее трехлетие перед войной 1914 г.

Различают икру паюсную и зернистую, при чем способы их приготовления существенно различны, и мы считаем не лишним описать их хотя бы в самых общих чертах, в виду тех небылиц, какие печатаются про нашу икру в популярной иностранной литературе.

Вот, например, каким образом описывается приготовление и качества нашей осетровой икры, в новейшем издании, популярнейшего Брема [2]: „Яичники, из которых желают добыть икру, сначала подвергаются сечению розгами, а затем продавливаются через сита (грохотки) для отделения икринок от пленок“ и далее: „Самый плохой сорт представляет паюсная икра, которая, по очистке лишь самых грубых волокон, солится и просушивается на рогожах на солнце, а затем утаптывается ногами“, далее—еще перл: „зернистая икра немного подсушивается, затем прессуется в бочки“, и наконец, про так называемую салфеточную икру также сообщается, что „она до укладки ее в бочки провешивается для просушки и слегка прессуется“.

---

[1] Для предохранения от ржавчины, что значительно удлиняет срок хранения консервов.

[2] Проф. Я. Никитинский и П. Петров. „Товароведение“. 1923. Т. IV.

[1] И. Гольдфарб. „Организация экспорта и торговли икрой за границей“. „Бюллетень Главрыбы“ 1923. № 22.

[2] A. Brehm. „Fische“. Leipzig, 1922, стр. 140.

Вместо бесполезного опровержения всех приведенных перлов, мы заметим, что для получения икры „ястыки“ (яичники), вынутые из тела рыбы, протираются сквозь грохотку (деревянную раму с туго натянутой веревочной крупно-ячейной сеткой) и затем подвергаются солению различно, смотря по тому, какой сорт желательно приготовить. Для получения зернистой икры, считающейся самой нежной, вкусной, но зато и наименее стойкой, пробитую через грохотку икру пересыпают чистою, мелкою („английскою“) солью (по расчету не более 1—1¼ ф. на 1 пуд) и, перемешав деревянной лопаточкой, накладывают в 5-ти фунтовые жестянки, которые пересылаются не иначе, как во льду, или в изотермических вагонах, при температуре — 1½° Цельсия; при большем холоде икра подмерзает, быстро прокисает и портится. Такая икра может быть названа стандартным товаром, а все многочисленные консервирующие порошки, которые пудами привозились на Каспий иностранными агентами и русскими экспортерами в виде салициловых, борных препаратов, наконец, уротропина и т. д., положительно портили товар и понижали его высокую гастрономическую марку, ибо икра теряла свой нежный вкус и приобретала совсем несвойственный ей, то кисловатый, то металлический привкус. При более крепком засоле (2,5 фунт. на 1 пуд) и при обливании просолившейся уже икры теплым, но слабым рассолом, получается так наз. „варшавский передел“, т.-е. икра более крутого засола, способная выдержать более длинную дорогу. Такая икра, уложенная в липовые пятипудовые бочки, составляла предмет вывоза в Берлин и Вену через Варшаву, откуда произошло и ее название.

Наконец, „паюсная“ (от слова „пай“) икра представляет самый прочный сорт икры; солится она в насыщенном рассоле. Когда специалист икряник на ощупь между двумя пальцами определит должную степень просаливания отдельных зерен, дают избытку рассола стечь, а икру набивают в небольшие холщевые или большие (на 2—5 пудов) рогожные кули и подвергают легкому прессованию для отжимания остатков рассола; затем икру набивают в большие дубовые бочки, обложенные салфеточным холстом (салфеточная икра) или в холщевые мешки (икра мешечная): в таком виде она сохраняется очень долго и выдерживает весьма далекую пересылку. При хранении икры надо иметь в виду, что, она, как товар очень нежный и жирный, легко воспринимает посторонние запахи (подобно сливочному маслу): при долгом хранении, особенно в начатых бочках, икра сохнет и жир стекает вниз бочки, почему и рекомендуется на складах от времени до времени переворачивать бочки. При продолжительном хранении паюсной икры на холодильниках температуру поддерживают около +4° Ц. Заграница преимущественно требовала икру зернистую, хотя бы и сдобренную антисептиками, к паюсной относилась как бы с предубеждением, считая ее второсортной, как и ее неудачную копию — американскую икру, обращающуюся в западно-европейских ресторанах, второго разряда.

За время мировой войны и после нее главные наши потребители — Германия и Австро-Венгрия — прекратили спрос, тогда как Америка, Англия и Франция, как страны с так называемой твердой валютой, стали крупными потребителями икры, при чем они предъявляют совершенно другие требования к ее качеству. Экспорт нашей икры возобновился после блокады к концу 1919 года и началу 1920 года. За этот период до 1923 года было продано за границу однако ничтожное количество икры: зернистой до 1.000 пудов и паюсной несколько тысяч [1], и торговля велась крайне неорганизованно, в виду чего Госрыбпром в Москве решил сосредоточить торговлю икрою в своих руках и заключил в 1923 г. договор с крупною английскою фирмою Cull & C° о реализации через ее посредство 5.000 пудов икры по определенным ценам франко Гамбург при допуске контроля со стороны русского представителя.

На тех же основаниях Госрыбпром намерен наладить экспорт красной (частиковой) икры и частиковой рыбы в страны Ближнего Востока. Одно из основных требований, которое предъявляет в настоящее время заграница (по крайней мере Англия и Америка) — состоит в том, что икра должна быть натуральной, т.-е. без сдабривания антисептиками. Икра может быть пересылаема лишь в изотермических вагонах с охлаждением, как это и было с успехом организовано летом 1923 года Московским Консервтрестом, продавшим вагон зернистой икры непосредственно в Лондон. Паюсная икра гораздо устойчивее, как товар; выдерживает долгое хранение и может быть транспортируема в обыкновенных багажных вагонах. Второе, на что следует обратить внимание, это на пропаганду распространения за границей паюсной икры, которую там мало знают. Для этой цели необходимо знакомить потребителя с продуктом, подобно тому, как это в свое время широко практиковалось, например, в Германии, когда она развивала свое рыболовство в открытом море: читались для этой цели популярные лекции о морских рыбах и широкую публику знакомили с неведомыми дотоле морскими продуктами. Подобная же пропаганда сопровождаемая бесплатной дегустацией, по нашему мнению, должна вестись и по отношению к нашим балыкам, семге и другим гастрономическим товарам, мало или совершенно неизвестным за границей.

Что касается другого сорта икры—красной, или частиковой, то приготовление ее значительно проще и сводится лишь к крутому засолу (до 5-ти фунтов соли на 1 пуд икры) в особых ларях. Так приготовляется так наз. „тарама“ из воблы в смеси с икрой леща и густеры и „галаган“ из икры судака. Красная икра бывает пробойной, т.-е. пробитой через грохотку, но большая часть ее готовится в виде „ястычной“, т.-е. засаливается целыми „ястыками“ (яичниками). Красная икра упаковывается в бочки, выложенные внутри бязью, и прикрывается лавровым листом. Заслуживает упоминания еще один сорт экспортной икры—кефальная, которую засаливают цельными парными „ястыками“, вялят в особых сушильных сараях и для предохранения от порчи обмакивают в расплавленный воск: такая икра особенно высоко ценятся в Греции. Из кеты и горбуши на

[1] Гольдфарб. „Бюлл. Главр.“ 1923 г. № 22.

Дальнем Востоке также добывается особый сорт более гастрономической красной икры, известной под общим названием „кетовой“ икры; такая икра бывает также зернистая и паюсная.

Перечень гастрономических товаров заканчивается вязигой и рыбьим клеем. Первая представляет сушеную спинную струну осетровых пород, освобожденную от внутренней хрящевой массы. Вязига в разваренном состоянии имеет вид прозрачного желтоватого саго и употребляется у нас для начинки пирогов, за границей же из нее делают щегольские бичи и переплеты для канадских лыж.

Рыбий клей приготовляется из плавательного пузыря осетровых, сома и сазана; он идет на приготовление постного желе, но главная масса экспортировалась за границу (преимущественно во Францию), где он употребляется для осветления вина. На крупных промыслах Закавказья выделывается также клей из рыбных отбросов для технических целей.

Упомянем еще о некоторых рыбных продуктах, имеющих техническое применение.

Рыбий жир для медицинских целей вытапливается на Мурмане из печени трески тремя способами: самотеком, водяным и паровым. В водяных жиротопнях жир вытапливается в котле с двойными стенками, между которыми наливается горячая вода, в паровых—„макса“ разогревается прогоняемым по трубам паром; самый примитивный способ самотеком или путем нагноения дает худший сорт. Этот последний способ раньше применялся на Каспийско-Волжских промыслах для получения технического жира из внутренностей рыб, но затем он постепенно вытеснился паровым способом. Новостью в технике приготовления жира из рыб и китообразных животных является изобретение русского инженера Н. П. Казаньевского, которому удалось найти практический способ переработки ворвани в здоровое пищевое масло [1].

Кожа рыб некоторых пород, как, напр., зубатки, с успехом выделывается под сафьян, шероховатая кожа акул Черного моря применяется иногда для шлифовки дерева и, наконец, кожа дальневосточных лососей в сыромятном виде широко используется инородцами Сибири для одежды и других предметов домашнего обихода. Кожа акул у нас до сих пор не выделывалась, но в Соединенных Штатах Америки есть уже заводы, выделывающие из кожи акул и китов сапоги и ботинки.

Чешуя уклеи и некоторых частиковых пород скупалась германскими агентами для экспорта за границу, как материал для выделки искусственного жемчуга. Чешуя пересыпалась борной кислотой и упаковывалась в жестянки, при чем цена ее доходила до 3 рублей фунт и выше. Из 2-х пудов уклеи выходит всего 1 фунт чешуи.

Нам остается еще сказать, что на всех русских крупных рыбных и звериных промыслах остается масса неиспользованных отбросов, которые могли бы дать прекрасный удобрительный тук.

Из перечисленных побочных продуктов рыболовства в настоящее время имеют наибольшее значение рыбий клей как возможный предмет экспорта и рыбий жир, могущий хотя бы отчасти восполнить недостаток жиров для технических надобностей, наблюдаемый во всем мире. Что касается жира и других продуктов звериного промысла, то о них мы уже упомянули выше при описании соответствующих объектов звериного промысла.

---

[1] Из „La vie technique et industrielle“, цитир. по Бюлл. Главрыбы. 1922 г. № 21—22.

ГЛАВА V.

ОРГАНИЗАЦИЯ РЫБНОГО ПРОМЫСЛА В РОССИИ И С.С.С.Р.

Многие рыбные ловли в довоенной России составляли до революции достояние государства, удельного ведомства, различного рода обществ—городских, крестьянских и казачьих, или учреждений—монастырей, церквей, архиерейских домов, наконец—частных лиц.

Государству принадлежали все воды морские, которые по смыслу закона и должны были оставаться в общем и свободном для всех пользовании; равным образом собственностью государства являлись также рыбные ловли в некоторых озерах и реках или отдельных частях тех и других [1].

За право производства рыбного промысла в море казна взимала в некоторых районах особый билетный сбор с рыболовных судов, различный в зависимости от срока, места лова и даже его способа (Каспийское море) или с отдельных снастей или с лодок, обязанных употреблять их лишь в определенном предельном количестве (Аральское море). Прибрежные участки на Балтийском и Каспийском морях сдавались в краткосрочную аренду с торгов. В водах Тихого океана раньше существовало обложение продуктов морского рыболовства попудной пошлиной в размере 5 коп. с пуда. Впоследствии эта система была заменена системой сдачи в аренду рыболовных участков. По Каспийскому морю и Тихому океану сбор с продуктов морского рыболовства выражался несколькими сотнями тысяч (764.895 р. в 1900 г.). Важнейшие ловли Каспийского бассейна (низовья Волги и Куры), сдававшиеся с торгов в аренду частным лицам в виде оброчных статей, давали в 1902 г. 2.023.665 р., что вместе с водами Терской области (43.207 р.), составляло общую сумму 2.066.872 руб. Уделы, монастыри, городские и крестьянские общества также сдавали свои воды в аренду или эксплоатировали их сами. Своеобразная, но самая стройная система равномерного пользования рыбными богатствами была в общинах казаков Кубанских и Уральских, осевших по низовьям рек, предоставленным правительством в их пользу в виде вознаграждения за оказанные государству услуги.

Уральскому казачьему войску было предоставлено рыболовство по всей реке Уралу и в особом морском участе против устья р. Урала (в так называемом Казацком корридоре). По всему Уралу запрещалось всякое судоходство вплоть до переправы через реку на лодке, раскладывания огня по берегам и т. д. Особенная тишина соблюдалась осенью, когда рыба залегала на ямы („ятови“) [1]. Около г. Уральска была устроена грандиозная железная забойка („учуг“), не пропускавшая рыбы дальше вверх. Багрение рыбы у самого учуга и по ямам производилось зимой, при чем начиналось оно по сигналу из пушки: прорубались проруби и через них багрили осетров, белуг и севрюг длинными баграми, о чем уже было сказано выше. По сигналу же из пушки производился лов с тысяч легких лодок („плавня“) плавными сетками и „ярыгами“, при чем рыбаки спускались вниз по реке, проходя каждый день по определенному участку („рубеж“).

Вся эта стройная организация, основанная на обычном праве общины, преследовала возможно полный вылов рыбы и равномерное распределение улова среди всего войскового населения.

Подобное отношение казаков к р. Уралу сложилось исторически, и рыболовное законодательство допускало подобного рода исключение (т.-е. устройство забойки) на том основании, что рыбный промысел являлся для казаков значительной поддержкой, дававшей не только средства к жизни, но и к отбыванию лежавшей на них государственной воинской повинности.

Организации артельного характера более мелкого масштаба, чем казачьи, были довольно широко распространены в довоенное время. Были артели вполне самостоятельные, т.-е. не только производившие добывающий промысел, но и располагавшие собственными орудиями производства и денежными средствами, и артели, зависимые от предпринимателей, снабжавших артель орудиями лова, деньгами и жизненными припасами. Самостоятельные артели разделялись на несколько типов. Иногда это была ассоциация отдельных самостоятельных рыбаков, связанных в одно целое общностью интересов по аренде рыбных угодий, иногда—товарищество, где общий улов делился поровну или пропорционально затратам каждого члена артели, имеющего собственные орудия лова. Наконец, бывали такие товарищества, в которых одному из участников принадлежал невод или лодка, а другие участвовали лишь

[1] И. Кузнецов, цитир. выше.

[1] „Ятовь“—яма.

личным трудом в деле и получали соответственно меньшую долю, или пай от улова и т. п. Последний тип артели был некогда широко распространен на Мурмане под название „покрута".

Некоторые из форм артельной организации сохранились и в настоящее время, при чем сооружение ценных орудий, как, напр., неводов, общими средствами получило особенно большое распространение в связи с необычайной дороговизной сетяной пряжи (пеньки). На крупных водоемах рыбаки объединяются сейчас в местные союзы рыбаков, или вполне самостоятельные, или входящие в состав Всероссийского союза рыбаков (Всекопромрыбсоюз), организовавшегося в Москве в 1923 году. В структуру союзов вводится иногда кооперативное начало, при чем союз снабжает своих членов орудиями производства, хлебом и другими припасами. Местные союзы принимают, к сожалению, иногда нежелательные формы, так как в них развиваются начала кулачества и не всегда в должной мере ограждаются интересы рядового рыбака [1], на что уже обращено внимание со стороны губернских и областных экономических совещаний (Губэкосо и Севзапэкосо).

Что касается крупных промысловых предприятий капиталистического характера, то наиболее оборудованными и благоустроенными из них были астраханские рыбные промыслы в низовьях Волги и по северному побережью Каспийского моря. Эти промыслы лишь частично занимались скупкой рыбы от вольных и подрядных ловцов [2], в большинстве же случаев сами занимались добыванием и обработкой рыбы при помощи наемной рабочей силы [3]. Вполне заслуженную известность по своему первоклассному оборудованию и качеству рыбных товаров получили промысла частных владельцев „Бр. Сапожниковых" в западной части волжской дельты и графини Игнатьевой — в восточной части дельты.

Промысловый сезон делится в Астраханском районе на два главных периода, или „путины" — весеннюю и осеннюю. Во время главной весенней путины на указанные промыслы стекались тысячи рабочих. На промысел подвозились уловы с разных тоней, принадлежавших казне или арендованных у нее. Рыба принималась на рыбоприемный плот, где она подвергалась разделке, промывке и нанизыванию на „чалки" для посола. Солилась рыба в особых лабазах и холодных „выходах", представлявших собою гигантские ледники. В тех и других помещались врытые в землю огромные деревянные чаны, в которых и производился посол разделанной предварительно на плотах, а иногда и цельной (сельдь и вобла) рыбы. Рядом с лабазами помещаются особые вешала, где вялится частиковая рыба; около рыбоприемного плота - икряное отделение, где приготовляется и упаковывается зернистая и паюсная икра, а также „вязижная палатка" для сушки вязиги и рыбьего клея. Далее идут: жиротопня для вытопки технического и медицинского рыбьего жира, а затем целый ряд казарм для рабочих, отдельные домики для высших служащих, дом хозяина или управляющего промыслом, хлебопекарни, кухни, баня, больница, школа для детей рабочих, церковь и, наконец, материальный амбар для склада припасов и орудий лова.

Рабочие нанимались на целую путину за определенную плату на хозяйских харчах. Паек рабочего состоял из 3 ф. ржаного хлеба, определенного количества кирпичного чая и свежей рыбы. Когда хода рыбы не было, рабочим выдавалось ½—1 ф. пшена. Неводные рабочие оплачивались за всю путину по 20—30 руб., женщины 10—20 руб. Средняя заработная плата составляла около 33 коп. в день для мужчины и 29 коп. для женщины. Неводные рабочие (чаще калмыки) оплачивались несколько дороже — по 39 коп. Труд рабочих-киргизов оплачивался ниже. Все оборудование и управление такими крупными промыслами требовало помещения большого капитала: достаточно сказать, что, например, одна администрация на промысле бр. Сапожниковых обходилась в год около 100.000 руб., о ценности же всего громоздкого оборудования (постройки, невода, пароходы и проч. суда и т. д.) можно судить по тому, что в 1917 году одна частная иностранная компания, желая купить этот промысел, предлагала 7½ милл. рублей. При этом учитывалась, конечно, и доходность самого промысла, дававшего в лучшие годы до 400 тыс. руб. чистого дохода. Прекрасно оборудованные промыслы находились также и на р. Куре (бр. Маиловы) и на западном побережье Каспийского моря (бр. Воробьевы). На последнем промысле был, между прочим, устроен один из первых и крупнейших в России холодильников, так назыв. „заморозка", действовавший сжатым воздухом; устройство этой „заморозки" обошлось в 18.000 руб., при чем машины были выписаны из Германии. Фирма бр. Сапожниковых имела также свою „заморозку" в г. Астрахани. Особенно важное значение имели „заморозки" для южных промыслов, но дороговизна их оборудования заставляла до последнего времени владельцев южных промыслов, как, напр., фирму Лианозова, работавшую в персидских водах, обходиться естественным льдом, за которым посылались огромные грузовые пароходы в замерзавшую северную часть Каспия. Так были организованы лучшие русские рыбные промыслы в Каспийско-Волжском районе. Более мелкие промыслы, заброшенные подчас на безлюдный и пустынный восточный берег Каспия, сохраняли в общем те же основные черты устройства, да и неудивительно, ибо самые объекты промысла, методы обработки рыбных товаров, способы рыболовства и т. д., все это было в общих чертах одно и то же, но только производилось в меньшем, так сказать кустарном, масштабе. Конечно, качество товара на мелких промыслах получалось не столь высокое, как на крупных, что и учитывалось рынком, превосходно разбиравшимся в весьма разнообразных марках малосолов, соленых, вяленых и т. п. рыбных товаров.

Заслуживает быть отмеченным еще один вид рыбных промыслов — это так называемые „пловучие промысла", появившиеся в северной части Каспия

---

[1] И. Н. Арнольд. „Очерк рыбол. на Бел. озере". „Изв. Отд. пр. Ихт." 1924 г., вып. V.

[2] Подрядными ловцами называются ловцы, обязанные за известный кредит по определенной заранее (рядной) цене сдавать рыбу на промысла.

[3] Число рабочих доходило на астраханских промыслах до 50.000.

сравнительно недавно, в конце девятидесятых годов XIX столетия, как результат постепенного скатывания рыболовства из рек в море. Такого рода промыслы представляли из себя огромные баржи, на которых помещались и рыбосольные помещения, и ледник, и склад рыболовных принадлежностей, и, наконец, казарма для рабочих (до 40 человек и больше), кухня, хлебопекарня и фельдшерский пункт. Рыба на таких промыслах принималась, главным образом, от вольных или подрядных ловцов, которые промышляли или на бударках, или на более крупных парусных судах, так называемых рыбницах; на таких рыбницах в трюме также помещались лари для посола рыбы (главным образом, красной).

Более примитивно были организованы рыбные промыслы на Мурмане и Дальнем Востоке, где не возводились столь прочные постоянные постройки, а все устраивалось на живую нитку, тем более, что на Мурмане рыба засаливалась в трюмах рыболовных судов, на которых отвозилась в те или другие порты.

Такова была организация рыбных промыслов в довоенное время.

Период мировой войны мало отразился на общем ходе организации нашей рыбопромышленности, если не считать тех новых правительственных организаций, которые возникли в связи с заготовками для русской армии. Так, в Петрограде возникла при отделе заготовок М-ства Продовольствия организация „Заготосель“ (заготовка сельди), заготовлявшая не только каспийскую сельдь, но выписывавшая из Норвегии через посредство Великобритании—огромные партии океанской сельди. Эта сельдь, по условиям военного времени шла не обычным путем, а транзитом через Швецию и Финляндию [1]. Отметим подобную же организацию в г. Пскове, заготовлявшую сушеных снетков на Чудском и Псковском озерах для северо-западного фронта.

Революция резко изменила, а большей частью и вовсе разрушила крупный рыбный промысел, что особенно резко сказалось в Каспийско-Волжском районе, где промысла были временно социализированы. Астраханские ловцы массой двинулись в запретную полосу в самой нижней части устьев Волги, где на зимовку залегает на ямах весь наличный запас производителей крупной частиковой рыбы (сазана, леща, сома и др.) и произвели полный разгром этих ям. В результате запасы указанных рыб резко упали и в течение ряда лет улов их был ничтожен (сазан 1,8 милл. пуд. в 1916 г. и 3,7 милл. пудов в 1917 г. с упал до 0,35 милл. в 1918 году и 0,2 в 1919 г. [2], лещ—с 884 тыс. пудов в 1916 г. и 647 тыс. пудов в 1917 году—упал до 200 тысяч в 1918 году и 52 тыс. пудов в 1919 году и сом—с 230 тыс. пуд.—до 96 тыс. пуд. в 1918 г. и 34 тыс. пуд в 1919 г.

Последствия подобного небывалого разгрома рыбных богатств для некоторых пород рыб имели длительный характер, и, тогда как, например, сазан и лещ в 1923 г. уже несколько восстановились [1], сом и до последнего времени почти отсутствует в астраханских уловах. Подобные же примеры были в указанный период и в других рыболовных районах, при чем местные силы в лице исполкомов были бессильны справиться с разбушевавшейся народной стихией, пока, наконец, по инициативе Главрыбы [2], в Москве стал постепенно, хотя и довольно медленно и не без крупных трений, выкристаллизовываться и восстанавливаться крупный государственный промысел

1918 год может быть отмечен как кульминационный пункт развала государственной рыбопромышленности. В 1919 году в руках государства фактически находилась лишь одна обработка рыбных продуктов. В условиях военного коммунизма, в период ожесточенной гражданской войны и экономической борьбы со спекуляцией в тылу, возникла принудительная, установленная декретом от 20 февраля 1920 г., государственная монополия на производство рыбного промысла в водах Республики [3].

На первых порах своей деятельности Главрыба, конечно, не могла хоть сколько-нибудь удовлетворительно справиться даже с крупнейшими рыбопромышленными районами, несмотря на то, что она располагала всем старым оборудованием промыслов, реквизированных у частных владельцев. Громадным бременем легло на Главрыбу, еще не окрепшую и обладавшую ничтожными материальными средствами, снабжение промыслов новыми орудиями лова и другими предметами промыслового оборудования. Если в этот период важнейшим крупным районам „в порядке ударности“ еще кое-что перепадало, то зато районы менее важные и районы малого рыболовства были предоставлены собственным силам. В то же самое время Главрыба, подобно всем другим главкам Республики, принуждена была категорически запрещать кому бы то ни было производство промысла в рыболовных угодьях Республики. При отсутствии вольного рынка, разрешение на право рыболовства той или иной организации неизбежно влекло за собой требование снабжения этой организации всеми необходимыми для производства промысла предметами, а в них-то Главрыба и испытывала острую нужду [4]. Необходимо заметить, что монополия Главрыбы простиралась также и на всю рыбную торговлю, так что при всех Отделениях Главрыбы (Областрыба, Сибпродком, Заготорыба, Рыбоотделение), были организованы соответствующие торговые аппараты. Но монополия просуществовала недолго (1 год и 3 месяца) и была отменена декретом 31 мая 1921 года—„в целях наибольшего использования местных сил и повышения добычи рыбных продуктов, наилучшего снабжения рыбных промыслов необходимыми орудиями и предметами“. Этим декретом монополия, собственно, не была отменена, а лишь ограничена следующими районами: 1) Волжско-Каспийским, 2) Западно-Каспийским, 3) Уральским (устье Урала и морской участок

[1] Для приемки и браковки этой сельди командировались в порты Финляндии специалисты рыбного дела б. Отдела Рыболовства и Охоты Д-та Земледелия.

[2] В. И. Мейснер. „Рыбн. Хоз.“. Кн. III, Москва, 1923 г.

[1] Другие породы—осетровые и сельдевые, как мы видели выше,—наоборот, оправились за время революции.

[2] Состоявшей при Наркомпроде.

[3] „Наша рыбопром. и ее нужды“. Москва. Гос. Изд. 1921 г.

[4] „Наша рыбопромышленность и ее нужды“.

до 6 саж. бороздины), 4) Ачуевским (устье рукава р. Кубани—Протока с прилежащим участком моря, 5) Керченским и 6) Мурманским (побережье Сев. Лед. океана от государственной границы с Финляндией до мыса св. Носа).

Право эксплоатации рыбных промыслов в районах промысловой добычи рыбы, освобождаемых по указанному декрету от государственной монополии, было предоставлено всякого рода промысловым объединениям и предприятиям и отдельным гражданам на основании арендных договоров, заключаемых ими с местными продовольственными органами, а также правительственным учреждениям и предприятиям.

Рыболовство в непромысловых районах было разрешено без заключения особых договоров повсеместно, кроме заповедных мест, устанавливаемых Главрыбой.

Функции Главрыбы были чрезвычайно разнообразны и обширны и, так как части регулирующая и эксплоатационная не были разделены между собою, а совмещались в одном учреждении, то Главрыбу можно рассматривать, как крупный правительственный трест, вполне самостоятельный как в организационном, так и в хозяйственном и финансовом отношениях. Согласно положению, изданному 23/IX 1921 г., на Главрыбу (Главное Управление по рыбной промышленности и рыболовству) возлагалось: а) организация и эксплоатация рыбных и звериных (морских) промыслов как в районах государственного промысла, указанных выше, так и в прочих водоемах Республики, не сданных в аренду (см. выше); б) принятие мер содействия к развитию рыбного и звериного промыслов и регулированию последних; в) снабжение предметами рыбопромыслового и судоходного снаряжения промысловых предприятий и самостоятельное истребование их у государственных распределительных органов, а также самостоятельное истребование у соответствующих распределительных органов Республики технической одежды и предметов личного потребления для рабочих и ловцов; г) организация и эксплоатация подсобных производств и предприятий по обслуживанию и снабжению промыслов в установленном порядке; д) составление, проведение и исполнение финансовых смет Главрыбы; е) искусственное рыборазведение и акклиматизация объектов рыболовства в промысловых угодьях; ж) организация новых и объединение существующих научно-прикладных учреждений в области промыслового рыболовства и рыбоводства; з) производство статистико-экономических, биологических и других обследований, издание трудов, отчетов, журналов; и) эксплоатация, восстановление, поддержание и развитие промыслового флота и др. промысловых транспортных средств и организация деревянного промыслового судостроения; к) транспортирование всех нужных Главрыбе и ее местным органам материалов и продуктов.

В состав Главрыбы входили следующие отделы: 1) административный, 2) эксплоатационный, 3) технически-строительный, 4) снабжения, 5) материальных заготовок, 6) фондовый, 7) негосударственного рыболовства. Для направления практической рыбопромысловой деятельности в соответствии с выводами науки при Главрыбе состоит научно-промысловое бюро (Научрыббюро).

Насколько широки, всеобъемлющи и детальны были функции Главрыбы, можно видеть хотя бы из одного простого перечня тех подотделов, на которые делился каждый из перечисленных выше отделов: административный отдел—из подотделов: 1) общего, 2) рабсилы, 3) хозяйственного и 4) личного состава; эксплоатационный—из подотделов: 1) промыслового, 2) береговых сооружений, 3) судового, 4) обработки и хранение, 5) уборки и хранения, 6) общего (канцелярии); технически-строительный—из подотделов: 1) железного и деревянного судостроения и судоремонта, 2) береговых и промысловых сооружений и путей, 3) электромеханического и связи и 4) канцелярии и чертежной; отдел снабжения—из: 1) сметно-планового, 2) материально-продуктового, 3) снабжения механическими материалами, 4) льно-пенькового, 5) лесного, 6) агентурно-транспортного; отдел материальных заготовок из подотделов: 1) сметных материалов, 2) снастных материалов, 3) лесопромышленного, 4) металлических изделий, 5) соляного, 6) общего; фондовый отдел—из подотделов: 1) сметного, 2) операционного, 3) материального, 4) инструкторского, 5) сводно-отчетного; отдел негосударственного рыболовства—из подотделов: 1) арендного, 2) инспекторского, 3) потребительского рыболовства, 4) учетного, 5) общего (канцелярского); научрыббюро — из секций: 1) экономической, 2) научно-промысловой и 3) рыбоводства. Секция экономическая из следующих частей: 1) консультационной, 2) экономических обследований, 3) информации и 4) популяризации; секция научно-промысловая—из частей: 1) профессионального образования и 2) научных исследований; секция рыбоводства—из частей: 1) оперативной, 2) технически-хозяйственной и 3) инструкторской. При научрыббюро состоял Ученый Совет.

В районах государственного рыболовства были образованы областные рыбные управления (Облстрыбы); в прочих районах рыболовства промышленностью ведали рыботделы, или подотделы, или отделения соответствующих продовольственных органов, подчиненные руководству Главрыбы.

Наконец, для организации материальных заготовок, реализации нарядов, транспортирования и перевозки грузов в соответствующих районах организовывались представительства Главрыбы.

Необычайно сложный, слишком бюрократический, аппарат Главрыбы был неизбежен при концентрации в одних руках правительственного учреждения всей административной, регулирующей и производственной сторон рыбного дела.

С той огромной, государственной важности, задачей, какая лежала на Главрыбе, она справилась вполне удовлетворительно, уничтожив анархию в рыбном деле, восстановив крупный государственный рыбный промысел, широко организовав научно-промысловые исследования (организация Азовской научно-промысловой экспедиции, работающей непрерывно уже 4 года), поставив на прочные ноги государственное рыбоводство в целом ряде районов (Северо-Западном, Северном, Уфимском, Каспийско-Волжском, Куринском) и, наконец, широко развив издательскую

деятельность (изд. периодического Бюллетеня Главрыбы и целого ряда ценных специальных изданий по рыбному делу и связанных с ним дисциплин).

Как пример крупного государственного треста с довольно стройной организацией,—треста, впервые организовавшего государственный рыбный промысел, Главрыба представляет большой интерес и оставит крупный след в истории русского рыболовства. С момента ее разделения на Центральное Управление Рыболовства и Рыбоводства и Госрыбпром, она перестала именоваться Главрыбой, снята с хозрасчета и переведена на госснабжение. Кроме того, из ведомства Наркомпрода она перешла в 1924 году в Наркомвнуторг, но функции ее двух отделов оставались пока прежними, и попрежнему основной идеей, которую она стремилась проводить в жизнь, является идея единого рыбного хозяйства. Впоследствии (1924 г.) состоялся переход Центрального Управления Рыболовства и Рыбоводства в ведение Народного Комиссариата Земледелия с полным отделением части производственной, в виде так наз. Госрыбсиндиката.

Революция внесла коренное изменение в право пользования всеми рыболовными угодьями в Республике в том смысле, что все воды были изъяты из частного пользования и объявлены собственностью государства. Все водоемы разделены на три категории: 1) воды общегосударственного значения, 2) воды местного значения и 3) непромысловые водоемы.

Бесплатный лов рыбы допускается лишь для целей собственного продовольствия и определенными орудиями, не имеющими промыслового значения (удочка, бредень, саки и т. п.). За право же производства промыслового лова во всех водоемах взимается определенная плата, или в виде билетного сбора, или в виде арендной платы, при чем последняя определяется и взимается инспекцией по рыболовству в водах общегосударственного значения и местными исполкомами — в водах местного значения и непромысловых. Кроме того, на крупных водоемах с каждого рыбака органами Финотдела взимается определенный промысловый налог („патент"). В последнее время, начиная с конца 1923 г., обнаруживается сильная тенденция со стороны местных органов власти (исполкомов) считать воды общегосударственного значения (напр., Псковское озеро, Ильмень, Белое и др.) — водами местного значения, что, конечно, следует признать явлением ненормальным и очень вредным с государственной точки зрения.

К сожалению именно такой процесс переименования большинства наших крупнейших озерных рыболовных угодий в 1925 г. почти завершился.

ГЛАВА VI.

ТОРГОВЛЯ РЫБОЙ И РЫБНЫМИ ПРОДУКТАМИ.

1. Россия и С.С.С.Р.

Рыбная торговля особенно развита и играет более или менее важную роль в экономической жизни стран северного полушария, как наиболее богатого рыбой, в том числе и С.С.С.Р. Значение рыбной торговли еще более рельефно обрисовывается в экономике отдельных провинций, как, например, Бретани во Франции, Финмаркене в Норвегии; у нас на Мурмане, Камчатке, в Астраханском крае, в Олонецком крае, где рыба является эквивалентом хлеба и где она на него, главным образом, и обменивается. Занимая на мировом рыбопромышленном рынке одно из первых мест, С.С.С.Р. далеко уступает многим другим странам по размерам экспорта, ибо подавляющее количество рыбы, промышляемой в ее пределах, идет на внутренние рынки и потребляется широкими массами народа. В связи с этой особенностью советского рыболовства, и торговые кризисы в С.С.С.Р. не дают себя так сильно чувствовать, как в других странах, напр., в Норвегии, которая при сокращении экспорта не знает, куда девать избыток своей рыбы, и испытывает тяжелые экономические потрясения. Об экономическом значении нашего вывоза и ввоза и о значении последнего для питания населения мы уже говорили в I главе, теперь же мы коснемся несколько детальнее торговой стороны дела.

Наш рыбный экспорт, колебавшийся в течение последнего десятилетия до 1914 года в круглых цифрах в пределах $1^1/_2 — 2^1/_2$ милл. пудов в год общею ценностью в 6—9 милл. рублей, базировался, как это уже установилось с 50-х годов XIX стол., на черной икре, ценность которой в некоторые годы составляла до 43 % ценности всех рыбных товаров. Экспортировавшаяся в 1-й половине XIX века в Грецию, Турцию и Италию икра осетровых пород нашла себе со 2-й половины XIX века новые рынки—Германию, Австро-Венгрию, Румынию, Францию и Великобританию; в южные же страны (гл. образом Ближний Восток) вместо черной икры стала вывозиться красная икра („тарама"). Другой рыбный продукт—клей—представлял также важный экспортный товар, при чем вывоз его все возрастал, особенно с 80-х годов; к 1902 году он достиг почти 10.000 пудов, но затем стал падать и к 1912 году спустился до 3.500 пуд., при чем и цена на него, благодаря конкуренции желатины, также значительно понизилась. Особенно сократился вывоз самого ценного клея осетровых пород. Занимавшая некогда также одно из видных мест в отпускной торговле России ворвань потеряла свое значение к концу XIX в. и в девятисотых годах вывозилась лишь в количестве нескольких сот пудов[1]. Из других рыбных товаров наибольшую роль в экспорте играла рыба соленая и копченая, всякая, кроме сельдей (в среднем около 2 милл. пуд. ценностью около 3 милл. руб.), затем рыба свежая (до 270 тыс. пуд. ценностью около 1 милл. руб.), сельди соленые и копченые (около 500 тыс. пуд. ценностью в 110 тыс. руб.) и, наконец, рыба маринованная и консервированная (всего около 14 тыс. пуд. ценностью в 75 тыс. руб.). С 1904 г. можно заметить тенденцию к постепенному увеличению экспорта до 1911 г., после чего еще до войны экспорт стал сильно падать и в 1915 г. вернулся к норме 1900 г. (диагр. 7, стр. 33). Ценность экспорта за тот же период при больших колебаниях все же в общем соответствует количеству вывезенных товаров. Что касается ввоза рыбы, то он в XIX в. все время преобладал над вывозом, при чем особенно заметным стало такое преобладание с 70-х годов, когда ввоз достиг 7 милл. руб. в год при экспорте на $1^1/_2 = 2$ милл. рублей, а затем с 1891 по 1900 г.г. ввоз колеблется по годам между $12^1/_2—15^1/_2—5^1/_2$ милл. руб. В течение следующего десятилетия (1900—1910 г.г.) ввоз достигает 20 милл. пуд. при общей ценности около 30 милл. руб. Рыба ввозилась, главным образом, из Норвегии, Великобритании, Германии, Швеции, Голландии, Персии и Франции, при чем доминировали всегда соленые сельди: норвежская (серебрянка)—более сухая и дешевая—и голландская и шотландская—более жирные и нежные (гастрономические), в среднем за десятилетие 1904—1913 г.г. по 15,3 милл. в год ценностью в 20,4 милл. руб; затем шла треска и сайда около $1^1/_2$ милл. пуд. ценностью около $4^1/_2$ милл. руб., рыба соленая и копченая всякая, кроме сельдей—около 700 тыс. пуд. ценностью в 1 милл. рублей, сардины в масле—около 200 тыс. пуд. ценностью около 2 милл., рыба маринованная и фаршированная всякая (консервы) — около 60 тыс. пуд.,

[1] В 1915 году цифра вывоза рыбьего жира опять дала крупную цифру в 21.442 п., что объясняется, повидимому, „усилением промысла зверей в Сев.-Лед. океане при сотрудничестве союзнических траулеров".

ценностью около 450 тыс., икра (осетровая персидская) около 16 тыс. пуд., ценностью до 500 тыс., рыба свежая тюрбо, соль, форель — до 3 тыс. пуд. ценностью около 55 тыс.; рыбий жир прозрачный (главным образом тресковый медицинский из Норвегии)—до 30 тыс. на 250 тыс. руб. и, наконец, клей рыбий, желатина всякая и проч.—около 5 тыс. пуд. на 150 тыс. руб. За 15-летний период перед войной ввоз и, параллельно, его общая ценность быстро возрастали, и так шло без особых перебоев до 1912 г., когда импорт стал падать, особенно стремительно с 1913 года. Вся привозная рыба доставлялась главным образом в Северо-Западный край через порты Балтийского моря, откуда она расходилась по всей стране; порты же беломорские (Архангельск) и в особенности южные играли в этом отношении незначительную роль.

Ввозимые рыба и рыбные продукты облагались пошлиной в зависимости от сорта товара, при чем Россия взимала пошлину за свежую рыбу, что объясняется высокой гастрономической маркой таких рыб, как тюрбо, соль и форель. Пошлина с течением времени все повышалась и повышалась, как показывает приводимая ниже таблица (см. стр. 34).

В 1900 году пошлины были временно повышены на все вышеперечисленные продукты, за исключением консервов, маринованой рыбы и невыделанных рыбных кож; на 10% была повышена пошлина на выделанные кожи рыб, перламутр и черепаху и на 20% — на рыбий жир, спермацет и ворвань; на все же остальные рыбные продукты пошлина была увеличена на 50%. Эти повышенные ставки вошли и в общий таможенный тариф 1903 г. Беспошлинно пропускались лишь шкуры моржевые, тюленьи и белужьи, а также рыба всякая как свежая, так и приготовленная, доставляемая на русских судах в порты Архангельской губ.; без пошлины же проходила и свежая рыба, привозившаяся на санях в Вилковскую и Измаильскую таможни, Бессарабской губ.

К 1914 г. пошлина на рыбные продукты еще повысилась.

Из сопоставления размеров пошлин 1903 г. и 1914 г.г. мы видим, что в течение 10 лет произошли значительные изменения. Бросается в глаза равномерность повышения пошлины на большинство товаров—в среднем на 50%, независимо от их гастрономической марки; сравнительно малое повышение пошлины на тресковый жир (20%) следует отметить, как пример рациональной таможенной политики, увеличение же пошлины почти на одинаковый % на такой продукт потребления широких масс населения, как сельдь соленая, и, с другой стороны, на доступные лишь состоятельному потребителю сардины в масле,—как пример политики нерациональной.

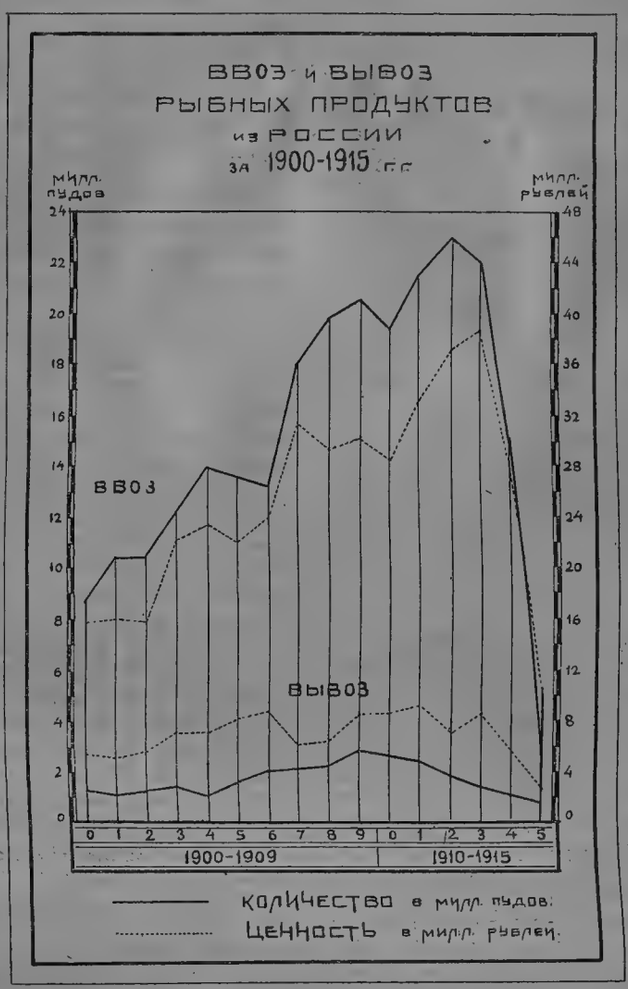


Диаграмма 7.

Столь значительное повышение пошлины на рыбные продукты в течение одного десятилетия было вызвано отчасти общим вздорожанием продуктов животного происхождения, отчасти фискальными соображениями, но некоторые пошлины имели и охранительный характер и были направлены к поддержанию собственного рыбного промысла: такова была пошлина на иностранную, главным образом, норвежскую сельдь, которая настойчиво завоевывала русский рынок отчасти в ущерб каспийской сельди.

Общая сумма таможенного дохода с рыбных продуктов выразилась в 1913 году в 11.528 тыс. руб., что составляло 42% ценности ввозимых рыбных товаров, а в первый год войны — в 1914 г. упала до 6.982 тыс. рублей, т.-е. в два раза против 1913 г. [1].

В послереволюционный период таможенная политика резко изменилась в том смысле, что впервые введена пошлина (действующий таможенный тариф по отпускной торговле утвержден Советом Народных Комиссаров С.С.С.Р. 17-го января 1924 года) на некоторые вывозимые рыбные продукты, за исключением самой рыбы, которая пропускается беспошлинно („рыба всякого рода").

Продукты эти следующие: икра черная и красная и рыбий клей. Размеры вывозной пошлины таковы:

Ст. тарифа 3. Икра: а) черная, полученная из рыб осетровых пород, со 100 килограммов брутто 61 руб.
б) красная, полученная из рыб частик. пород, со 100 килограммов брутто . . . . . 3 „
Ст. тарифа 7. Рыбий клей со 100 килограммов . . 37 „

[1] Эта сумма несколько меньше действительной, ибо она подсчитана только для сельди и сардин в масле.

Таблица движения ввозной пошлины с 1900 по 1923 г.г. [1].

Название рыб и рыбных продуктов.	До 1900 г. с пуда.		1900—1903 гг. с пуда.		1914 г. с пуда.		1924 г. за 100 килогр.
	р.	к.	р.	к.	р.	к.	
Консервы разного рода (сардины и пр.)	5	—	5	—	7	50	122 р.
Свежая рыба: тюрбо, соль, форель	2	40	3	60	6	—	200 „
Всякая другая	—	12	—	18	—	27	6 „
Рыба маринованая в масле и икра	5	—	5	—	7	50	—
Соленая и копченая, кроме сельдей	1	20	1	80	2	70	9 „
Сельди соленые и копченые, треска и всякая другая рыба, сушеная, вяленая	—	27	—	41	—	60, 75	3 „
Устрицы, морские раки, каракатицы и т. д. в разных видах, но не в консервах (герметич. закупоренных сосудах)	2	40	3	60	5	40	305 „
Клей рыбий, желатина	6	—	9	—	13	50	110 „
Ус китовый	2	80	4	20	—	—	26 „
Губка грецкая	2	40	3	60	—	—	—
Ворвань, сало и неочищенный (мутный) жир и спермацет [2]	—	75	—	90	1	35	—
Спермацет очищенный	1	70	2	55	—	—	—
Прозрачный рыбий жир, спермацетовое масло и прочее	2	20	3	30	3	96	—
Кожи рыб: мокросоленые	—	25	—	25	—	—	—
„ „ сухие	—	50	—	50	—	—	—
„ „ выделанные	11	—	12	10	—	—	—
Шкуры морского бобра и выщипанные котиковые шкуры	50	—	75	—	—	—	—
Шкуры котиковые невыщипанные, тюленьи и другие, не употребляемые для личной носки	6	60	9	90	5	40	—
Перламутр и черепаха	3	—	3	30	5	40	за 1 *кг* 12 руб.

[1] Рыба свежая и сушеная, привозимая в каботажных судах в порты Архангельской губ. жителями оной пропускается беспошлинно.

[2] Особое жировое вещество, добываемое из головы кашалота. В голодное время его употребляли вместо масла для жарения, нормально же он шел на мази и косметические препараты.

На ряду с новым таможенным тарифом по отпускной торговле разработан также и новый таможенный тариф на разные ввозимые рыбные товары, при чем в основу его положены следующие принципы:

1) Обложение предметов роскоши (напр., тюрбо, соль, форель, устрицы и проч.), как не имеющих значения в питании широких масс населения, должно быть высоким;

2) Пошлины же на объекты питания пролетариата (сельдь, треска), должны быть минимальными и

3) Рыбные товары, необходимые для нашего рыборазведения (мальки и культурные производители), должны быть пропускаемы в С.С.С.Р. беспошлинно.

Изменение границ, явившееся результатом мировой войны, выдвинуло вопрос о транзитной торговле через пограничные так назыв. лимитрофные страны, образовавшиеся из состава бывшей Российской империи. Особенно важны для нас в этом отношении Латвия и Эстония; мало значителен транзит через Польшу, а через Финляндию имеет значение лишь транзит через Печенгу в Норвегию, урегулированный особой конвенцией от 23-го октября 1922 года.

Особые статьи мирных договоров с Эстонией и Латвией устанавливают в отношении транзита два главные принципа: 1) недопущение транзитных пошлин и 2) транзитно-дорожные тарифы не могут быть выше тарифов местного значения. Как страны, занимающие небольшую территорию и экономически слабые, Эстония и Латвия настолько заинтересованы в привлечении к себе транзитных грузов, что установили даже особый льготный тариф для транзитных перевозок. Так, например, для сельди, по направлению Ревель — Нарва, Эстонией установлен льготный тариф в 8,70 эстонских марок, а обратно — тот же тариф со скидкой 20%; за грузы, отправляемые по одной накладной в количестве меньшем повагонной нормы, ставки повышаются на 25%. Для сельди, ввозимой через Латвию (Либава, Виндава) с 1922 г. установлена ставка по 0,349 золотого сантима за *кг* и 100 *кг*; за каждые следующие 300 *км* прибавляется по 0,2 зол. сантима за 100 *кг*. За грузы, ввозимые из С.С.С.Р. транзитом через Латвию, делается дополнительная скидка в 20% с вышеупомянутых ставок.

Главными рыботорговыми центрами С.С.С.Р. являются: Сталинград, Саратов и Нижний-Новгород на Волге, Ростов-на-Дону, Таганрог и Одесса на Азовском и Черном морях, Архангельск на Белом море, Псков на реке Великой и в последнее время г. Мурманск на Северо-Ледовитом океане; на Дальнем Востоке г. Владивосток. Рыбные грузы транспортируются гужом, по водным путям и по железной дороге, при чем первые два способа для С.С.С.Р. имеют особенно важное значение в виду недостаточного развития ж.-д. сети. По железным дорогам перевозится около 40% всех рыбных грузов, по водным путям — свыше 20%, все же остальное количество (около 40%) расходится в ближайших к местам лова районах или же потребляется непосредственно в крупных портовых центрах (привозная иностранная рыба). Главная масса ж.-д. грузов перевозится дорогами Юго-Восточными, Рязанско-Уральской, Владикавказской, Екатерининской, Юго-Западными и в послед-

нее время—Мурманской; особенно много грузов идет по первым двум дорогам, обслуживающим Каспийско-Волжский бассейн, который снабжает рыбой все центральные губернии, северо-западные и юг и юго-западный край, а также и восточные губернии.

В связи с этим наибольшее количество рыбных грузов, передвигающихся по внутренним водным путям сообщения, падает на Волжский бассейн, где главнейшими пунктами прибытия товаров являются Сталинград (6 милл. пуд.), Нижний-Новгород (1 милл. пуд.) и Саратов (1,3 милл. пуд.). Кроме того по всем морям перевозится малым каботажем около 6,5 милл. пуд. и большим—около 300 тыс. пуд. При сравнительно малом развитии жел.-дор. сети, могучие реки летом и зимние пути способствуют снабжению даже самых отдаленных рынков живою и свежею рыбой: с одной стороны, живую рыбу доставляют по обширным водным путям в особых судах „прорезях", с другой же — мороженая рыба в зимнее время выдерживает такие дальние перевозки, как, напр., с Белого моря до Астрахани и Одессы (навага). Перевозят рыбу и во льду — с низовьев Волги и Дона в Харьков, Москву и особенно в Варшаву (щука) и в Германию (судак), равным образом и в Северо-Западном озерном районе — с Ладожского озера, Ильменя, Псковского и Чудского озер в Ленинград; таким же способом перевозилась на столичные рынки форель из прудовых хозяйств Прибалтийского края. Перевозка рыбы, замороженной в рефрижераторах в холодильных (изотермических) вагонах была крайне слабо развита, главным образом, вследствие большого недостатка на Южных ж. д. в таких вагонах, а также и недостаточной сети промежуточных холодильников на станциях железных дорог — для снабжения льдом вагонов-ледников. Мы уже говорили выше, какие благоприятные перспективы открываются для перевозки искусственно замороженной рыбы по Мурманской жел. дороге и другим магистральным линиям. Несомненно, что перевозка свежей замороженной рыбы должна явиться на смену вынужденной перевозки соленой рыбы. По подсчетам бывш. инспектора рыболовства О. А. Гримма, при посоле рыбы совершенно непроизводительно теряется вместе с рассолом (тузлуком) более 200 тыс. пуд. ценного белка.

Цены на русские рыбные товары подвергаются значительным колебаниям в зависимости от самых разнообразных условий; особенно резки колебания цен на свежую мороженую рыбу, сильно обесцениваемую во время оттепелей. Средние годовые цены также заметно колеблются, но в громадном большинстве случаев наблюдается тенденция к постепенному их повышению как вследствие увеличения спроса на те или иные рыбные товары [1], так и вследствие истощения рыбных запасов во внутренних водоемах. Эта общая тенденция к повышению цен на рыбные товары может быть ясно прослежена за период с 1910 по 1915 г.г., например, на астраханском рынке, согласно приводимой ниже таблице [2].

Название рыб и рыбных продуктов.	Цены в рублях за пуд.											
	1910		1911		1912		1913		1914		1915	
	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.
Белуга	6	20	6	87	8	45	9	—	9	50	8	—
Осетр	8	85	9	90	11	20	11	50	11	—	10	50
Севрюга	5	83	7	—	8	—	8	75	9	—	8	50
Шип	4	75	4	75	5	—	7	—	9	—	9	—
Сельдь	1	41	1	78	1	90	—	—	30	—	20	—
Пузанок	1	30	1	45	1	60	—	—	12		12	—
Вобла	1	30	1	55	2	10	2	—	1	20	1	70
Лещь	2	90	2	35	4	—	3	60	2	20	3	25
Судак	4	84	4	18	7	70	7	70	4	80	4	50
Сом	2	46	3	—	3	50	4	50	3	—	4	20
Щука	2	35	2	85	3		3	—	2	50	2	50
Берш	2	27	2	58	3	—	3	—	—	—	2	50
Минога	3	40	3	80	4	40	4	10	2	50	3	60
Икра белужья	176	—	230	—	200	—	—	—	120	—	120	—
Вязига	60	—	55	—	60	—	—	—	—	—	90	—
Клей	73	50	100	—	100	—	—	—	90	—	100	—
Жир	3	60	4	—	—	—	—	—	3	80	4	50

Для большинства товаров первый год войны — 1914 год—явился переломным, и цены дали довольно резкий скачок вниз, что еще более усилилось в следующем 1915 году. За период времени 1917 —1921 г.г. частная торговля была запрещена, и торговая биржа бездействовала. Рыбные продукты заготовлялись в это время государственными продовольственными органами (продорганами) и поступали бесплатно в общественные столовые, больницы, детские дома и для продовольствия Красной армии. С 1922 года с переменой экономической политики, цены начали вновь устанавливаться, при чем весьма характерной особенностью последних лет (1922—1923 г.г. и первая половина 1924 г.) явилась относительная дешевизна рыбных продуктов по сравнению с ценами на рыболовные сети и вообще все орудия рыбного промысла (диагр. 8, стр. 36). В некоторых районах, напр., Керченском, в довоенное время рыбак, чтобы купить 1 пуд сетной пряжи, должен был продать 10—20 пудов рыбы, а в 1923 году для той же цели он должен был продать 600 пудов, т.-е. в 30 раз больше; и при этом надо еще заметить, что для вылова этих 600 пудов рыбаку не справиться с одним комплектом сетей, следовательно коэффициент 30 приходится еще повысить. Не лучше положение с ценами на рыбу было и на севере: так, напр., в Олонецкой губернии в 1922 году за 1 пуд второсортной пеньки давали 2 пуд. ряпушьей икры, что составляло тогда эквивалент 4-х с лишним пудов

[1] Что находится в связи с давно наблюдаемым во всем мире белковым голодом.

[2] „Сборник стат.-экон. свед. по с. х. С.С.С.Р." Петроград, 1917 г.

хлеба, столь драгоценного в то время в этом крае [1] норма совершенно гиперболическая по масштабам довоенного времени. Особенно бросается в глаза падение цен на осетровую икру, которая весьма вяло спрашивается на внутреннем рынке, и, так как и за границей в 1923 г. наблюдалась тенденция к понижению цен на икру, то временно вывоз ее был запрещен, что повторилось и летом 1925 г.

В течение 1922 и 1923 г.г. оптовые цены на рыбу, хотя непрерывно и возрастали, но все же общая депрессия рыбного рынка продолжалась. Для иллюстрации несоответствия цен на рыбу с ценами на продукты первой необходимости большой интерес представляет приводимая ниже (стр. 37) сводная таблица цен вольного рынка на 15 января 1923 года [2].

В конце 1922 года и в начале 1924 года цены на рыбу медленно нарастали, но вышеуказанная депрессия рыбного рынка все еще сохраняла свою силу. Вообще следует заметить, что рыбные цены представляют собой совершенно своеобразное явление в нашей современной экономической жизни. В то время как цены на все промышленные фабрикаты увеличились по сравнению с довоенным периодом не менее, чем в 3—4 раза, цены на рыбные товары все время отставали от довоенной нормы и только лишь в феврале 1924 года едва достигли в общей сложности довоенной нормы, что находится отчасти в связи с проведением денежной реформы и исчислением цен в рублях и копейках золотом. Вот, например, какие цены были установлены с 8-го марта 1924 г. [2] Московским Отделением Госрыбпрома в его розничных магазинах:

	За фунт.
Вобла	9 коп.
Сазан	16 „
Судак мерный	18 „
Навага (мезенская)	26 „
Сельдь касп. мелк.	13 „
Сельдь „залом“ (крупная)	25 „
	За штуку.
Сельдь копченая	25—30 коп.

[1] И. Н. Арно'льд. „Отчет об исслед. рыбол. на Выгозере“. „Тр. Олон. Научной Эксп.“ 1921 г.

[2] См. „Бюллет. Главрыбы“ 1923 г. № 4.

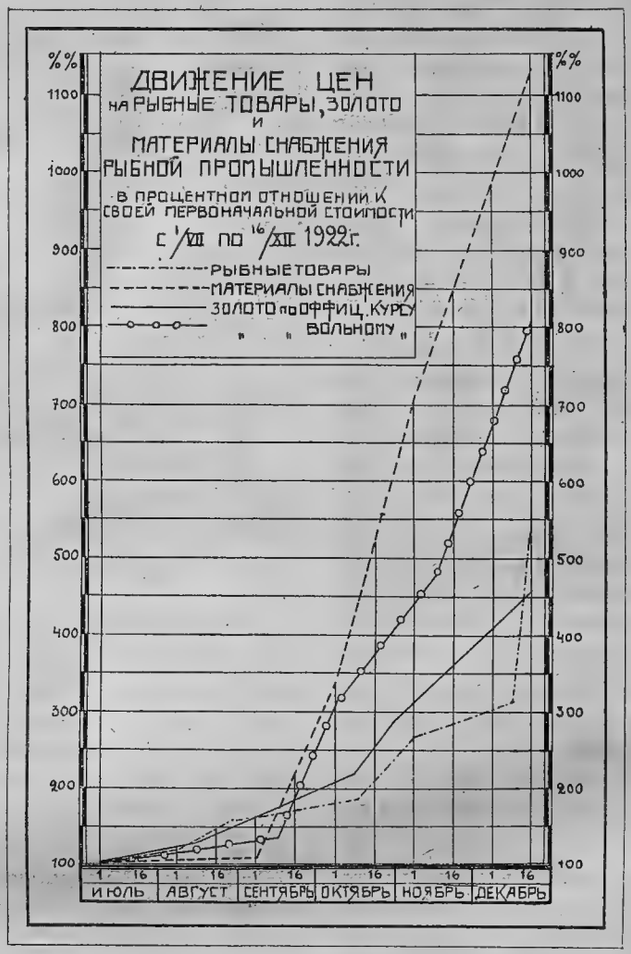


Диаграмма 8.

Вышеуказанное отставание цен на рыбу объясняется исключительно той особой ролью, которую занимают рыбные товары в общем товарном обороте страны: рыбные товары целиком ориентируются на продукты сельского хозяйства, при чем та их часть, которая идет на сельские рынки, равняется по хлебным ценам, то повышаясь, то понижаясь совершенно в унисон с ценами на хлеб, тогда как другая часть рыбных товаров, которая идет на городские рынки, преимущественно в рабочие районы, ориентируется по городским ценам на мясо и другие продукты. Лишь только сравнительно небольшой процент рыбных продуктов, рассчитанный на городского потребителя, как, напр., осетрина и лососина—свободен от влияния сельско-хоз. цен и котируется в зависимости от соотношения между спросом и предложением, поднимаясь подчас до весьма высокого уровня.

Результатом такого положения рыбного рынка и вздорожания предметов снабжения рыбного промысла подчас более, чем в 5 раз против мирного времени, явилось то, что пережитый всеми нашими трестами в области легкой индустрии период накопления капитала прошел для рыбного промысла в обстановке тяжелой борьбы за существование и не оставил ему и тени накопления ценностей, которые могли бы укрепить его баланс.

Рыбопромышленным трестам пришлось приспосабливать экономику рыбного производства к несоответственно низкому уровню цен на готовые фабрикаты, вводя в свои производственные планы определенную калькуляцию себестоимости рыбных товаров с начетом законной прибыли и стараясь по возможности путем насыщения рынков рыбными товарами сохранять господствующее влияние на всех, хотя бы главнейших, рынках. Если, таким образом, задача рыбопромышленных трестов в смысле регулирования цен на внутренних рынках не всегда достигается, благодаря влиянию частных предпринимателей, содействующих анархии цен, то объясняется это исключительно недостатком капитала у трестов, которым должен притти на помощь кредит Госбанка в более широком размере, чем это имело место до последнего времени [1].

[1] „Бюлл. рыбн. хоз.“ 1924 г. № 4—5.

Сводная таблица

цен вольного рынка в денежн. знаках 1923 г. на 15 января 1923 г.

Наименование товара.	Един. измерения.	Москва		Ленинград		Ростов н/Д.	
		руб	к.	руб	к.	руб.	к.
Балык белорыбий	фунт	24	—	25	—	—	—
„ осетровый	„	—	—	15	—	—	—
Икра паюсная	„	28	—	35	—	25	—
Осетрина свежая	„	7	—	11	—	2	50
„ м/сольная	„	—	—	4	—	—	—
Белуга свежая	„	6	—	8	—	—	—
„ м/сольная	„	—	—	4	—	—	—
Сельдь керченская	„	5	—	4	—	—	—
Судак свежий	пуд.	120	—	140	—	—	—
„ м/сольный	„	—	—	64	—	35	40
Сазан свежий	„	112	—	140	—	—	—
„ м/сольный	„	—	—	—	—	35	40
Лещ свежий	„	100	—	112	—	—	—
„ м/сольный	„	—	—	—	—	30	50
Сельдь астраханская	„	90	—	100	—	—	—
„ залом	„	—	—	—	—	79	50
„ п/залом	„	—	—	—	—	71	55
„ рядовая	„	—	—	—	—	65	60
„ мерная	„	—	—	—	—	49	70
„ п/мерная	„	—	—	—	—	39	85
„ пузанок	„	—	—	—	—	37	80
„ норвежская	„	—	—	—	—	—	—
Рожь	„	10	50	13	75	8	50
Пшеница	„	20	—	22	—	14	50
Мука ржаная	„	12	—	15	60	9	—
„ пшеничная 1 сорт	„	46	—	52	—	33	—
„ „ 2 „	„	36	—	—	—	18	50
Сахар (песок) украинск	„	117	—	130	—	135	—
„ загран.	„	113	—	138	—	—	—
Лес пиленый	куб. ф.	4	25	15	23	17	60
„ круглый	„ „	2	—	—	—	—	—
Рогожа 6 × 12	шт.	2	85	—	—	—	—
Железо сортовое	пуд.	17	—	21	—	14	—
„ полосовое	„	—	—	30	—	—	—
„ кровельное	„	45	—	46	—	52	—
Мануфактура							
Ситец 16 вершк.	арш.	3	90	4	30	6	50
Миткаль суровый	„	3	09	4	50	—	—
Бязь суровая	„	4	10	—	—	6	—
Сукно	„	48	—	—	—	—	—
Шевиот светл. 32 вершк.	„	59		—	—	—	—
„ темн.	„	81	—	—	—	—	—
Драп лучший	„	360	—	—	—	—	—
Кожа подошвенная	пуд.	725	—	750	—	850	—
Галоши резиновые	пара	60	—	—	—	—	—
Полушубки овчинные	12 в. шт.	90	—	—	—	—	—
Обувь.							
Сапоги простые	пара	100	—	—	—	150—230	—
„ болотные	„	—	—	—	—	—	—
Ботинки хромовые	„	80	—	—	—	70—80	—
Нефть	пуд.	12	90	15	50	15	—
Керосин	„	23	90	28	70	29	40
Уголь антрацит АП	„	6	05	7	—	4	04
„ каменный ПЖ	„	4	75	—	—	—	—

Нам остается еще в заключение этой главы сказать несколько слов об организации сбыта рыбы и рыбных рынках. Наша рыбная торговля страдает, главным образом, от плохой организации сбыта, вследствие чего цены на потребительском рынке разнятся иногда вдвое или более против покупных цен на местах улова и заготовки рыбных продуктов. Рыба раньше, чем попасть к потребителю, проходит часто через несколько рук разных скупщиков и посредников, и, тогда как в Западной Европе и Америке это явление в значительной мере парализовано организацией аукционной продажи рыбы в специально приспособленных и прекрасно оборудованных центральных рынках-складах (галле), у нас делаются лишь единичные попытки в этом направлении, так, напр., в Петрограде на центральном рыбном рынке на Горсткиной улице производилась до 1917 года аукционная продажа лишь мелких партий рыбы, которые поступали из провинции и Финляндии и сдавались на комиссию здешним крупным посредническим фирмам.

Продажа совершалась в крайне антигигиенических условиях прямо на дворе рыбных складов и на набережной Фонтанки, при чем свежая рыба раскладывалась по сортам в корзинах, а подчас и прямо на каменной мостовой. Отправка свежей рыбы на крупнейшие городские рынки совершалась исключительно во льду без применения замораживания на местах ее лова, что допустимо лишь на коротких расстояниях: вот почему рыба, привозившаяся из отдаленных мест, теряла свой хороший рыночный вид, была с тусклыми глазами, темными жабрами, а подчас издавала уже и неприятный запах. Такую рыбу ловкие торговцы „спасали“ копчением (сиги, жерехи), но, конечно, это было явлением ненормальным. Замечательно, что свежая рыба, доставлявшаяся из Финляндии — расценивалась всегда выше русской только потому, что она была тщательно обернута растительным пергаментом и выгодно отличалась отсутствием неприятной осклизлости, столь свойственной рыбе, перевозимой обычным путем в корзинах со льдом. Американская рыба (лососи), доставлявшаяся в довоенное время на рынки Москвы и Петербурга в замороженном виде, также всегда была аккуратно завернута в пергаментную бумагу.

Нам необходимо, по примеру всех европейских стран организовать в крупных городах аукционную продажу рыбы в особых аукционных галле Zentralmarkthalle [1], устроенных соответственно всем требованиям санитарии. Пол в таких помещениях должен быть асфальтовый и должен ежедневно обильно поливаться водой из шлангов. С одной стороны к рынку подвозят рыбу, с другой стороны проложен рельсовый путь, на котором тут же и происходит погрузка прошедшей через все аукционные операции рыбы; здесь же, помещается и ж.-д. контора, принимающая грузы; вагоны с рыбой два раза в день прицепляются к пассажирским поездам с таким расчетом, чтобы на следующий день рыба поспевала к утреннему рынку в те или

[1] И. Н. Арнольд. „Оптовый рынок живой и свежей рыбы в Петрограде“. „Вестн. Рыбэпр.“ 1916 г. № 7—8.

иные города. Рыбаки сдают рыбу в контору рынка, которая выдает квитанцию и берет на себя всю дальнейшую заботу по продаже рыбы. Часть платы, взимаемой с продавца и покупателя, поступает в пользу города на покрытие расходов по устройству и содержанию рынка и т. д. Сама аукционная продажа практикуется в различных странах различно: в Германии к первоначально объявленной цене на ту или иную партию рыбы делаются надбавки; во Франции, Бельгии и Англии, наоборот, аукционер назначает сначала наивысшую цену и постепенно сбавляет ее, ожидая заявлений торговцев о согласии купить тот или другой товар [1].

Наиболее замечательные подобного рода центральные рынки находятся в Париже, Сабль д'Олонне, Юмуйдене, Брюсселе, Гамбурге, Лондоне, Куксгафене, Геестемюнде, Марселе. У нас наиболее подходящими пунктами для устройства центральных рыбных рынков явились бы Ленинград, Москва, Одесса, Керчь, Таганрог, Баку, Астрахань, Владивосток. Принимая, однако, во внимание дороговизну устройства и оборудования подобных рынков, можно ограничиться на первых порах приведением наших существующих рыбных рынков в больший порядок и более санитарное состояние путем асфальтирования пола и обильного снабжения водопроводной водой. Устройство центральных рынков не должно, конечно, исключать и вольной продажи рыбы рыбаками непосредственно с лодок, как это имеет место, например, в Пскове, Ленинграде, по городам Кавказского и Крымского побережья. Равным образом должны быть восстановлены и живорыбные садки, тип которых у нас выработан долголетней практикой и, надо отдать справедливость, достиг большого технического совершенства. Отметим в заключение устройство рыбоприемного плота на Фонтанке муниципалитетом довоенного Петербурга. Такой плот, устроенный по инициативе бывш. Российского Общества Рыболовства и Рыбоводства, имел благую цель приблизить рыбака непосредственно к потребителю, минуя всю армию перекупщиков и посредников. Устройство подобных плотов желательно и в настоящее время.

В дальнейшем изложении мы остановимся вкратце на состоянии рыбного промысла и эволюции торговли рыбой за последние годы в главнейших странах ее добычи и потребления.

2. Норвегия.

Вызванный войной и революцией кризис рыбной промышленности не ограничился только С.С.С.Р., но глубоко затронул и другие страны, и притом не только участвовавшие в мировой войне, но даже и нейтральные.

В Немецком море, сделавшемся ареной морской войны, прекратилось почти всякое рыболовство. В результате этого, по истечении нескольких лет, когда после заключения Версальского мира, рыболовство стало возобновляться, по отношению к некоторым породам рыб, как, например, камбале обнаружилось то же интересное явление запуска, какое наблюдалось и в Каспийском море по отношению к осетровым породам и астраханской сельди. В уловах увеличилось количество крупных экземпляров, в то же время темп роста рыб замедлился, благодаря чрезмерному размножению и несоответствию между наличными запасами естественного корма и чрезмерным количеством рыбьей молоди.

Из всех северных стран в наиболее благоприятном положении оказались Норвегия, Швеция, отчасти Дания. Норвегия сохранила свои рыболовные угодья в океане и, запродавая почти весь свой улов Великобритании и отчасти С.С.С.Р. (для последней сельдь во время войны 1914—1917 г. г. шла транзитом через Швецию и Финляндию) по дорогим ценам, сильно обогатилась. В 1917 году улов Норвегии таксируется в 135.179.214 крон, а считая вместе со звериным промыслом у исландских берегов (41.652.000 крон)—общей цифрой 176.831.214 крон. Однако с течением времени норвежский рыбный рынок вступил в полосу длительного кризиса, и экспорт начал падать. Так, например, экспорт сушеной и соленой рыбы в 1920 году определялся в 37.700 тыс. килогр., а в 1921 году он упал уже до 27.500 тыс. килограммов, тогда как в 1914—16 г.г. он составлял 56.700 тыс., 46.700 тыс. и 34.700 тыс., а в довоенное время (1913 г.) был значительно выше. В 1921 году рыболовство Норвегии переживало трудное время из-за падения цен на рыбу, за отсутствием сбыта рыбы в С.С.С.Р. и уменьшения улова против 1920 года. Образовавшиеся большие остатки не проданной за предыдущие годы соленой сельди были причиной значительного сокращения посола. Рыбопромышленники понесли убытки. Промысел настолько себя не оправдывал, что рыбаки не в состоянии были даже платить страховые взносы за страховку своих судов и многие из них получали пособие на дорожные расходы домой. В 1921 году обанкротилось около 950 рыбопромышленных фирм. Более 20-ти банков, преимущественно мелких, принуждены были приостановить платежи, и, если им не удавалось получить требуемой финансовой поддержки, вынуждены были ликвидироваться.

Хотя цены на рыбные продукты из года в год имели тенденцию к понижению и приблизились в 1921 году к довоенным, но такое падение не сопровождалось соответственным падением цен на предметы рыбацкого потребления и оборудования, которые вздорожали в 4—5 раз. Дело дошло даже до государственной субсидии рыбопромышленности. Так, государство приняло на себя частичные фрахтовые расходы на сумму 5 милл. крон, затем ассигновало в виде пособия 2,3 милл. крон на орудия рыболовства и 1 милл. крон по случаю крупных потерь орудий лова в марте 1920 года. Кроме того, для Финмаркена было ассигновано 1,7 милл. крон на закупку рыбы весеннего и летнего лова и большие суммы на общественные работы по случаю тяжелого экономического положения в этой провинции.

В числе целого ряда причин, вызвавших кризис рыбопромышленности в Норвегии, известную роль сыграл также конфликт с Францией и особенно с Испанией из-за изданного в Норвегии закона, воспрещающего употребление спиртных напитков. По

[1] И. Н. Арнольд. „Рыбная торговля". „Энцикл. Русск. С. Х". Изд. Девриена. СПБ.

настоянию Франции Норвегия, боясь экономического бойкота с ее стороны, разрешила ввозить ежегодно около 200 тыс. литров французских вин, которые легко распродавались по разрешениям врачей. С Испанией конфликт оказалось труднее уладить; а между тем Норвегия ежегодно ввозила туда трески на 30 милл. крон. В ответ на запрещение Норвегии ввозить вино, Испания наложила запретительную пошлину на норвежскую треску и кроме того обложила норвежские суда такими портовыми сборами, что они почти совершенно перестали заходить в испанские гавани.

Под давлением общественного мнения норвежское правительство заключило с Испанией временное соглашение, срок коего истек в мае 1923 года, после чего опять начались переговоры, в результате которых Испания поставила Норвегии ультиматум: она соглашалась разрешить беспрепятственный ввоз в Испанию норвержской трески и предоставить норвежским судам в своих портах те же права, что и другим странам, но при том непременном условии, что Испании будет предоставлено право ввозить в Норвегию до 300 тыс. литров крепкого вина ежегодно. Конфликт принял затяжной характер и повел за собою даже отставку норвежского министра иностранных дел Рейнада.

Отметим еще один момент, повлиявший на кризис норвежской рыбопромышленности—это постановление Нью-Иоркского Сената о повышении пошлины на норвежскую рыбу и консервы. Консервное дело расцвело в Норвегии особенно за время мировой войны, и сейчас в Норвегии насчитывается около 200 консервных заводов. Экспорт норвежских консервов таксировался в 1917 году—в 63,5 милл. крон. Поэтому только что упомянутое постановление Нью-Иоркского Сената не могло не нанести норвежской консервной промышленности тяжелого удара.

Главная причина кризиса норвежской рыбопромышленности заключалась, по мнению директора рыболовства проф. Иорта, в сокращении спроса на рынке С.С.С.Р., который имеет главное значение в отношении соленых сельдей и финмаркенской трески, а также по причине разрыва с латинскими странами (Испания и Португалия). Эти страны за время, пока они были отрезаны от ввоза из Норвегии, развили свое собственное морское рыболовство (Испания в годы 1912—1920 подняла свой улов с 134.000 тонн до 400.000 тонн; Португалия с 1914—1918 г.г. по ценности с 6 до 20 милл. эскудо (50 копеек)[1].

Отсутствие С.С.С.Р. на норвежском рынке (в 1922—1923 г.г. ввозились по случаю голода и по частным ходатайствам трестов, напр., кожевенного и др., лишь небольшие партии соленой норвежской сельди, не превышавшие в общем 2 милл. пудов в год), вызвало среди экспортеров большую тревогу, результатом чего явилось падение цен на свежую и соленую сельдь (на 2—3 кроны дешевле за бочку в 1923 г. по сравнению с 1922 г.). Указанный кризис вызвал некоторую реорганизацию рыбопромышленности в Норвегии. Рыбопромышленники поняли, что субсидии государства и гарантированные минимальные цены не могут в течение долгого времени служить основой для рыбного промысла и что лов рыбы оправдывает себя только высокими ценами на рыбные продукты, которые можно сделать устойчивыми, поставив на должную высоту вопросы финансирования и упорядочения экспорта[1]. С этой целью организуется рыбацкий государственный банк с капиталом в 7.550.000 крон. Банк выдает ссуды на покупку судов и моторов, а также и для постройки ледников или переработки рыбных продуктов объединениям рыбаков для приобретения рыболовных орудий, снаряжения и пр. Норвежцы на этом не остановились, а принялись за систематическое научное исследование моря и его промысловых объектов,—подвергают всесторонней переоценке технику добывающего и обрабатывающего промысла, а также широко разрабатывают вопросы о придании рыбным продуктам высоких экспортных качеств для завоевания новых внешних рынков. Пример Норвегии для нас имеет огромное поучительное значение, если принять во внимание слабое развитие у нас научно-промысловых обследований рыбных водоемов, отсталую технику добывающего и обрабатывающего промысла и примитивную заготовку экспортного товара. Норвежские опыты в этом направлении могут дать и для нас много полезного, хорошего и выгодного. Но какие меры ни принимали бы норвежцы, вряд ли им удастся изжить окончательно теперешний кризис без возобновления нормального экспорта в С.С.С.Р. сельди и трески. Пока мы еще не окрепли и не развили нашего морского сельдяного дела на Белом море и на Дальнем Востоке, мы не можем обойтись без дешевой норвежской океанской сельди как продукта потребления широких народных масс. Наша астраханская сельдь (главным образом, каспийский пузанок) не покрывает всей потребности населения, да и обходится в среднем дороже, чем норвежская[2], а именно 1 руб. 47 коп. против 1 руб. 37 коп. за пуд; кроме того, по своим вкусовым качествам каспийский пузанок ниже иностранной сельди, что отчасти объясняется примитивностью его посола.

3. Великобритания.

Занимая первое место в мире по количеству добываемой рыбы, Великобритания все же была заинтересована во ввозе норвежской свежей рыбы (макрель и лососина). Большое количество соленой сельди она вывозила в Россию и Германию. Не довольствуясь своими собственными рыболовными угодьями (Доггербанк и др.), Англия широко использовала свой лучший в мире траловый флот, направляя его в воды других стран—Норвегии (Финмаркен), Дании (Исландия) и С.С.С.Р., при чем, — по крайней мере, в отношении последнего,—ею не всегда соблюдалась неприкосновенность вод территориаль-

[1] Испания обладает 1.550 траулерами, 29.000 паруси. рыболови. судами; число рыбаков—120.000 (1923 г.).

[1] А. Потяев. „Кризис норвежских рыбопромыслов". „Бюллетень Главрыбы" 1922 г. № 2.

[2] К. Киселевич. „Касп. волжская сельдь". „Тр. Астрах. Научно-Пром. Экспед". Петроград, 1918.

ной зоны [1]. Недостаток рыбы [2] собственного улова во время мировой войны частично компенсировался закупкой больших партий рыбы в Норвегии, где, например, в 1915—1916 г.г. закупался весь годовой улов рыбы вперед, при чем значительная часть его переуступалась союзной России.

О количестве ввозимой рыбы в начале войны данных нет, но в конце ее, в 1917 г. оно было не многим меньше, чем в 1913 г., а именно 167.000 тонн против 184.000; кроме того, Северо-Американские Соединенные Штаты снабжали Великобританию своими консервами. Сельдяная промышленность, основанная на торговле с Германией и Россией, которые поглощали 80% всего производства, была разорена. Цены на рыбу в период войны были дорогие, и спрос на нее далеко превышал предложение. О дороговизне цен на рыбу можно судить по ценности всего ввоза: стоимость большего количества 184.000 тонн в 1913 году таксировалась почти в два раза меньше (4.887.000 фунт. стерл.), чем стоимость 167.000 тонн в 1917 году, которые оценивались 9.083.000 фунтов стерл.

В послевоенное время конъюнктура резко изменилась. По данным за 1921 год траловый промысел очутился в в сьма тяжелых условиях по причине невероятно высоких цен на уголь „бункер", угольной забастовки (длившейся 3 летних месяца), дороговизны рабочих рук и высоких железнодорожных фрахтов. Правительство продало много судов по дешевым ценам на условиях долгосрочного кредита, а это повлекло за собою усиление ввоза к большому вреду собственного тралового промысла, который понес большие убытки. Большое количество свежей рыбы было доставлено датскими, голландскими и даже немецкими траулерами, и цена на рыбу была низкая в течение всего 1921 года. Расходы на 4-недельный рейс к Исландии составляли 800 фун. стерл., тогда как добыча реализировалась всего лишь в 400 фунтов, что даже не покрывало расходов на уголь. Кризис тралового лова заставил англичан обратить внимание на новое орудие—датский затяжной невод (Snurrewad), которым ловить рыбу много дешевле, чем тралом, и для которого нужны боты меньшего и более мелкого типа, чем обыкновенный траловый бот. Цена на рыбу падала, начиная с 1919 года, когда она в среднем равнялась 35 шилл. 10½ пенсам за центнер [3], в 1920 году—29 ш. 1½ п., и наконец в 1921 году—28 ш. 7½ п. Необходимо отметить, что в общем иностранные суда составляли все же слабую конкуренцию английским, которые быстро реорганизовали свои орудия и перешли на лов датскими неводами (Seine net и др.). Таким образом, процент привоза иностранной рыбы составил в 1921 г. всего лишь 3%, а стоимость — 4%. Кризис захватил также и сельдяной промысел у берегов Шотландии и Англии; низкая цена на сельдь-сырец сделала сельдяной промысел в Шотландии убыточным настолько, что среди британских рыболовов складывается мнение в пользу восстановления парусного флота и применения плавных сетей, как требующих меньших расходов по содержанию [1].

1922 год характеризуется меньшей устойчивостью рыбопромышленности по сравнению с 1921 годом. Несмотря на понижение цен на уголь и рабочие руки, прибыль не увеличилась, так как цена на рыбу, выгруженную британскими судами в портах Англии и Уэльса, равнялась в 1922 г. 22 шил. 8¾ пенсам за центнер (против 27 шил. в 1921 г.). Вообще промышленность Великобритании постепенно восстанавливается и обещает достичь своего былого могущества. Интересно отметить, что за последние 15—16 лет, исключая период войны, среднее душевое потребление рыбы в Англии определяется 40 ф. в год [2], т.-е. почти вдвое больше чем в С.С.С.Р

4. Германия.

Треска наравне с сельдями является самой ходкой рыбой и продуктом потребления рабочих масс в Германии.

Германия, блокированная во время войны со всех сторон, потеряла все свои морские рыбные промыслы; равным образом прекратился и ввоз в нее рыбы. Единственной отдушиной для нее в этом отношении была Швеция, которая направила туда все свои избытки рыбы,—главным образом, сельдей. Швеция хорошо заработала на этом экспорте; шведские рыбаки обогатились и обзавелись моторными судами и хорошим сетным снаряжением. Обладая значительным количеством внутренних водоемов (озер и рек), Германия вынуждена была во время войны усилить до крайней степени их эксплоатацию, что, несомненно, должно было отразиться неблагоприятно на рыбных запасах.

Несмотря на то, что три сравнительно крупных района рыболовства: Данциг, Мемель и часть Северной Силезии отошли в 1921 г. от Германии к Польше и что снабжение траулеров углем „бункером" было недостаточно, все же улов рыбы в количественном отношении в 1921 г. достиг почти нормы довоенного времени (1913 г.):

Сорта рыбы.	Количество в (1.000 килограммов)		
	1913 г.	1920 г.	1921 г.
Свежая рыба	122.432	172.236	158.674
Раки и моллюски	4.133	4.165	2.668
Продукты морских животных	57.335	26.070	20.635

Главнейшим рыболовным районом Германии являются северные воды, Балтийское же побережье дает сравнительно мало: 80% всего улова приходится на долю первого и 20%—на долю второго. По сортам рыбы, промышляемые в северных водах (в Немецком и в Северо-Ледовитом океане), распределяются следующим образом:

[1] Грешили в этом отношении и другие страны— Норвегия, Голландия и даже Бельгия.

[2] В 1917 г. собственный улов Великобритании дал всего лишь 385.116 тонн против 1.204 343 т. в 1913 г., т.-е. сократился втрое („Бюлл. Главрыбы", 1922 № 11---12).

[3] Шиллинг составляет 1/20 англ. фунта; это — серебр. монета в 12 пенсов=45 копейкам.

[1] „Бюллетень Главрыбы" 1922 г. № 38—40.

[2] „Бюллетень Главрыбы" 1923 г. № 10.

Сорта рыбы.	(Количество в 1.000 килограммов). 1913 г.	1920 г.	1921 г.
Пикша	22.023	52.105	32.108
Треска	29.871	30.640	28.792
Сайда	9.671	10.556	8.888
Сельдь	3.965	9.704	20.909
Камбала	3.613	6.634	4.297
Остальные рыбы	18.171	24.634	31.869

Таким образом, улов пикши, этой излюбленной пищи широких масс населения Германии, хотя и понизился по сравнению с 1920 г., но все же превышал улов довоенного времени. Улов сельди значительно увеличился; улов остальных видов рыбы колебался.

О конъюнктуре рыбного рынка можно судить по следующей интересной табличке [1].

Рост цен на важнейшие сорта рыбы.

Сорта рыбы.	Цена за 1 килогр. в зол. марках. 1913 г.	1920 г.	1921 г.
Треска	0,29	2,96	3,32
Сельдь	0,02	3,29	3,14
Камбала	0,17	2,30	2,23
Навага	0,21	2,85	2,44
Ряпушка	0,06	0,11	0,51
Угорь	1,52	16,82	17,77
Плотва	0,36	3,04	3,19
Окунь	0,64	4,94	5,70
Судак	1,27	9,72	11,26

В 1923 году, благодаря высоким ценам на мясо, наблюдался большой спрос на рыбу, но цены на нее не повысились, в виду большого привоза. Привоз морской рыбы значительно увеличился, что объясняется временным закрытием английских рынков для германских пароходов, груженых рыбой. Оживлению рыбного рынка способствовал привоз 34.280 центнеров свежих сельдей из Норвегии, превышающий в 3 раза привоз морской рыбы собственными траулерами.

Перебой германскаго рыбного рынка в 1923 году особенно усилился с момента забастовки в мае, объявленной союзом капитанов и штурманов траулеров и ценральным союзом машинистов и кочегаров и германским союзом транспортных рабочих (водников) по поводу изменения коллективного договора с судовладельцами.

По окончании забастовки (в августе) траулеры возобновили промысел в Северном море и у берегов Исландии. Часть улова реализировалась в виду падения курса германской марки в Англии и Голландии. Подвоз к германским портам был крайне нерегулярен и вызывал большие колебания цен. К концу 1923 года промысел траулеров оживился и подвоз морской рыбы усилился.

Весьма интересна и поучительна история возрождения германского рыболовного флота [2].

В 1914 году в Германии насчитывалось 263 паровых рыболовных судна и 254 судна, специально оборудованных для ловли сельдей. Весь улов определялся в 169 милл. килограммов. Во время войны большинство рыболовных судов было реквизировано для военных надобностей. Ко времени перемирия из всех этих судов уцелело лишь 99.

К 1923 году рыболовный флот возродился настолько, что насчитывал уже 380 судов, при чем правительство оказало финансовую поддержку владельцам судов. Флотилия для ловли сельдей находится в менее блестящих условиях, не получая правительственной поддержки. В 1913 году она насчитывала 254 судна, а к 1923 г.—только 180; большинство из них снабжено моторами. Нам остается в заключение указать на то, что в 1924 году (первая половина) рыбный рынок в Германии, вследствие появления рентной и золотой марки и стабилизации валюты, принял более устойчивое положение. Оживился ввоз сельди из Норвегии, Швеции и Великобритании, свежей морской рыбы—из Дании. Германские траулеры частично продолжают реализировать свои уловы на иностранных рынках, чтобы получить уголь или валюту. Большая часть рыбы доставляется траулерами все же в германские порты в виду огромного спроса на сырье со стороны коптильных заведений и особенно—консервных заводов.

5. Франция.

До войны Франция пользовалась морской рыбой собственного улова у Ньюфаундлэнда, Исландии затем в Немецком море, Бискайском заливе и в Средиземном море. Пресноводное рыболовство имеет во Франции ничтожное значение. Своей морской рыбы, однако, не хватало, и из Норвегии ввозилось много трески и тресковой икры (последняя шла для приманки сардин).

Франция экспортировала значительное количество жестяночных консервов, главным образом, сардин в масле и других деликатесов. В 1914 г. Франция обладала 26.688 рыболовными судами, из которых 347 были паровые. В 1923 г. общее число судов уменьшилось (23.500), но количество паровых увеличилось [1]. Моторные суда получают все большее и большее распространение, хотя все же Франция в этом отношении сильно отстала даже по сравнению с Шотландией, ибо в конце 1922 г. она имела всего лишь 749 моторных судов против 2.020—в Шотландии. Ловля трески понизилась за время войны, но зато лов остальной морской рыбы сильно развился в последние годы, при чем промысел из прибрежной зоны переместился далеко в открытый океан — к западу от Уэссана, Ирландии и Шотландии, где вылавливались сельди при помощи огромных плавных сетей, длиною в 6—7 километр., а также и макрель. Порты увеличились и улучшились, но все же уступают образцовым портам Гримзби (Великобритания) и Геестемюнде (Германия).

Потребление рыбы крайне слабо распространяется внутрь Франции; оно приблизительно в 6 раз меньше, чем в Англии и душевое потребление в Лондоне в 40 раз больше, чем в Париже. Это объясняется предрассудком, будто рыба непитательна, вследствие чего на нее смотрят только как на до-

[1] „Бюллетень Главрыбы", 1922 г. № 17—18.
„Бюллетень Главрыбы", 1923 г № 23

[1] Вероятно за счет германских, отошедших к Франции по Версальскому договору.

бавочную пищу. Второй причиной является плохая организация доставки рыбы из морских портов внутрь страны. Цены на рыбу сильно колеблются, что отрицательно действует на покупателя. В деревне рыба почти отсутствует[1]. Цены рыбных товаров в Париже 11 апреля 1923 г. держались следующие во франках за кило: камбала 4,11—9, треска 1—2, палтус 2—3,50, угорь 2—4, осетр 8—10, сельдь заграничная 1—2,50, макрель 2,50—3, скат 1—2, сардины свежие (за сотню) 20—50; тюрбо 7—11; омары живые 12—20, снулые 10—12, креветки 2—3, мидии за 100 кило 50—60, устрицы (за сотню) 35—85, устрицы португальские 12—22.

Пресноводные: железница (пресноводная сельдь) 4,50—6, угорь 10—14, лещ 1.50—4, щука 10—11, карп 3—4, раки крупные (за сотню) 100—140, средние 70—80, мелкие 30—50, корюшка 3—5, плотва французская 2,50—4,50, заграничная 1,50—2,50, окунь 2,50—4, лосось 28—32, линь 4—6, форель 22—32. Подробный перечень объектов парижского рыбного рынка показывает, что целый ряд наших рыб, как, напр., осетрина, щука, окунь, лещ, плотва, а также наши мурманские креветки могли бы при соответствующей организации найти сбыт во Франции. Заслуживает большого внимания попытка французов сдвинуть с мертвой точки свое рыболовство, закосневшее в старых формах и не дающее государству того, к чему оно призвано, т.-е. сделать морскую рыбу повседневным питанием французов не только по побережью, как это было до последнего времени, но и внутри страны. С этою целью с 8 по 16 сентября 1923 года в одном из лучших портов—Булонь Сюр-Мер—была устроена рыбная неделя, программа которой заключала в себе ряд специальных докладов, выставку рыболовства, кино-сеансы, демонстрацию лова наиболее усовершенствованными орудиями, состязание моторных судов и т. п. Успех рыбной недели был полный и вызвал громадный наплыв приезжих французских и иностранных представителей власти, науки, торговли и промышленности[2].

Французский устричный промысел претерпевает за последние три года большой кризис в виду эпидемии, почти уничтожившей устриц в устричных парках. Для восстановления этой крупной промышленности придется в течение трех лет пользоваться посадочным материалом устриц из Голландии по примеру 1852 г., когда устрицы, благодаря бесконтрольной эксплоатации, подверглись почти полному истреблению[3].

Интересно в заключение отметить попытку французских промышленников организовать консервное дело в колониях: на юго-западе острова Мадагаскара после предварительных весьма удачных опытов промышленного лова лангустов и приготовления из них консервов, организуется предприятие с ежедневной продукцией от 1.200—1.500 жестянок[4].

[1] „Бюллетень Главрыбы", 1923 г. № 17.
[2] „Бюллетень Главрыбы", № 19.
[3] „Бюллетень Главрыбы", 1923 г. № 22.
[4] „Бюллетень Главрыбы", 1923 г. № 17.

6. Голландия.

Эта маленькая страна выступала на мировом рыбном рынке со своими солеными сельдями и сушеной треской, заготовлявшейся ею специально для рейнских католических провинций. Уловы сельди за последние 10 лет были подвержены сильным колебаниям, спустившись в 1917 году до 2.005 бочек и поднявшись до наивысшей цифры – 887.296 бочек—в 1919 году[1]. За последние 3 года до 1923 года включительно средний годовой улов был около 300.000 бочек. Уменьшение улова за последнее трехлетие приписывают неблагоприятным условиям для жизни сельдей, благодаря большому напору Гольфштрема. Парусный флот за 10 лет почти совершенно вытеснен паровым и моторным. Вторым моментом в деле преобразования голландского рыболовства является сильное распространение датского невода, оказавшегося необычайно удобным и прибыльным орудием.

Паровые траулеры (которых здесь сейчас 127) сдают свои уловы преимущественно в голландских портах, но некоторые находят для себя выгоднее сдавать все свои уловы в Англии. Параллельно с этим, в портах Голландии сдают свою рыбу часть германских траулеров, что объясняется нуждой их в валюте для покупки угля.

7. Дания.

Дания обладает довольно большим количеством рыболовных судов, улов которых далеко превосходит потребности собственного рыбного рынка. Избыток уловов экспортируется в Великобританию и Германию. Объектами промысла являются: пикша, треска, камбала, сельди и угорь. Средний улов за последнее десятилетие составлял 65,5 милл. килограммов в год. Число профессиональных рыбаков в 1920 году было 20.308. Рыболовных судов и ботов было 16.460; моторами снабжено 4.869 судов.

Большой интерес представляет датская организация рыбной торговли. Здесь существуют кооперативно-экспортные общества (товарищества по сбыту), целью которых является обеспечить сбыт внутри страны и за границей в возможно лучших условиях. Товарищества образуют капитал не путем отчисления прибылей, а путем членских взносов и займов. Общества объединены в один общий союз, стремящийся создать более прочные условия для рыбной торговли и избежать большого падения цен при массовых уловах, что достигается путем регулярного телеграфного, телефонного и почтового осведомления кооперативов о положении внутреннего и заграничного рыбных рынков. Рыбаки сорганизованы в крупный „Датский рыбацкий закупочный союз", владеющий крупным капиталом, образовавшимся из членских взносов и путем займа у государства 500.000 крон из 4% сроком на 25 лет.

8. Северо-Американские Соединенные Штаты.

С начала мировой войны Северо-Американские Соединенные Штаты явились крупным поставщиком

[1] С. Аверинцев: „Заграничные рыбные промыслы" „Бюллетень Рыбного Хозяйства". 1924 г. № 6—7.

стран Антанты [1], при чем широко развили консервное производство. На ряду с давно известными классическими консервами из лососины Salmon S eak появился новый объект консервного производства — сардины в масле [2], продукция которых в 1920 г. выразилась в 923.190 ящиков по 48 фунтов. Кроме того американцы стали по примеру японцев консервировать много тунца Thon a l'huile (735.000 ящиков по 48 фунтов в 1920 г.).

За время войны консервирование лососины (кеты, горбуши и др.) по всему берегу Аляски и на берегу Тихого океана настолько усилилось, что наступил сильный перелов лососевых пород, вызвавший ряд охранительных мер.

О грандиозности масштаба консервного производства лососины (горбуша, кета, чавыча, кизуч и красная) в Северо-Американских Соединенных Штатах можно судить по следующей табличке [3]:

Количество 48-фунтовых ящиков лососевых консервов:

1913 г.	8.003.915	1917 г.	10.223.022
1914 г.	6.648.329	1918 г.	9.607.766
1915 г.	7.649.594	1919 г.	8.023.437
1916 г.	7.703.894	1920 г.	6.289.321

Подобный масштаб свидетельствует о том, что мы имеем в данном случае дело уже не с закусочным, а чисто пищевым типом консервов, при чем наиболее дешевыми консервами были кета и горбуша. Из таблички усматривается, что 1917 год, последний год мировой войны, явился кульминационным по количеству заготовленных ящиков консервов, после чего производство стало сокращаться и упало в 1920 г. до 6.289.321 ящ. Огромный спрос на консервы со стороны воевавших союзных стран взвинтил цену ящика консервов из кеты и горбуши с 2.21 и 2.58 в 1913 г. до 6.14 и 6.44 долларов в 1917 г., а к 1920 г. цены упали уже до 4.19 и 5.47. Другие же более аристократические консервы (кизуч, чавыча и красная) продолжали неизменно повышаться в цене и в послевоенный период.

Средняя стоимость одного 48-фунтового ящика консервов в долларах:

	1909	1913	1914	1915	1916	1917	1918	1919	1920
Кета . . .	2.28	2.21	3.37	2.59	3.34	6.14	6.27	6.82	4.19
Горбуша .	2.40	2.58	3.50	2.78	3.64	6.44	6.58	8.35	5.47
Красная .	4.53	4.54	5.58	5.82	6.04	9.48	9.44	12.98	13.05

Весьма интересен сдвиг сельдяного промысла. Так как по причине войны была затруднена доставка сельди из Европы, то стали промышлять сельдь у берегов Аляски, при чем пионерами этого дела явились норвежцы, засолившие в 1920 г. 25.696 бочек и 21.487 полубочек сельди по шотландскому способу. Из других рыб промышлялись: палтус, пресноводная сельдь, камбала, треска и крабы. Интересной новинкой является также промысел акул, из которых выделываются кожи, клей; плавники экспортируются в Китай а зубы продают ювелирам. Кроме того, работало 10 китобойных станций, убивших 1.763 китов, из которых было добыто 2.130.000 галлонов жира, 593.000 галл. спермацетного масла, 3.500 тонн гуано и 1.000 тонн костяной муки.

Следует отметить еще один интересный сдвиг в американском рыбном промысле за время войны,— это перенос промысла лососевых из рек Аляски в океан. Улов лососевых в море принял огромные размеры и уже в 1915 году промыслом этим было занято 500 гребных и моторных судов, а в 1919 г. число судов достигло 1.000 [1]. Таким путем промышляются все пять видов тихоокеанских лососей, но особенно преследуются чавыча и нерка [2]. В виду того, что при этом промысле вылавливается огромная масса лососевой мелочи, даже американцы квалифицируют весь этот промысел, как „экономическое преступление". В связи с этим стоит организация в 1920 г. на Аляске на средства бюро рыболовства специальной экспедиции из 3-х отрядов для уничтожения хищных рыб, питающихся молодью лосося (главными хищниками оказались будто бы мелкие ручьевые форели). За годы нашей революции интерес американцев к дальне-восточным промыслам значительно возрос и в специальных журналах стали появляться статьи, в которых уделяется много места русско-японским отношениям и возможности для Америки использовать русские дальне-восточные богатства. Вот что пишет по этому интересному вопросу John Colb в официозе Pacific Salmon Fisheries Bureau of Fish, Washington 1921, docum. 902 [3]:

„Развитие промысла лососевых в Сибири тормозилось до сих пор главным образом нежеланием русского правительства разрешить иностранному капиталу аренду русских рыбных промыслов, или оно разрешало аренду лишь на самые короткие сроки. Так как русские сами вообще несведущи (unskilled) в рыбном деле (!) и еще были связаны обязательством производить лов русскими рабочими, численно крайне недостаточными, то они могли очень мало что сделать со своими промыслами. Несомненно, если бы американскому капиталу было предоставлено право аренды на достаточно долгий срок, он сумел бы заставить развернуть рыбные промыслы Сибири"; и далее тот же Джон Кольб так характеризует дальне-восточный промысел и его значение для Америки: „Сибирь в ближайшем будущем явится крупнейшим поставщиком лососей; это должно заставить нас (американцев) встрепенуться, и если мы хотим оставить за собою первенство на лососевом рынке, то мы должны принять активное участие в разработке рыбных богатств Сибири. До сих пор Россия всегда противостояла участию иностранного катитала в разработке ее рыбных промыслов. Когда, наконец, на-

---

[1] Американские консервы завоевали также австралийский рынок.

[2] Это, вероятно, молодые сельди.

[3] Эти данные любезно сообщил мне М. О. Тихий из своей, приготовленной к печати, рукописи „Промысел лосося в Аляске" 1924 г.

[1] В. Чернавин. „Ужение лососей в океане". „Бюлл. Главрыбы", 1923 г. № 13.

[2] Этот вид особенно ценится американцами по причине необычайно яркого цвета мяса.

[3] Цитир. по В. Чернавину: „Америк. офиц. рыбол. орг. о русск. дальне-восточн. промыслах". „Бюллет. Главрыбы", 1923 г. № 13.

ступит мир в этой опустошенной стране, капиталы ее будут расстроены, то она несомненно с охотой прибегнет к иностранной помощи, откуда бы она ни исходила, а так как она знает, что Соединенные Штаты не имеют стремлений к территориальным захватам в ее направлении, то мы, несомненно, будем гораздо более желанными, чем японцы, в незаинтересованности которых Россия может очень сомневаться".

По мнению В. Чернавина этот интерес Америки к нашим рыбным богатствам на Дальнем Востоке должен быть учтен при сдаче их в аренду иностранцам. Я с этим мнением в общем согласен: нам выгодно создать в этом направлении конкуренцию с японцами, которые до сих пор привлекались к аренде наших промысловых участков на монопольных началах, но мне кажется, что помимо эксплоатации лососевых богатств, на что метят американцы, в первую голову—ради увеличения продукции своего консервного производства, необходимо иметь в перспективе развитие промысла в открытом море для эксплоатации тресковых, сельдяных и др. еще совершенно нетронутых рыбных запасов в наших тихоокеанских водах. В организации этого нового дела американский капитал мог бы принести большую пользу для С.С.С.Р. По самым последним данным промысел в Сев.-Амер. Соед. Штатах и Канаде [1] необычайно укрупнен: целые рыбные порты находятся в руках отдельных крупных предприятий, некоторые сооружения крайне незатейливы, пристани деревянные, но зато холодильники, склады и иные помещения—огромных размеров. Главное внимание обращено на быстроту обработки и механизацию всего производства.

9. Япония.

Япония из всех стран была в наиболее тесном контакте с С.С.С.Р. в отношении рыбного промысла, снимая большое количество участков на дальневосточном побережье Тихого океана на арендных началах. Огромное количество рыбы, более $^1/_2$ всего нашего улова, главным образом кеты и сельди, промышлялось самими японцами и экспортировалось в Японию, при чем вся сельдь заготовлялась в виде тука для удобрения рисовых полей. Молодая неокрепшая промышленность Дальнего Востока находилась сначала под сильным влиянием японского рынка: в 1896 году, весь улов рыбы русскими определялся всего в 400 тыс. пудов, да и то большая его часть вывозилась в Японию. В 1900 году японцы, вытесненные в начале 1900 годов из наиболее выгодного Амурского района, перенесли центр своего внимания на берега Камчатки [2]. Ежегодно туда направлялись целые флотилии шхун за добычей рыбы, котиков и бобров. Завязалась борьба с браконьерством, в результате коей целые десятки шхун конфисковывались нашими охранными судами, а пойманные хищники предавались суду. Но японские промышленники продолжали свою незаконную деятельность в русских водах под покровительством мощного союза Кумияй. Отношения обострились, разразилась война 1904—1905 г.г., кончившаяся Портсмутским договором и рыболовной конвенцией 1907 г. Японцам было предоставлено наравне с русскими право водных промыслов, кроме промысла бобров и котиков, в наших территориальных и морских водах, за исключением 34-х бухт и заливов; получили они право рыболовства также и в лимане Амура, но с обязательством ловить и приготовлять рыбу при помощи только русских рабочих. Немногочисленные русские рыбопромышленники не могли конкурировать с экономически более сильными японцами и в результате огромное большинство морских рыболовных участков очутилось в руках последних. Преобладание японцев за период войны 1914—1917 г.г. окрепло, и к 1923 году из 361 действующих рыбных участков в японских руках находилось 323, а в русских всего 38. Добыча японцев таксируется в 6.000.000 пудов, в том числе консервов свыше 1.200.000 пудов (600 тысяч ящиков).

Число японских рабочих на наших промыслах достигает 25.000, число судов 400 с общим тоннажем в 7.000.000 куб. футов.

Русский промысел в конвенционных водах занимает незначительное место по сравнению с японским. В лучшие годы (1913—14) число русских участков составляло 25% общего числа их, количество рыбы—15%, т.-е. около 1 милл. пуд., а в настоящее время—оно еще понизилось. В 1919 году срок конвенции истек, но в той же конвенции японцами было оговорено право на ее возобновление или изменение на следующие 12 лет. Этого теперь и домогаются японцы, а пока захватным порядком осуществляют свои права. За последние 2 года японцы не уплачивали даже и той небольшой аренды, которая определяется на торгах. На последние торги в 1921 и 1922 г. г. японцы совсем не явились, оставив в своих руках участки и не заплатив Дальне-Восточной Республике 6 милл. зол. рублей следуемой с них арендной платы.

Более благоприятно сложились условия для русских рыбопромышленников в неконвенционных водах (Охотско-Камчатский район), и здесь, под покровительством правительства, русские промышленники все же создавали постоянную конкуренцию японцам.

К 1923 году число русских рыболовных участков во внеконвенционных водах было: в заливе Петра I—150 сельдяных, 9 трепанговых, в Охотско-Камчатском районе (в бухтах, заливах и реках)—110 рыболовных и 87 засольных для обработки рыбы.

Большая часть крупных рыбопромышленников этого района является в то же время и арендаторами морских участков в конвенционных водах.

Оторванность края в течение последних 5-ти лет от СССР, интенсивный бесконтрольный лов рыбы японцами и полное бесправие, созданное интервенцией и гражданской войной, крайне неблагоприятно отразились на русском промысле (особенно пострадал Николаевский район в 1920 г., где почти все промыслы и флот были разрушены) и запутали и без того сложные взаимоотношения с Японией.

С организацией временного управления рыбными и звериными промыслами на Дальнем Востоке (Дальрыбохота), подчиненного только центру, креп-

[1] С. Аверинцев. „Заграничн. рыбн. пром.", „Бюлл. Рыбн. Хоз.", 1924 г. № 8—9.

[2] С. Парахин. „Перспективы рыбного промысла на Дальнем Востоке". „Бюллетень Главрыбы". 1923 г. № 7.

нет надежда, что промысел разовьется и отношения с Японией будут урегулированы.

Японские капиталисты в противоположность другим иностранным капиталистам, воздерживающимся пока от предложений, в которых иностранный капитал выступал бы с целью усиления и развития производства, усовершенствования промыслового оборудования, применения новых методов обработки рыбы и т. п., готовы вложить свои капиталы в рыбную промышленность на Дальнем Востоке, но здесь нужна большая осторожность в виду политической заинтересованности Японии в делах Советского Дальнего Востока[1]. Предположений о смешанных русско-японских акционерных обществах для эксплоатации морских рыболовных участков пока не возникает, в виду того, что право на эксплоатацию этих вод и без того обеспечено за японцами рыболовной конвенцией 1907 года, которая будет рано или поздно продлена. Но более сложно дело с эксплоатацией вод речных (Амурский район), куда внедрились незаконно японцы во время оккупации. Хотя в С. С. С. Р. в данное время и мало капиталов для восстановления промыслов на Дальнем Востоке, тем не менее правильный государственный взгляд на дело требует определенно высказаться против акционирования с японским капиталом, так как это, помимо угрозы экономическим и политическим захватом низовьев Амура японцами, грозит полным нарушением связи амурских промыслов с нашим внутренним рынком. Чрезвычайно опасны и нежелательны также предложения такого рода, где русские лица выступают в качестве подставных лиц для японских предпринимателей. Итак, нельзя не согласиться с М. А. Козаковым, управляющим Центральным Управлением Рыболовства и Рыбоводства, что привлекать в нашу рыбную промышленность можно лишь такой иностранный капитал, который для данного района является политически нейтральным и не грозит нам экономическим захватом.

10. Иностранные капиталы и концессии в рыбном деле.

Учитывая зачаточные капиталистические формы нашей рыбопромышленности, малоразработанную технику добывающего и обрабатывающего промысла и отчасти примитивную заготовку экспортного товара, равно как и возможность эксплоатации некоторых неиспользованных пока богатств, следует признать желательным привлечение иностранного капитала для развития у нас рыбопромышленности. Механизация промысла, устройство крупных холодильных складов и изотермических вагонов, постройка и оборудование тралового флота, устройство сетевязальных фабрик, оборудование консервных фабрик,—все это представляет обширное поле для привлечения иностранного капитала и использования новейших достижений западно-европейской и американской техники. Допущение иностранных концессий на известных, ограждающих существенные интересы государства, условиях—является также желательным. Вместе с тем, участие иностранного капитала возможно в виде организации акционерных обществ, в которых пайщиками будут и Народный Комиссариат Внешней Торговли, и иностранные держатели акций.

Представители многих иностранных фирм дали принципиальное согласие на организацию обществ и компаний, а некоторые из них уже заключили соответствующие условия. Ниже мы приводим краткие сведения о разного рода концессиях и акционерных компаниях в области рыбного дела в Республике, как уже существующих, так и намеченных к осуществлению.

Торговый дом Люри возбудил перед Главным Управлением Рыболовства ходатайство о разрешении организации смешанного акционерного общества, с участием государства, для эксплоатации рыбных промыслов в низовьях и лимане р. Амура. Аналогичное, но пока еще в форме предварительного соглашения или, точнее, намечения главных вех для такого соглашения, предложение поступило в то же Управление со стороны другой дальневосточной рыбопромышленной фирмы: разрешить ей (фирме) организовать на свои средства научно-промысловую экспедицию по обследованию условий лова рыбы тунца у русских берегов Тихого океана, с главной промысловой базой в заливе Петра I. Исчисляя стоимость снаряжения экспедиции в 200.000 зол. руб. и определяя продолжительность ее работ в три года, предприниматель желает получить для погашения затрат по экспедиции право реализовать добываемый ею продукт. Со своей стороны предприниматель обязуется:

1) Содержать за свой счет специалиста, командированного Главным Управлением Рыболовства для научных работ при экспедиции, и предоставить возможные удобства для работы 2—3 практикантов на месте производства тунцового промысла.

2) Предоставить бесплатно для правительственных нужд часть рыбы (других пород, не тунца), вылавливаемой попутно при тунцовом промысле.

3) В крайнем случае, начиная со 2-го года работы экспедиции, предприниматель согласен уплачивать государству от 5-ти до 7-ми копеек с каждого пуда добытого из тунцов продукта, если результаты промысла окажутся благоприятными.

В случае достижения экспедицией положительных результатов, предприниматель выговаривает себе преимущественное перед другими соискателями право на дальнейшее производство тунцового промысла на особых договорных условиях, при чем предусматривается возможность участия государства в предприятии. Предложение это весьма интересно и заслуживает полного внимания, ибо тунец, водящийся в изобилии в Японском море у наших дальневосточных берегов и являющийся объектом крупного промысла в Японии и Северо-Американских Соединенных Штатах, где из него приготовляется пользующийся широким сбытом жестяночный консерв „Thon a'huile“ („Тон в масле“), не составлял у нас пока предмета промысла, и было бы крайне желательно, чтобы вышеуказанное предприятие дало толчок в этом направлении.

[1] М. Козаков. „Об участии иностранного капитала в рыбной промышленности“. „Бюллетень Главрыбы“ 1923 г. № 8.

В Северном Ледовитом океане отметим разрешение норвежским зверобоям промысла в русских территориальных водах на севере.

Совет Народного Хозяйства утвердил договор, заключенный Народным Комиссариатом Продовольствия с норвежской фирмой Winge & C⁰, Kristiania, о разрешении 55 норвежским зверобойным судам производить с 20-го февраля по 15-е июля 1923 г. промысел в северных русских территориальных водах за плату в 200.000 норвежских крон. При этом представляется точный список судов, и на последние допускаются русские контролеры. Указанное разрешение распространяется и на воды Белого моря к северу от линии Орловский маяк—мыс Конушина.

По данным газеты „Norges Handels og Sjofarts-tidende" от 22-го мая 1923 года, всего вышло на бой тюленя 42 судна; одно из них вернулось с 4.000 бочек сала, что соответствует 2.000 бочек жира; добыча других судов различна, но в общем надеются на хорошую добычу. Жир запродан целиком в Америку, при посредстве фирмы Bull Dorevik of Nevdal A/5, при чем перевозка будет произведена в наливном судне. Позднее, по сведениям Советского торгового представительства в Варде, результаты промысла 55 норвежских судов в Белом море выразились общей цифрой около 120.000 шт. тюленей, т.-е. столько же, сколько давал в довоенное время наш крупнейший тюлений промысел на Каспийском море[1]. В 1925 г. продукция норвежского промысла в наших в дах достигла колоссальной цифры 230.000 тюленей, что является уже серьезной угрозой коренным запасам этого зверя.

Хотя сама по себе указанная сумма, составляющая около 102.000 руб. зол. (по довоенному курсу) и не велика, но самый факт взимания правительством С.С.С.Р. сбора с иностранных промышленников за право производства промысла в горле Белого моря и урегулирование этого искони браконьерского промысла, вызывавшего и в довоенное время, и в 1921 и 1922 г.г. неоднократные международные конфликты (арест норвежских судов нашими сторожевыми судами и ледоколами) имеет крупное принципиальное значение, ибо раз право правительства С.С.С.Р. регулировать промысел в горле Белого моря признано нашим ближайшим соседом—Норвегией, оно логически должно завершиться и признанием этого права со стороны других заинтересованных государств.

В Дальневосточном районе среди прежних рыбопромышленников и предпринимателей возник проект образования особого смешанного акционерного общества или треста для организации крабового промысла, производства крабовых жестяночных консервов и сбыта их за границу—в Северо-Американские Соединенные Штаты и Англию, с правом монополии на все крабовые участки нашего Дальнего Востока в Японском море от Владивостока до именовавшейся прежде „Императорской гавани", на протяжении до 300 миль, и по западному побережью Камчатки от реки Камбальной до реки Ичи на протяжении около 500 миль. Срок концессии проектируется 25-летний. Производительность предприятия намечается для первых лет в 40—50 тысяч ящиков с повышением в последующие годы вдвое[1]. Образование подобного треста следует признать желательным в смысле упорядочения этого промысла и ограждения его от браконьерских поползновений со стороны японских рыбопромышленников.

По делу эксплоатации рыбьей чешуи для приготовления „восточной эссенции" и т. д. Совнаркомом утвержден договор Народного Комиссариата Внутренней Торговли с германской фирмой „Рубен и Билефельд" в Берлине. Концессия предоставляет фирме права покупки на внутреннем рынке С.С.С.Р. в реках и их притоках, впадающих в Черное, Каспийское и Балтийское моря, рыбьей чешуи, рыбьего клея, изготовления из рыбьей чешуи „восточной эссенции" (essence d'Orient) и экспорта указанных продуктов за границу. Для осуществления этой цели фирме предоставляется право ввоза химических препаратов, необходимых для обработки рыбьей чешуи и выработки эссенции, ввоза необходимой тары и материалов, аренды и организации мастерских для приведения этих товаров в состояние, годное для экспорта, а также заключать с госучреждениями, местными органами власти, кооперативами, союзами рыбаков и другими хозорганизациями и частными фирмами и лицами договоры по покупке товаров. Фирма обязуется выплачивать правительству 50% чистой прибыли, извлекаемой от продажи рыбных продуктов. Контроль над деятельностью фирмы и за состоянием торговых оборотов осуществляется соответствующими правительственными организациями. Концессия заключается сроком на 5 лет и может быть продлена еще на 3 года, если ни одна из сторон не заявит о прекращении ее. В обеспечение точного выполнения фирмой этого договора последняя вносит представителю правительства в Берлине 25.000 французских франков. Форму подобной концессии следует признать более рентабельной для государства, чем практиковавшаяся в довоенное время, в обширном размере, беспошлинная скупка рыбьей чешуи многочисленными агентами и комиссионерами, при чем, когда чешуи с уклейки стало не хватать (губернии Смоленская, Витебская, Минская), промысел этот перекинулся на юг, где пошла в ход чешуя с разной мелочи частиковых пород. Население имело тогда от этого промысла довольно скудный заработок (фунт чешуи стоил свыше 3-х рублей, но для сбора 1 фунта необходимо было обработать несколько пудов уклеи, которая при этом много теряла в своей рыночной ценности), но государственная казна не извлекала от него ничего, ибо чешуя пропускалась через границу беспошлинно. Второй объект этой концессии—рыбий клей—возбуждает некоторое опасение со стороны монопольности скупки и вывоза, что может поставить наши рыбопромышленные предприятия в тяжелую зависимость от концессионера.

Аналогичный концессионный договор заключен с норвежским гражд. Христенсеном.

Концессионеру предоставляется право на бой китов и переработку продуктов убоя в пределах

[1] 111.000 шт. в среднем за последнее 10-летие до 1914 г. И. Аверков: „Тюлений промысел в Каспийско-Волжском районе" „Вестник Рыбопр". 1914 г. № 6—7.

[1] „Бюллетень Главрыбы". 1923 г. № 5.

12-мильной полосы вдоль северных берегов С.С.С.Р. от северного конца мыса Сердце-Камень, лежащего на 67° сев. шир., и до мыса Лопатка у 51° сев. шир. Концессионер не в праве заниматься никакими другими промыслами, кроме боя китов. Срок концессии — 15 лет. Правительство предоставляет судам концессионера право бросать якорь у берегов С.С.С.Р. для снабжения пресной водой и обработки добычи. Равным образом концессионеру предоставляется право арендовать береговые участки для устройства промысловых станций и складочных баз. Арендная плата определена в 5 коп. зол. за кв. саж. За предоставленную концессию правительство получает от концессионера долевое отчисление от суммы стоимости всей продукции китобойного промысла концессионера. Стоимость добытых продуктов определяется по рыночным ценам Лондонской биржи. Какова бы ни была размером добыча, ежегодные платежи правительству не должны быть менее 2.000 фунтов стерлингов. Концессионер обязуется иметь на своих китобойных судах в составе команды шесть советских граждан в качестве учеников, а в составе рабочих и служащих на береговых промыслах не менее 25% советских граждан. Концессионеру воспрещается производство товарообменных операций в районе промысла. Ввоз спиртных напитков для каких бы то ни было надобностей концессионеру безусловно воспрещается.

В целях наблюдения за точным выполнением условий концессии, концессионер обязан вести все судовые журналы, а также коммерческие книги по промыслу, а правительству предоставляется право командировать своих агентов для осмотра судов, береговых промыслов и обозрения судовых журналов и коммерческих книг [1].

Большой интерес представляет организация русского акционерного общества для эксплоатации мурманских рыбно-звериных и пушных промыслов, проект устава которого одобрен Президиумом Севзапэкосо. Учредителями Общества являются: Госрыбпром, Петрогубисполком, Мурманский губисполком, Петролес, Мурманская жел. дор., Госторг и Северо-Западное Отделение Центросоюза. Для осуществления своих программных целей О-ву предоставляется право, помимо организации промыслов, возводить и эксплоатировать сооружения, как основного, так и подсобного значения, заготовлять и закупать всякого рода сырье, необходимое для целей О-ва, и подвергать его первоначальной обработке, а также вывозить за границу все виды продукции общества, за исключением запрещенных к вывозу, и реализировать внутри страны путем продажи государственным и кооперативным организациям и на вольный рынок. Обществу разрешается ввозить из-за границы, без особого разрешения, товары, материалы и продовольствие, необходимое для успешного ведения дела на промыслах и предприятиях общества. Основной капитал общества определяется в 2 милл. рублей золотом, разделенных на 200.000 акций по 100 рублей каждая. Все количество акций распределено между учреждениями и частными лицами, не исключая иностранцев.

Большая доля успеха подобного предприятия зависит от правильного научно-технического подхода и руководительства, ибо обществу придется насаждать в крае совершенно новые формы и приемы промысла, отличающегося здесь большою примитивностью.

Таким образом мы видим, что дело концессионирования некоторых отраслей нашего рыбного промысла постепенно, хотя пока довольно медленно, развивается. Вообще же говоря, для иностранного капитала и приложения новейших достижений иностранной техники в этой части нашей добывающей промышленности открываются, по нашему мнению, широкие перспективы [1].

В области механизации промысла есть еще много очередных вопросов большой важности, хотя бы, напр.,—устройство пловучего механического подъемника (элеватора) для скорейшей выгрузки сельдей из неводов на западном побережье Каспийского моря. Не менее важно привлечение иностранного капитала в дело устройства крупных холодильных установок и новейшего типа изотермических вагонов; создания и оборудования мощной флотилии траулеров и парусно-моторных ботов, устройства и снабжения машинами наших сетевязальных фабрик, оборудования машинами наших консервных заводов, использования рыбных отбросов, оборудования специальных вагонов для перевозки живой рыбы и мальков для надобностей государственного рыбоводства и т. д.

[1] „Бюллетень Главрыбы“ 1923 года № 11.

[1] Из обзора деятельности Главконцесскома за 1923 год видно, что за этот год поступило 714 предложений; из них, за отказом, 208 были прекращены, по 55 заключены договоры, 450 дел находятся в производстве. По объектам концессионные договоры распределяются следующим образом: по обрабатывающей и добывающей промышленности—13, по транспорту и связи—10, по лесной промышленности—5 и по сел.-хоз.—1. Торговых концессий заключено—1, по зверобойному промыслу—3. („Бюллетень Рыбного Хозяйства“. 1924 г. № 4—5).

ИСТОЧНИКИ.

1. В. И. Вешняков. Рыболовство и законодательство. СПБ., 1894.
2. И. Д. Кузнецов. Очерк русского рыболовства Д—та Земл. СПБ., 1902 г.
3. A. Brehm. Fische. Leipzig, 1922.
4. В. И. Мейснер. Основы рыбного хозяйства. Москва. 1922.
5. Рыбное хозяйство, т. I – IV. Москва, 1922—23 г.г.
6. Естеств. Производ. Силы России. Отд. 3, т. VI, вып. 2. Рыбы. 1920.
7. В. Кевдин. Современное рыболовство России. Москва., 1915.
8. Хозяйственный обзор Сев.-Зап. Области за 1923—24 г.г. Изд. Севзапэкосо. Ленинград., 1925 г.
9. Известия Института Опытной Агрономии 1924—1926 г.г.
10. Известия Отдела Прикладной Ихтиологии и Научно-Промысловых Исследований, т. I—III. Ленинград, 1923—25 г.г.
11. The statesman's year book, London, 1924 г.
12. Наша рыбопромышленность и ее нужды. Гос. Изд. 1921 г.
13. Бюллетень Рыбного Хозяйства, изд. ВСНХ и НКЗ. Москва., 1921—25 г.г.
14. Проф. Я. Никитинский и П. Петров. „Товароведение". Москва. 1923 г.
15. Труды Олонецкой Научно-Промысловой Экспедиции, изд. Гидрол. Инст. Ленинград. 1923 г.
16. Вестник рыбопромышленности. 1839 – 1916 г.г.
17. Полная энциклопедия Русск. С. Х. Изд. Девриена. СПБ., 1900—1912 г.г.
18. Труды Астраханской Научно-Промысловой Экспедиции. Петроград, 1918 г.
19. Доклады И. Н. Арнольда в Научн. Инст. Экономич. Исслед. (in litteris). Ленинград., 1924—1925 г.г.
20. Сборник статистических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. СПБ., 1907—1917 г.г.

СОДЕРЖАНИЕ.

стр.

Глава I. **Общее обозрение рыбного промысла С.С.С.Р.** . . . . . 3—8

Глава II. **Объекты русского рыбного промысла** . . . . . 9—16

1. Рыбы . . . . . 9—13
   1. Северный район европейской части С.С.С.Р. Мурман. Белое море
   2. Северо-Западный район. Балтийское море. Озерной район.
   3. Южный район. Каспийское море. Черное море с Азовским.
   4. Северный район Азиатской части С.С.С.Р.
   5. Туркестанский район. Аральское море. Оз. Балхаш и др.
   6. Дальне-Восточный район. Камчатка. Охотское море. Амурский бассейн.
2. Позвоночные животные 13
3. Беспозвоночные животные. . . 14
4. Морские водоросли . . . 15

Глава III. **Орудия и способы лова** . . . 16—19

1. Орудия типа удочки 16
2. Колющие ручные орудия . . . —
3. Сетные орудия . . . . . —
4. Орудия-ловушки (вентеря и пр.). 18

Глава IV. **Рыбные продукты и их приготовление** . . . . . 20—26

1. Живая и свежая рыба 20
2. Мороженая рыба . . . . . —
3. Соленая, вяленая и копченая рыба 21
4. Жестяночные консервы 22
5. Икра, балыки и др. продукты . 24

Глава V. **Организация рыбного промысла в России и С.С.С.Р.** . . . . . 27—31

Глава VI. **Торговля рыбой и рыбными продуктами** . . . . . 32—47

1. Россия и С.С.С.Р. 27
2. Норвегия 38
3. Великобритания 39
4. Германия 40
5. Франция 41
6. Голландия 42
7. Дания . . . . . —
8. Северо-Американские Соединенные Штаты . . . . . —
9. Япония 44
10. Иностранные капиталы и концессии в рыбном деле 45

Диаграммы:

1. Улов морской рыбы в 1910 г. 4
2. Стоимость добывающего промысла в России в 1913 г. 5
3. Процентное соотношение пищевых продуктов в 1913 г. 6
4. Соотношение русского ввоза и вывоза в 1913 г. 7
5. Соотношение отдельных пород рыб в улове 1913 г. 12
6. Роль отдельных пород в морском улове . . —
7. Ввоз и вывоз рыбных продуктов из России за 1900—1915 г. г. 33
8. Движение цен на рыбные товары, золото и материалы снабжения рыбной промышленностью 36

ХАРЬКОВСКИЙ МЕТАЛЛОТРЕСТ

Организационно-экономическое положение. Харьковский металлотрест начал свое существование с 1922 г. В состав его вошли заводы машиностроительной и сельскохозяйственной группы, находящейся на территории Харьковской губернии. Полученные предприятия представляли ряд разнородных производств, не связанных друг с другом со стороны однородности производственно-торговой деятельности, не имели под собой никакой базы из определенных заказчиков или потребностей рынка.

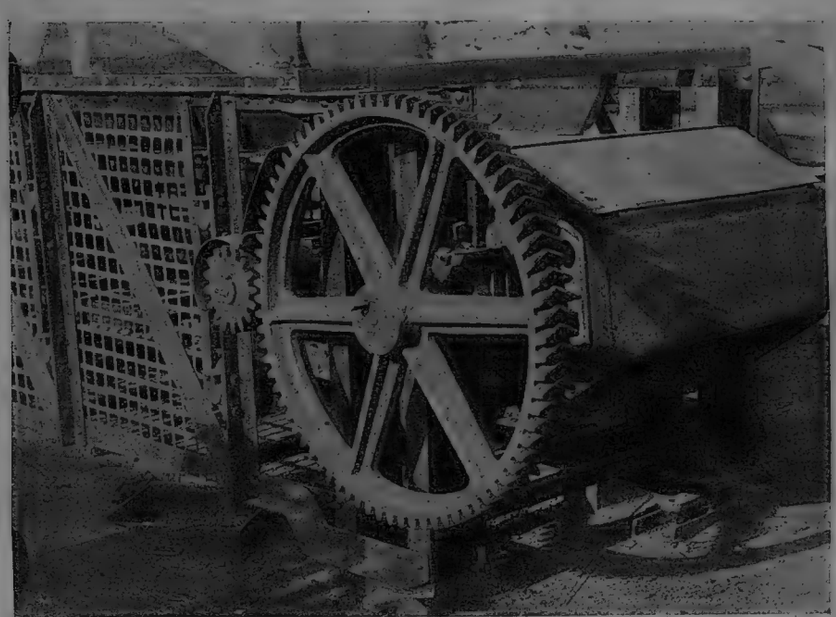
„Транспортер", изготовленный на заводе имени Шевченко.

Машиностроительная (основная) группа полученных заводов за время мировой войны, усиленно работавшая большей своей частью по военным заказам, довела свое оборудование (станки) до крайне изношенного состояния. Годы гражданской войны—время стоянки больших заводов—оконча-

тельно свели техническую возможность до минимальных размеров.

Таким образом, одной из первых задач по организации треста были: отремонтировать оборудование и здания и выявить определенные, могущие жить и развиваться производства и, следовательно, найти подходящий контингент заказчиков и рынок.

Весь 1922 г. и отчасти 1923 г. пошли на решение этих задач и к началу 1923/24 операционного года для машиностроительной группы треста эти задачи более или менее были разрешены. К этому времени сельскохозяйственная группа заводов (Сельмаш № 1, фабрика веялок и завод Древометалл) частью вышла из состава треста, частью консервирована, а Велозавод и Штамповальный вошли в состав треста к началу 1923/24 г., но фактически начали работать лишь с апреля 1924 г.



Угольный транспортер, изготовленный на заводе имени Шевченко.

Реорганизацией производства на Велозаводе и капитальным ремонтом его закончились общие задачи организационной деятельности треста, и в текущий год (1924/25 г.) трест вошел компактной группой связанных между собой производств с постоянным заказчиком — развивающейся крупной индустрией, с определенными резко вычертившимися специальностями, распределяющимися по заводам следующим образом:

Машиностроительный завод им. т. Раковского в Сумах оборудование сахарных заводов, подъемные краны, центробежные насосы и вентиляторы „Сирокко".

Машиностроительный завод „Красный Октябрь" — Канатные подвесные дороги (персон. зав. б. Блейхерта и Эйхнера), железные конструкции трансмиссии и литье.

Машиностроительный завод имени Т. Г. Шевченко — сортировочные механизмы для угля (сепараторы, транспортеры, конвейеры, шаровые грохота и т. п.).

Велосипедный завод им. т. Петровского — велосипеды и, наконец,

Штамповальный завод — имеет специальности сита, как триерные, так и других систем.

Как видно из перечисленных специальностей заводов, роль Харьковского Металлотреста заключается в обслуживании развивающейся крупной индустрии и горного дела всего союза, с местным рынком трест связан лишь в небольшой степени.

Элеватор, изготовленный на заводе имени Шевченко.

Так, **сбыт продукции** за последнее, более уравновешенное, время работы, $1^1/_2$ — 2 года, распределяется следующим образом в процентах по районам:

На местном рынке . . .	28%
На Украине	55%
Вне Украины	22%

Контингент заказчиков характеризуется следующим:

Заказы по:

Горной промышленности (Юго-сталь, Донуголь, Москвуголь, Транспорткопи, Азнефть) — 27% от всей произведенной продукции за последние два года.

Сахарной — Сахаротрест РСФСР и УССР — 28%.

По электростроительству — (Штеровка, Шатурка, Нижстрой, Земоавчальское строительство и др.) — 10%.

По транспорту — Южн. ж. д. С. Д. Марпорт — МГЖД.

Мельничные дела и элеваторостроение — Мелстрой — 6%.

Широкий рынок СССР — 11%.

Прочие заказчики — Главкоопком, Каруто и др. — 10%.

Местонахождение заводов — Харьковщина, т.-е. район, близкий к центру угольной, сахарной и крупной машиностроительной промышленности, а также свежесть конструкций выпускаемых изделий (благодаря сделанному подбору высококвалифицированных специалистов) **дает возможность тресту своевременно загружаться заказами.**

Характерен коэффициент (1924/25 г.) привлечения чужих средств — 50% от всех оборотных, показывающий ненасыщенность рынка предметами производства треста, благодаря чему и имеется возможность привлечения чужого капитала в указанных размерах.

Производственно-техническое положение. Как уже сказано выше, заводы Харьковского Металлотреста усиленно все время ремонтировались, и, кроме восстановительных работ по оборудованию и зданиям, были проделаны работы **по электрификации производства, усилению**

транспортных средств, цехов (подъемные краны) и построены **две испытательные станции,** одна **для сортировочных механизмов** (заводу Шевченке), а другая для **центробежных насосов** (на Сумзаводе), давшие возможность контролировать на месте работу выпущенных аппаратов.

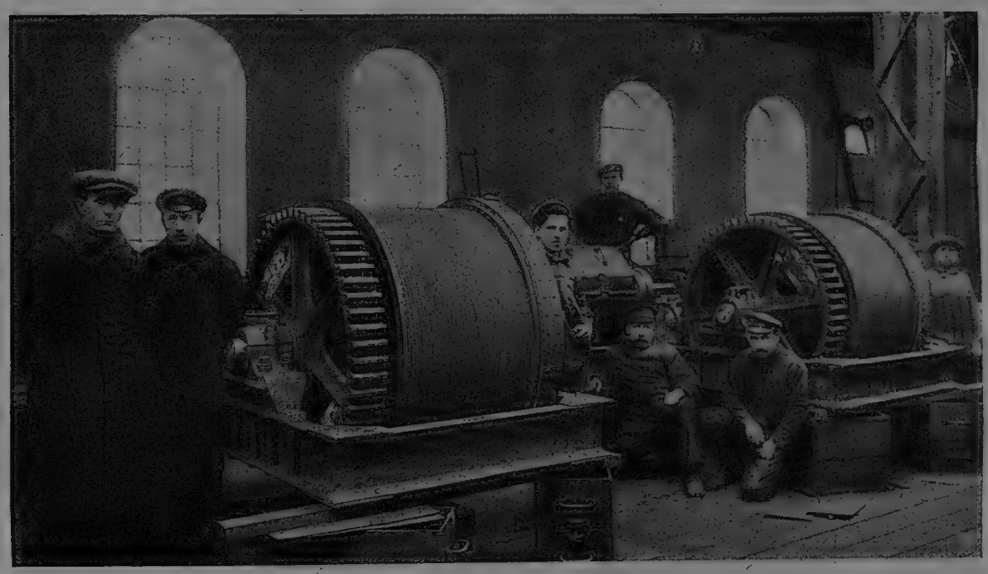
В цеха влит новый ряд станков (частью новых) и произведены работы по рациональному их размещению в целях максимального использования.

сов, вентиляторов. Разработаны и частично выполнены несколько крупных проектов подвесных канатных дорог.

Из технической показательной работы можно указать на следующее:

Выработка одним рабочим за текущий год достигает 190—195 рублей на человека в месяц при заработке 63—68 р.

Сдельщина достигла 50—60% общего числа работ, для чего была проделана работа по нормированию. Число подсоб-



Лебедка перегружателя Мариупольского порта, изготовленная заводом „Красный Октябрь".

При заводе „Красный Октябрь" организовано Техническое бюро по разработке проектов подвесных канатных дорог, обладающее архивным запасом моделей и чертежей завода Блейхерт и Эйхнера.

Местонахождение заводов (г. Харьков и Сумы) дало возможность сделать **подбор высококвалифицированной рабсилы и техперсонала.**

Заводами дан ряд **новых конструкций сортировочных механизмов, насо-**

ных рабочих уменьшается, в виду проводимой механизации цехов.

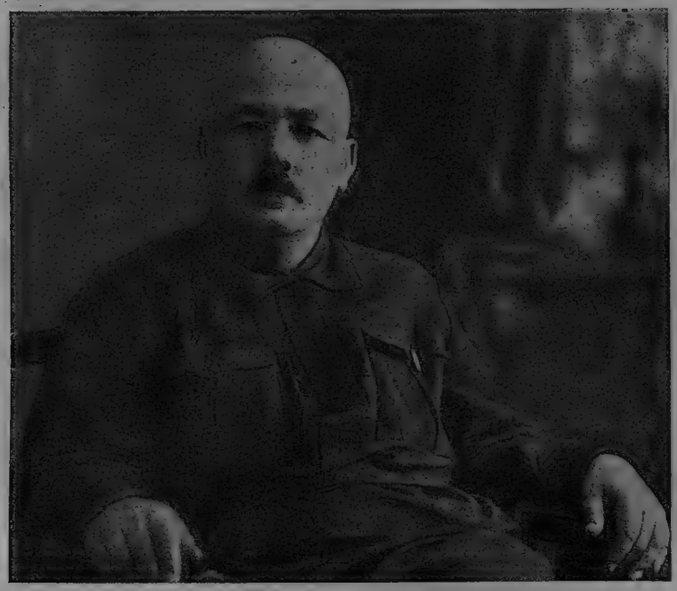
ПЕРСПЕКТИВЫ. В связи с быстрым ростом крупной индустрии **темп развития Металлотреста отличается большой интенсивностью,** если принять стоимость выпущенной продукции в 1923/24 г. (первый год нормальной работы треста), то за последующее время общее производство выразится следующими цифрами:

1923/24 г.	1924/25 г.	Программа 1925/26 г.
100%	181%	280%

Сравнительно небольшие размеры производства около 3½ миллион. за 1924/25 г. и 5½ в программе на 1925/26 г. не характеризуют значение треста в народном хозяйстве; его значение, как сказано выше, заключается **в восстановительных работах по крупной индустрии по сахарной и горной промышленности,** ощущающих недостаток в предметах производства треста.

Специальные виды продукции — постройка канатных дорог, обогатительных станций по углю, восстановление и производство оборудования сахарных заводов, велостроение дают район действия для треста всю Украину и отчасти РСФСР.

В настоящее время трест из местного ведомства перешел в ведение ВСНХ УССР непосредственно с предполагаемым **расширением производства** и с намечаемой целью **создания Украинского Треста среднего машиностроения.**



Григорий Петрович
ВОДОПЬЯНОВ

Председатель Харьковского Металлотреста. Родился в 1883 году в бедной семье ремесленника. С 15-ти лет был рабочим на «Х. П. С.» и других заводах; принимал активное участие во всех стачках и забастовках этих заводов. Член партии с 1914 года. За время гражданской борьбы за власть советов был начальником авто-броне-отряда.

Внешний вид завода (работающий корпус № 1 до восстановления ванны „Гоббе“).

ВОЗРОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

МЕРЕФЯНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО СТЕКОЛЬНОГО ЗАВОДА

имени Г. И. Петровского, при ст. МЕРЕФА, Южных ж. д.

Ныне существующий Мерефянский государственный стекольный завод был основан в 1897 г. частным предпринимателем гр. Борткевичем и именовался Артемовским стекольным заводом. Следует отметить прекрасное географическое положение завода, находящегося в 20 верстах от г. Харькова, центра Украины, на железнодорожной линии, соединяющей Великороссию с Крымом и Кавказом, и на территории с месторождением кварцевого песка высокого качества, что очень важно в стекольном производстве. Состоял завод тогда из двух горшковых печей на восемь горшков каждая, производительностью около 200 пуд. в сутки готовых изделий при наличии рабсилы до 200 чел.

В 1904 г. завод переходит к Ливенгофскому Акционерному Обществу, которое приступает к его расширению и увеличению производительности. Горшковые печи уничтожаются и вместо них воздвигаются две ванные печи системы „Сименса“, емкостью одна на 8000 пуд., а другая на 4000 пуд. стекломассы, с производительностью обеих печей до 1000 пуд. в сутки монопольной посуды, т. к. в то время завод производил исключительно монопольную посуду.

В 1911 г. Общество строит новый корпус, в котором воздвигается большая ванная печь системы „Гоббе“, емкостью на 25.000 пуд. стекломассы, производящая исключительно бемское стекло в количестве 1000 пуд. в сутки. К этому времени число рабочих на производстве достигает 1500 чел. Все печи завода в то время отапливались угольным генераторным газом, и паровое хозяйство завода состояло из 3-х Ланкаширских котлов и одного котла системы „Паукш“ по 60 кв. метров поверхностью нагрева каждый. Была собственная электростанция с газо-генератором в 75 лош. сил, паровая машина в 15 лош. сил и динамо на 50 килов.

В 1916 г. был построен 3-й корпус с ванной печью системы „Сименса“ в 7000 пуд. стекломассы и силикатной печью в 1000 пуд., но в виду военных осложнений и наступившей революции, печи эти не заканчиваются и завод вообще прекращает свою работу. Будучи совершенно запущенным, подвергаясь многим случайностям и хищениям, без всякого надзора и ремонта, — заводские корпуса приходят в состояние полной негодности, печи окончательно разрушаются и к 1923 г. завод представляет собою одни руины.

Весною 1923 г., когда на рынке начинает ощущаться большой недостаток в стекольных изделиях, ибо старые запасы уже иссякли, организуется Т-во для эксплуатации Мерефянского стекольного завода в лице двух пайщиков, а именно: Хим-

комбината и Управления Южных ж. д. Упомянутое Т-во приступает к восстановлению корпуса, построенного в 1916 г., как менее других пострадавшего, восстанавливает ванную печь, емкостью на 7000 пуд., переконструировав ее на отопление нефтью, строит разводную печь и печи для обжига припасов и песка, устанавливает 2 вертикальных паровых котла системы „Лещапель“ и 2 нефтехранилища емкостью: 1) на 15 тыс. пуд. и 2) — 7 тыс. пуд. нефти — и 15 августа 1923 г. завод приступает к работе. В то время завод изготовлял оконное стекло и мелкую хозяйственную, аптекарскую посуду. Продуктивность завода была весьма низкая

Корпус со стеклоплавильной печью сист. „Гоббе“ до восстановления.
Управляющий с инженерами обсуждают проект восстановления корпуса и ванны системы „Гоббе“.

из-за частых перебоев в работе, причиной чему служили бесконечные ремонты ванной печи, так как припасы, из которых она строилась, были весьма сомнительного качества. Производительность составляла около 300 пуд. в сутки оконного стекла и 100 пуд. посуды при 300 рабочих и 17 служащих. Через три месяца после пуска завода, ванная печь потребовала полного ремонта, для чего необходимо было выпустить из печи всю массу и 4 декабря 1923 г. при выпуске этой массы, благодаря низкой деревянной крыше, вспыхнул пожар, которым были уничтожены: крыша, часть корпуса и нефтепровод. Положение завода после пожара было весьма критическое, благодаря его задолженности и отсутствию денежных средств, и возможности его восстановления не предвидилось, но здесь пришли на помощь рабочие завода, согласившиеся 2 месяца не получать зарплаты, и, несмотря на суровую зиму, завод восстанавливается в течение двух с половиной месяцев и 1 марта 1924 г. вновь начинает работать.

К этому моменту Химкомбинат выходит из состава Товарищества, и завод переходит в ведение нового Товарищества, составившегося из Харьковского Губсовнархоза и Управления Южных ж. д. с паевым капиталом в 200 тысяч руб., заключающихся в недвижимом имуществе (оценка завода в 100 тысяч руб.) и наличных деньгах.

Создается Правление и Коммерческий аппарат, открывается Торговая контора в Харькове и директором завода назначается М. С. Бабаков, являющийся и ныне управляющим завода. Производительность завода доходит уже до 700 пуд. готовых изделий в сутки при 700 рабочих и служащих.

В это время рынок начинает предъявлять большой спрос на стекольные изделия и завод строит вторую новую печь, емкостью в 1000 пуд. стекломассы и подсобные к ней закальную печь и переборную. Материальное положение завода, хотя еще и слабое, но постепенно делается все более устойчивым; ремонтируются жилые дома на 120 квартир, устраивается собственный гончарный цех для изготовления брусьев и других печных припасов для своих нужд, проводится частичный ремонт заводских зданий и перестраивается контора завода.

15 сентября 1924 г. из состава Товарищества выбывает Управление Южных ж. д., и завод переходит в единоличное ведение Харьковского Губсовнархоза, при чем последний принимает на себя весь актив и пассив предприятия с обязательством возврата Южным дорогам вложенного пая в 100 тысяч руб. в течение года—за счет завода. В то время финансовое положение завода было в следующем виде:

Оборотный капитал . Р. 72.000
Основной „ . „ 188.000

Задолженности по зарплате не имелось, но не было и банковских кредитов, так как новый устав завода еще не был утвержден. Учитывая задолженность Управлению Южных ж. д. в размере 100 тысяч руб. при оборотном капитале в 72 тысячи руб. и отсутствии кредита, становится ясным критическое положение завода, и перед Управлением встает во всей широте вопрос об изыскании оборотных средств. Получить финансовую помощь от Высших Хозяйственных Органов по многим причинам не представляется возможным, и заводу остается только один выход — ориентироваться исключительно на рынок и длительные договоры и поставки, дабы таким путем и собственными силами добиться относительного благополучия. Нельзя отрицать, что конъюнктура рынка в этот момент была весьма благоприятная. Завод заключает первый, крупный для него по тому времени, договор с Укргосспиртом на поставку фигурной посуды на довольно выгодных для себя условиях, в том отношении, что получает солидную по тому времени задаточную сумму, и второй договор с Управлением Южных ж. д. на поставку оконного стекла в покрытие подлежащего возврату паевого взноса, а затем перебрасывает свою коммерческую деятельность на Юго-Восточный рынок, где заключает довольно крупные договоры с винным кооперативом „Конкордия“, с „Севкаввинтрестом“, Уполгосспирта по юго-востоку, Арменией, и др., получая по всем этим договорам солидные задаточные суммы, которые и идут на увеличение оборотного капитала. Спрос на продукцию идет все возрастающим темпом, работает завод нормально без перебоев, договоры выполняются аккуратно и в срок, качество готовой продукции вполне удовлетворяет требованиям рынка, и завод начинает завоевывать на рынке имя и положение.

Восстанавливаемый корпус № 2 со стеклоплавильной печью сист. „Гоббе“ на 15000 пуд. стекломассы.

На самом заводе в это время проводится восстановительная работа и частичное расширение, из числа которых следует отметить: постройку 3-й ванной печи, емкостью в 550 пуд. стекломассы, предназначенной исключительно для выработки аптекарской посуды, и переустройство 2-й ванной печи в сторону увеличения ее емкости до 1800 пудов стекломассы, восстановление электрической станции, освещающей в данное время территорию завода и жилые дома,

восстановление котельного цеха с 2-мя Ланкаширскими горизонтальными котлами, поверхность нагрева в 60 метров и 105 метров, расширение кузнечного механического цеха, организация пожарного отдела с необходимым инвентарем и много других мелких и средних работ и ремонтов.

К началу 1925 г. финансовое положение завода заметно улучшается. На рынке появляется колоссальный спрос на монопольную посуду, и Мерефянский завод переходит на изготовление таковой на двух ванных печах, оставив только на

Производство монопольной посуды на ванне № 1.

первой большой ванне 2 верстака для выработки оконного стекла с целью выполнения заказов Управления Южных ж. д. и заготовки определенного запаса к предстоящему строительному сезону.

В последних числах января 1925 г. завод заключает крупный договор с Укргосспиртом на поставку последнему 9 миллионов штук монопольных бутылок и получает 75 тысяч руб. авансом, и в феврале месяце этого же года заключает второй договор с Центральным Управлением Госспирта в Москве на поставку 5 миллионов штук монопольных бутылок и получает 42 тысячи руб. авансом.

К этому моменту назревает неотложная потребность в расширении завода, ибо спрос растет неимоверно, и Мерефянский стекольный завод, работающий уже на 3-х ванных печах и дающий в сутки около 1300 пуд. готовых изделий, далеко не удовлетворяет предъявляемый ему спрос. Заводоуправление задается целью восстановить второй большой корпус с ванной—гигантской системы „Гоббе". Заключенные с Госспиртом договоры и полученные авансы в сумме до 125 тысяч руб. дают возможность заводоуправлению приступить к исполнению этой большой и тяжелой задачи. В период зимних месяцев заготавливается весь необходимый строительный материал и припасы, ведутся подготовительные работы, усиливается выработка гончарного цеха, строится большая усовершенствованная печь для обжига припасов своей выработки, и с первой весенней ласточкой заводоуправление приступает к восстановительным и созидательным работам по постройке ванной печи „Гоббе".

Ванная печь „Гоббе" воздвигается по проекту и чертежам, утвержденным Техническим Бюро „Продасиликата", при чем в виду того, что „Гоббе" предполагается исключительно для выработки на ней монопольной посуды, таковая строится на 15 — 16 тысяч пуд. стекломассы при 17 рабочих окнах. При ванной „Гоббе"

устраиваются первые в России механизированные тянульно-закальные печи собственной конструкции, механизируется также засыпка в печь, подача посуды в переборную и упаковочную и вообще применяется механизация всюду, где только это представляется возможным, за исключением самого процесса выдувки (машины для выдувки стекла только начинают прививаться в СССР, а на Украине впервые будут поставлены на стекольных заводах треста Химуголь).

ваются для просушки песка и стекольного боя путем отходящих газов. При ванной „Гоббе" устраивается дополнительно опечек для обжига лодок, ботов и других огнеупорных припасов.

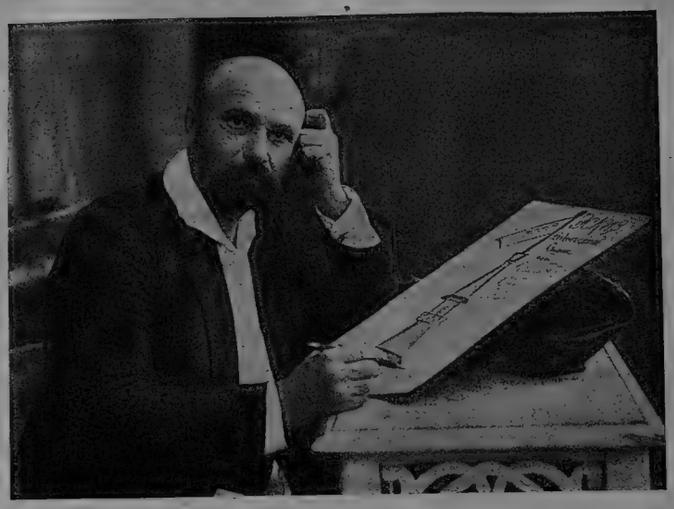
В виду увеличившейся потребности в нефти, в связи с расширением завода, суточная потребность которого с 500 пуд. дойдет до 1100 пуд. устраивается второй нефтебак, емкостью в 25 тыс. пуд. и подземный сливной бак на 7000 пуд. нефти. Завод расширяет свои подсобные цехи:

Восстанавливаемая ванная печь „Гоббе", емкостью в 14000 пуд. стекломассы.
На переднем плане стоят (слева направо): Заведывающий производственно-техническим отделом **И. И. Полатацкий**, Главный инженер **Ф. С. Виноградов**, Управляющий заводом **М. С. Бабаков**, Заместитель управляющего **А. И. Торяник**, Заведывающий строит.-механич. отделом **А. И. Коптев**, Строитель **И. М. Першин**.

При корпусе „Гоббе" строится столовая для приема пищи рабочими во время перерыва и многоэтажная водо- и нефте-напорная башня, высотой до 30 м. с пожарной вышкой, которая будет снабжать нефтью все заводские ванны и закальные печи и водою не только заводскую территорию, но и заводские рабочие дома. В нижних этажах этой башни помещается: инструментальная кладовая, умывальная, помещение для табельщиков и десятников и производственно-технический отдел с химической лабораторией. Бывшие газогенераторные помещения, упраздненные по той причине, что „Гоббе" отапливается нефтью, — утилизируются и приспосабливаются в кузнечно-слесарном устанавливаются станки по металлу, токарный, строгальный и сверлильный; в плотницком цехе — строгальный станок и циркульная пила. Все эти работы ведутся усиленным темпом с таким расчетом, что к 1 октября 1925 г. ванная печь „Гоббе" должна открыть свои действия.

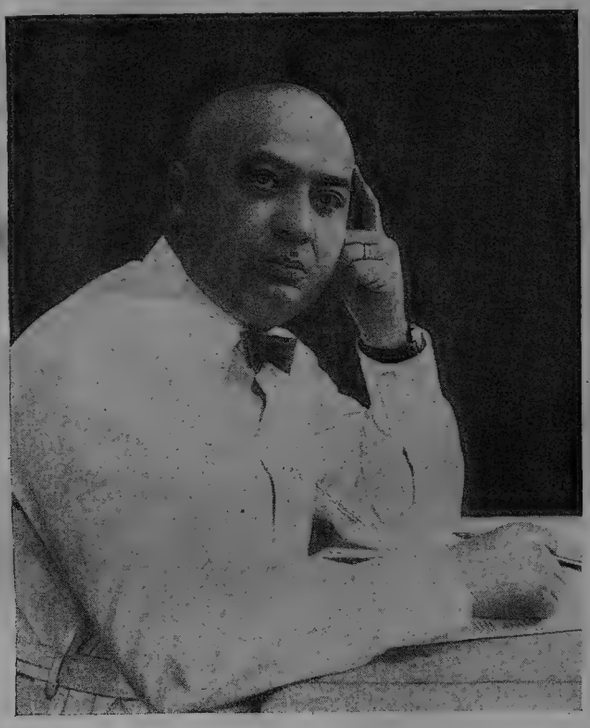
Учитывая, что с расширением завода надобность в рабочих квартирах увеличится, заводоуправление в начале весны закупает у Мерефянского РИК'а несколько полуразрушенных домов и заново их ремонтирует, также заарендовывает большое количество квартир и, таким образом, обеспечивает жилыми помещениями мастеров

выдувальщиков и подсобный персонал ванны „Гоббе“. Больница при заводе заново перестраивается на 20 коек при 3-х врачебных кабинетах: терапевтическом, гинекологическом и зубоврачебном. Еще до пуска ванны „Гоббе“ завод насчитывает 1190 ч. рабочих и служащих — из них 990 мужчин и 200 женщин, но с пуском „Гоббе“ это количество увеличится до 1500 чел. минимально. Производительность же завода увеличится почти на 150%. Вся выработка ванны „Гоббе“ запродана уже Укргосспирту до 1 января 1927 года по договору, под который заводом получено 25% наличными деньгами, каковые частично и пошли на восстановление ванной печи „Гоббе“.



Управляющий заводом **М. С. БАБАКОВ.**

Член РКП (б.) с 1919 г., сын бедного крестьянина-плотника села Софийского Бахмутского округа, Донецкой губ. Род. 14 мая 1878 г. Прослужил на заводе 20 лет.



Коммерческий директор Мерефянского Стекольного Завода **Д. М. САРАПИН.**

Подводя всему изложенному итоги, являющиеся итогами существования, жизнедеятельности и постепенного, но прочного роста Мерефянского Стекольного Завода, приходится констатировать весьма отрадный факт роста хозяйственных и производительных сил союза, а в частности Украины, Мерефянский Стекольный Завод, представлявший собой еще недавно одни руины, ныне героическими усилиями заводоуправления и рабочих, без всякой финансовой помощи от высших хозяйственных органов, вырос в крупную и весьма рентабельную производственно-хозяйственную единицу Всеукраинского масштаба.

Следует отметить, что заводоуправление не собирается почивать на лаврах и, не ограничиваясь уже проделанной работой, серьезно проектирует дальнейшее расширение завода путем постройки 5-ой ванной печи и машинизации завода по примеру треста „Химуголь“ и уже теперь задумывается над вопросом по изысканию способов и средств для проведения в жизнь в недалеком будущем этой цели.

Надо пожелать заводоуправлению успеха в его благих намерениях и начинаниях на хозяйственном фронте, при осуществлении которых оно надеется на моральную и материальную поддержку высших хозяйственных органов Украины.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
КОНДИТЕРСКИЙ ТРЕСТ
ГОР. ХАРЬКОВА
ВСНХ — УССР.

Кондитерский Трест организован в сентябре месяце 1921 года. В Трест входят 2 фабрики (б. Жорж Борман и Д. Кромский) и мукомольная мельница. Фабрики являются самыми крупными на Украине и относятся к числу лучших по оборудованию фабрик СССР. Имеют собственные паросиловые установки, электро-станцию и водопровод.

Карамельная мастерская

Основные производства Треста:

Карамельно-монпансейное, шоколадное, бисквитное, ирисное, кофе-какао, дражейное, конфектное, пряничнo-пирожное, халвичное, фруктово-варенное.

Подсобные мастерские:

Ремонтно-механическая, картонажная, жестянная, столярная, прачешная.

Трест располагает основным капиталом в 2.500.000 руб., оборотным — 1.000.000 руб.

Имеет пять магазинов в Харькове и аппарат торговых представительств (14 доверенных), охватывающих всю территорию СССР.

Годовая производительность:

Кондитерская фабрика „Октябрь“ . . . . . 200.000 пуд.

Кондитерская фабрика „имени Крупской“ . . 70.000 пуд.

Мельница „Октябрь“ . . 250.000 „

Какавное отделение

Шоколадная мастерская

В связи с общим промышленным подъемом Республики, Трест за последние годы вырос и окреп, что видно из следующей таблицы:

в 1910/13 г.	выработ.	270.000 п.	по себестоим.	на 3.700.000	руб. при 9½	час. рабочем дне.
„ 1921/22 „	„	63.500 „	„ „	„ 1.000.000	„ „	8-ми часовом рабочем дне.
„ 1922/23 „	„	71.000 „	„ „	„ 1.200.000	„ „ 8	„ „ „
„ 1923/24 „	„	125.000 „	„ „	„ 3.051.000	„ „ 8	„ „ „
„ 1924/25 „	„	250.000 „	„ „	„ 6.300.000	„ „ 8	„ „ „

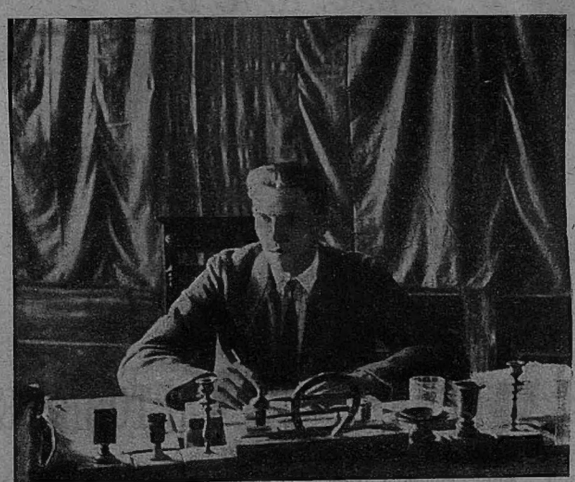
Рабочая сила:

Общее количество рабочих 1.700 человек, служащих конторы, складов и магазинов — 120 человек.

Таким образом в 1925 г. почти полностью достигнута производительность довоенного времени.

Управляющий Трестом А. С. Сабуров. Родился в 1891 г. в рабочей семье. С малых лет служил по найму. Основная профессия — слесарь-монтер. Член партии с 1923 года.

Средний заработок рабочих, по сравнению с довоенным временем удвоился, поднявшись с 25 руб. (1910—1913 г.г.) до 52 руб. в сентябре 1925 года.



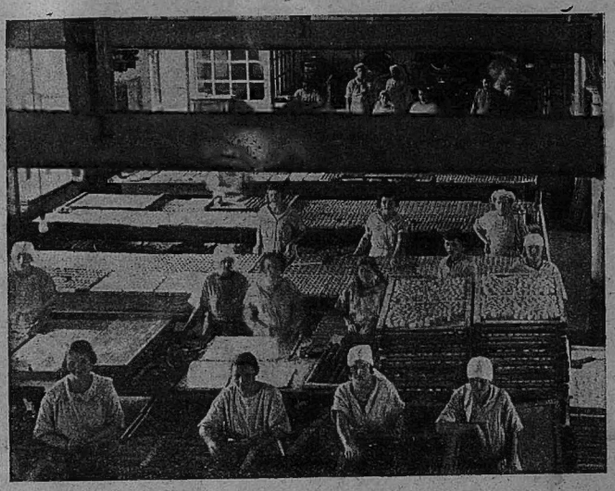
Зам. Управляющего Госкондтреста Н. С. Марачев. Родился в 1895 г.; сын крестьянина Брянской губ. До 18 лет занимался хлебопашеством. В революционное время в Красной Армии был уполномоченным Опродкомарма XIV. Член партии с 1919 года.

Если принять во внимание обесценение червонного рубля против рубля довоенного на 40%, — то и тогда **налицо реальный рост заработной платы рабочих кондитерских фабрик на 25%.**

Производительность труда рабочих также поднялась, достигнув 92% производительности довоенного времени, при чем дальнейшее повышение

труда зависит всецело от технического дооборудования фабрик.

Продукция Треста сбывается по мере выработки и за последнее время в связи с достигнутыми улучшениями качества,— **Трест не успевает удовлетворять полностью выросший спрос на его продукцию.**



Мармеладно-пастильная мастерская

В текущем 1926 году предполагаются следующие закупки за границей:

Оборудования и машин на	350.000 руб.
Какао-бобов	600 тонн
Кофе . . .	50 „
Лимонной кислоты .	15 „
Пергаментной бум. .	50 „

1924/1925 год дал прибыли 435.092 р.

ФИНАНСОВОЕ СОСТОЯНИЕ ТРЕСТА ВПОЛНЕ УСТОЙЧИВО.

По качеству продукция не уступает довоен. времени.

В. С. Н. Х. Б.

Белорусский Государств. Трест Бумажной Промышленности

Белбумтрест

г. МИНСК, Революционная ул., 1.

ОБЪЕДИНЯЕТ:

БУМАЖНЫЕ ФАБРИКИ:

„СПАРТАК" — Шклов, Могилевского Окр.

„КРАСНАЯ ЗВЕЗДА" — местн. Чашиники.

„ПРОФИНТЕРН" — г. Новоборисов, Борисов, Минского Окр.

КАРТОННЫЕ ФАБРИКИ:

Им. ЛЕНИНА — м. Пуховичи, Минского Окр.

Им. ВОРОВСКОГО — м. Сураж, Витебск. Окр.

Древомассный завод им. СТАЛИНА — г. Рогачев,

Обойная фабрика имени ВОРОВСКОГО — г. Минск.